

СѢРАФИМОВО ПОСЛУШАНИЕ

СЕРЯФИНОВО ПОСЛУШАНИЕ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ Н. А. МОТОВИЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ

МОСКВА 1996

По благословению
Святейшего патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Составление, подготовка текста
и примечания
Александра Стрижева

На первом форзаце: Вид Саровской пустыни с восточной стороны.
Фотография 1903 г.

На втором форзаце: Вид Серафимо-Дивеевского монастыря с юго-
западной стороны. Старинная литография

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Инновационного предприятия
«ЭНИКО Менеджер»

ISBN 5-7302-0843-X

© А. Н. Стрижев.
Состав, подготовка текста
примечания, 1996

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга впервые представляет читателю полный объем документально-творческого наследие православно-го подвижника XIX в. Николая Александровича Мотовилова и материалы о его жизни. Первый раздел книги включает как известные по публикациям запись беседы Н. А. Мотовилова с преподобным Серафимом Саровским и житие великого старца, так и впервые публикуемые письма Н. А. Мотовилова к российским императорам Николаю I и Александру II и его докладные записки. Особый интерес представляют материалы, позволяющие проследить взаимоотношения «служки Серафимова» с официальными лицами, увидеть его образ глазами российских чиновников всех рангов. Эти документы, извлеченные из секретного «Дела № 93», заведенного на Н. А. Мотовилова в 1854 г. по его собственной просьбе III Отделением Канцелярии Его Императорского Величества, также впервые становятся достоянием печати.

При подготовке к изданию мотовиловских записей составителю пришлось разбирать черновики, написанные рукой больного человека, неоднократно ставившие в тупик предшествующих публикаторов. Широко известны сетования по этому поводу С. Нилуса, с трудом расшифровавшего знаменитую беседу Н. А. Мотовилова с великим Серафимом «О цели христианской жизни». В том, что черновики Н. А. Мотовилова напоминают причудливую клинопись, читатель сможет убедиться сам, взглянув на фотокопии его почерка, помещенные в нашем издании.

Второй раздел книги составляют материалы к биографии Н. А. Мотовилова, без которых представление о нем как о человеке и духовном писателе, на наш взгляд,

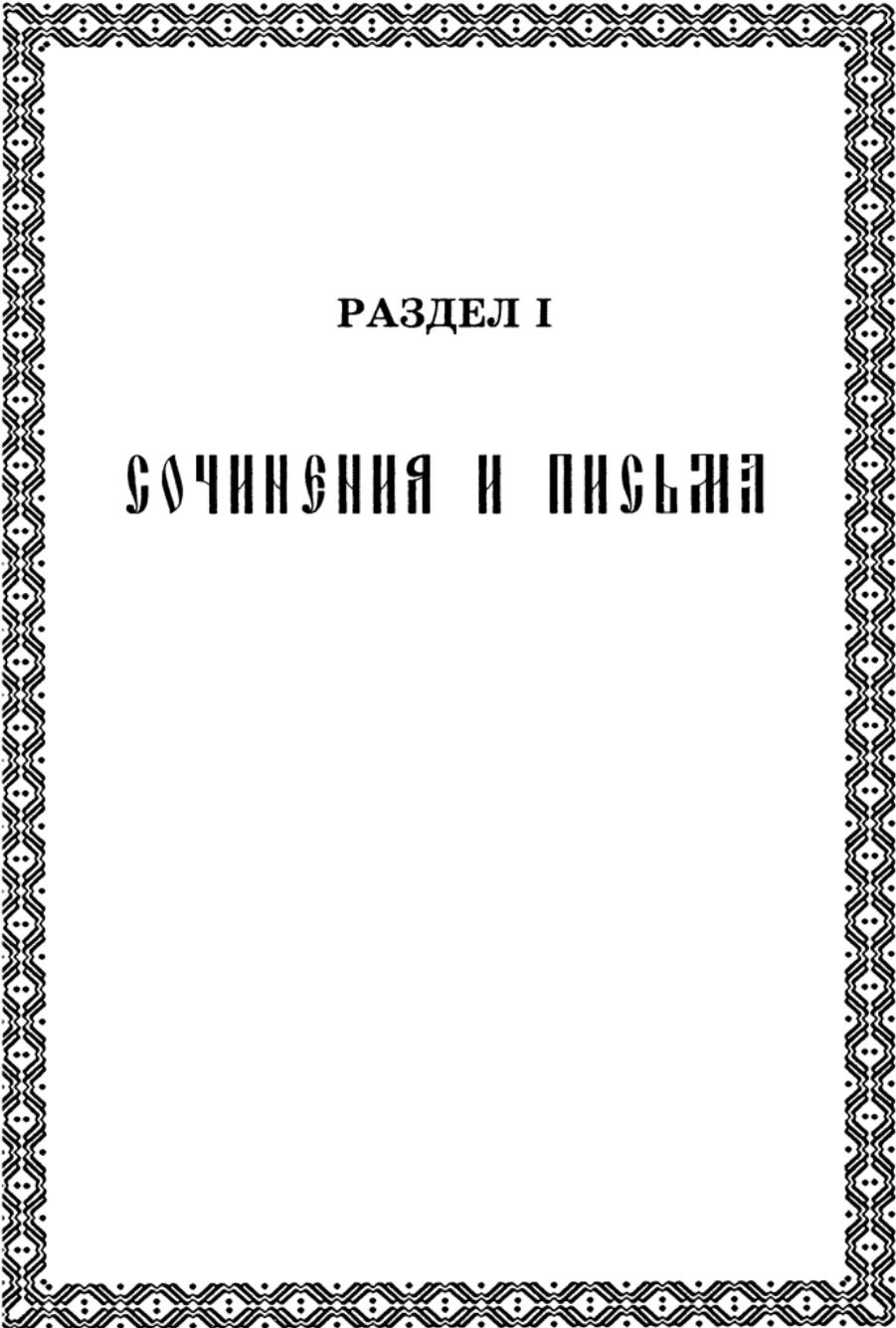
было бы неполным. Это работа С. Нилуса «Служка Божией Матери и Серафимов» и воспоминания Е. И. Мотовиловой, рассказывающие не только о различных обстоятельствах жизни ее покойного мужа, сколько раскрывающие духовный облик этой незаурядной личности. Здесь помещено и сочинение, принадлежащее перу богослова, скрывшего свое имя под инициалами Н. П. Незвестный автор пытается всесторонне осмыслить и оценить значение бесед отца Серафима о цели христианской жизни. Эта публикация закономерно завершает книгу, ведь Серафимово послушание по сути дела сопровождало всю жизнь Н. А. Мотовилова, так же как и его творчество, ярко отразившее по-детски чистую веру, поддерживаемую его общением с носителями святости — старцем Серафимом, архиепископом Антонием, дивеевскими монахинями.

Составитель сердечно благодарит всех тех, кто оказывал бескорыстную помощь и содействие в подготовке издания и прочтении рукописей Н. А. Мотовилова. Это прежде всего игумен Андроник (Трубачев), зав. отделом ГАРФ Э. И. Перегудова, В. Е. Демин, В. Н. Шкурко, Н. П. Фединистова, В. Л. Шленов.

Александр Стрижев.

* * *

Орфография и пунктуация публикуемых текстов приближены к современным нормам. Цифровые сноски принадлежат авторам текстов, обозначенные (*) — составителю. Тексты печатаются без сокращений, кроме случаев, специально оговоренных, пояснения в квадратных скобках принадлежат составителю.

РАЗДЕЛ I

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА

ЖИЗНЬ, ПОДВИГИ И КОНЧИНА САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ ИЕРОМОНАХА И ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ ОТЦА СЕРАФИМА,

родившегося в 1759 году, скончавшегося в 1833.
В монашестве подвизался 47 лет, всей же жизни сего
добродетельного мужа было 74 года

Читая жития святых отцов, невольно дивишься чистоте и святости жизни подвижников первобытной Церкви. Ангельское прохождение жизни их и высокие откровения, которых они удостаивались зреть, невместимы для ума грешного человека, неопытного, блуждающего в грехе. Непросвещенный духовно ум дерзает за отдаленностью времен или опровергать все писанное, или утверждать, что таковые явления благодати только и могли проявляться в христианстве первых веков. Но мы видим, что избранные Божии рабы не пресекаются, Господь и доньше являет их миру. Пример сему — саровский старец Серафим, недавно еще сиявший дивною звездою в пустынном жительстве Саровской обители.

Кто не знал сего любвеобильного Старца — мужа, преисполненного благодати? Его сердце горело любовью, оно любило все человечество, оно было отверсто для всех. Я знал его и верю, что он велик пред Господом, почему и решил, благоговей к памяти просветленного благодатию Старца, по возможности собрать некоторые черты из его жизни, переданные многими учениками его и некоторыми лицам, состоящие из достоверных сведений о рождении его, вступлении в монастырь, о монашеских подвигах, поучении, прозорливости и высоких видениях, которых он удостоился зреть. И, наконец, о кончине его, хотя все это не составляет

полной жизни святого мужа, но по крайней мере достаточно будет, чтобы видеть, как высока была любовь и добродетель сего любимца Божия, старца Серафима.

Местом рождения сего великого подвижника Божия был губернский город Курск; родился он 1759 года июля 19 дня от благочестивых родителей, принадлежащих к купеческому сословию; родитель, спустя немного лет по рождении его, кончил жизнь, и младенец Прохор (так назывался он в свете) до пятнадцатилетнего возраста воспитывался под надзором одной матери своей — в продолжение этого времени по многим случаям уже видно было, что юный Прохор просияет высокою святостию.

Однажды, неся на руках маленького Прохора, мать его встретила на улице с одним блаженным, Христа ради юродивым, который, подойдя к ней, предрек высокую будущность младенца семи словами: «Блаженна ты, вдовица, что имеешь такого сына, который будет Сосуд избранный Святого Духа». Подобно сему и многие другие случаи, переданные о его младенчестве, что можно видеть особенно в напечатанной книжке под названием «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима» *, доказывают ясно, что сей высокого жития Старец еще в младенчестве предназначен был подвизаться в делах добродетели. Когда же минуло ему тринадцать лет, будучи сгораем любовью к Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, не мог он перенести светской жизни и, несмотря на свои юные лета, подговорив одного из знакомых ему извозчиков и тайно оставив дом родительницы своей, в одну темную ночь вышел через сад

* Имеется в виду одна из первых публикаций о прп. Старе: Георгий, игум. Сказание о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и затворника, извлеченные из записок его ученика. СПб., 1845.

в калитку и уехал в Саровскую пустынь, где хотя в скором времени и был открыт матерью своею, но никакие убеждения со стороны ее не могли возвратить его в мир, так что и она сама по благочестию своему не воспротивилась его желанию и благословила на вступление в монашество, почему на восемнадцатом году и получил от Курского общества увольнение в звание иночества*, где в короткое время и превзошел в подвигах монашеских своих товарищей. Будучи в юных летах, в понедельник, вторник и среду он не вкушал ничего, в четверток только что обедал, в пятницу и до вечера субботы также не ел, но в воскресенье ел два раза по положению, чтобы в субботу и в воскресенье не поститься; это был всегдашний его пост, что же касается молитвы, он одной церковной службой не был доволен, хотя она всякий день занимала время одиннадцать, а в праздничные дни — шестнадцать часов.

Он всю ночь простаивал на молитве, а сон его был среди дня не более двух часов. Таков был юный Прохор еще в послушническом своем звании! Сверх сих подвигов он имел различные послушания, которые проходил все с величайшим смирением и ревностью; 1786 года августа 13 дня был пострижен в мантию с наименованием Серафима, и по принятии ангельского образа он совершенно предался Господу**. С мужским полом говорил очень мало, и то по

* Для ухода в обитель надобно было получить согласие своего сословия, в данном случае — Курского купеческого общества. Никакая прежняя жизнь не может стать препятствием ко вступлению в иночество, ибо иночество есть жизнь покаянная, а монастырь — лечебница (43 правило VI Вселенского Собора).

** Существует две ступени иноческого звания: низшая — малая схима, или мантия, и высшая — великая схима, или великий ангельский образ. Чин пострижения «в мантию» совершается на Божественной литургии после входа с Евангелием или в конце всенощного бдения. Мантия, «риза спасения», как бы показывает иноку, что он не имеет теперь свой воли. Камилавка — «шлем спасения».

необходимости, а на женский пол даже и не взирал. В 1787 году отец Серафим был посвящен в иеродиакона, тут он стал удаляться в пустыню, но церковного служения не оставлял и в одно время при служении литургии, когда возглашал: «Господи, спаси благочестивыя» — удостоился узреть дивное видение. Он видел, как сам впоследствии передавал, посреди храма на воздухе Спасителя, облеченного всею славою в огненных лучах, и при пении «Святый Боже» все сие Божественное видение приблизилось к иконостасу и, наконец, соединилось с местным образом Спасителя. Отец Серафим так много испуган и поражен был сим явлением, что не в силах был продолжать служения и долго не мог прийти в себя. Братия вся заключила, что с ним сделалась просто дурнота от приключившейся внезапно болезни. Отец Серафим оставил ее в сем мнении и уж спустя много времени открыл это некоторым из братий, с которыми более имел духовного общения. В 1793 году отец Серафим был посвящен в иеромонаха, принявши священство. Он стал более уединяться и, наконец, совершенно предался Богомыслию и заключил себя в затворе, где находился пять лет, и уже по убеждению некоторых лиц или, вероятно, по воле Господа он оставил затвор и стал принимать к себе всех приходящих к нему пользы ради душевной. Потом стал уединяться в пустыню, где утруждал свою плоть стоянием на коленях на двух камнях: на одном, который был в дальнем расстоянии от его пустыни, тысячу дней, а на другом, находящемся в самой пустыни, — тысячу ночей. И таким образом удручая свое тело, приводил его в повиновение духу, как писал и сам говаривал, когда его спрашивали, для чего он без всякой надобности таскает на себе камень: «Я убиваю убивающего меня», — отвечивал всегда отец Серафим. В это время враг, не в силах будучи переносить

святую жизнь Старца, ополчился на него со всею адскою своею силою, поднимал его на воздух и ударял так сильно, что только высокая святость Старца в силах была переносить эти язвы от врага. Как и сам говорил: «В монастыре жить, что с голубями, а в пустыни, что со львами». И показывая однажды ученику своему Иоанну превеликую на шее шишку, наподобие куриного яйца, сказал: «Вот это я получил от беса на молитве за ближнего. Я видел одну душу, потерявшую всякое упование на благодать Божию, в совершенном отчаянии. И враг человеков представил этой душе безнадежное падение, и что для нее уже не существует милость Божия, и никакое раскаяние не очистит ее от прегрешений ее, тогда как бесконечная благодать Божия и неисследимая пучина милосердия Его беспредельна: *На сие с небес снидох не ради праведников, но ради грешников* [Мф. 9. 13]. Видя ужасное падение и последнюю степень отчаяния, ведущую душу эту прямо в челюсть ада, пал я в прах пред Врачом душ и телес, пред Господом милосердным, Отцом Небесным, моля Его о взыскании сей погибшей души: «Да явит свое милосердие и причтет ее к избранному своему стаду» — молил я Царицу Небесную, Ходатаицу всего человеческого рода. Господь послушал убогого Серафима, посетив истинным раскаянием погибшую душу, водворив в ней надежду и возвратив на истинный путь. Посрамившийся враг с злобой своей ударил меня в шею, удар был так ужасен, что мне казалось, будто бы все тело мое возгорелось как в огне, рассыпалось по всем составам, и если бы не помощь Божия, то человеческим силам, мыслю, невозможно было бы перенести сей удар. Но впрочем, — прибавил Батюшка, — если уж стоять, так надобно не хромать, а то и малый из них победит. А вооружась, надобно мужественно противу врага стать, да

и за ближнего, по Слову Спасителя, *душу положить довлеет*» [Иоан. 15, 13].

Такова была любовь его к ближним, и таковые терпел он искушения и нападения от врага. Но за то и Господь не оставил своего любимца, и он неоднократно удостоивался зреть Пречистую Божию Матерь, являвшуюся ему. И вот одно из сих святых явлений. Отец Серафим страдал от побоев, причиненных ему разбойниками, пришедшими к нему ночью в пустыню, которые, не найдя у него денег, в досаде и злобе, излили на него всю ярость свою и до того терзали и мучили его, что едва оставили живого. В столь страдальческом состоянии он найден был в пустыни своей одним усердствующим к нему послушником, который немедленно объявил о сем в монастыре, и игумен приказал привести отца Серафима для пользования в монастырскую его келью, где от сильных побоев и произошла впоследствии водяная болезнь. Прибегнуть к медицинским пособиям он никак не соглашался, хотя настоятель несколько раз и предлагал ему, на что он всегда отвечал: «Я предал себя Господу, следовательно, Он лучше знает, как поступить со мною; нужно, чтобы я был болен, — буду страдать, угодно Его Благодати, чтобы я был здоров, — Он исцелит меня». И таким образом имея все тело опухшее, он лежал на болезненном одре своем и ждал Пресвятую Исцелительницу, о посещении Которой с апостолами Петром и Иоанном и с некоторыми мученицами он, кажется, был предуведомлен, что можно заключить из самого рассказа отца Серафима. «В одну ночь, возлюбленный Иоанн, — так говорил Старец своему ученику, — я, убогий Серафим, лежал удрученный болезнию, как вдруг внезапно вся моя келья стала освещаться каким-то необыкновенным светом.

Я знал, что это Матушка, Царица Небесная, грядет ко мне с апостолами и девятью мученицами (которых и имена всех назвал) излечить меня. Несмотря на тягость моей болезни, я не помнил себя от радости, в восторге ждал Небесную Пресвятую Посетительницу. Свет постепенно увеличивался, и наконец, озарилось все таким блеском, что казалось мне, будто все солнышко поместилось в моей келье. И в сем-то Божественном свете, облеченная всею небесною славою, предстала предо мною Матушка Царица Небесная с апостолами и мученицами и, обернувшись к близ стоящему к ней апостолу Иоанну, изволила милостиво проговаривать, указывая на меня, убогого старца: «И сей, лежащий здесь, из Нашего же рода». Потом приблизилась ко мне, возложив на голову мою Пречистую Свою руку, сказала: «Я пришла исцелить тебя». Потом изволила коснуться рукою до моего бока, где по прикосновении немедленно открылась рана, чрез которую и истекла вся вода и материя, наполнившие мое тело, почему я с той же минуты и почувствовал в себе легкость совершенно здорового человека. По исцелении же моем Матерь Божия изволила скрыться, и сие видение прекратилось. Я же почувствовал себя совершенно здоровым, и самая рана в боку по истекании из нее всех жидкостей, от которых я страдал, закрылась, почему я и отправился опять на свое пустынно-жительство».

За сим показывал своему ученику место в боку, к которому прикасалась рукою Пречистая, где, как будто для подтверждения сего чудесного явления, осталась навсегда довольно глубокая впадина. После сего Божественного явления отец Серафим по большей части пребывал в пустыни в непрерывном богомыслии и сердечной молитве ко Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. И там-то, как

передает ученик его отец Иоанн, открыл он ему дар силы молитвы своей, по которой свершилось непостижимое знамение. Послушаем этот дивный рассказ.

— Я часто употребляем был Батюшкою на некоторые послушания до Дивеевской общины, которые по любви и усердию моему к Старцу я с радостию всегда и выполнял. Отец Серафим сам никогда не хаживал в Дивеево для учреждения порядка в новоустроваемой общине, но всегда с приказаниями посылал меня, где по распоряжению Старца все и было мною выполняемо, почему и угодно было ему назначить меня по себе быть довершителем устройства Дивеевской общины. Но враг не оставил и меня без искушений. Игумен и многие из братии, зная мое усердие к Батюшке, стали гнать меня. А более отец игумен гневался за то, что я по приказанию Старца своего отлучался в Дивеево, что много меня возмущало. Раз идучи по монастырю, встретился я с одним послушником, который, остановив меня, начал мне говорить об отце Серафиме много дурного: и, по его мнению, он живет более всем на соблазн, чем в назидание, что не только он, но игумен и многие из братии так находят и, наконец, как будто принимая участие во мне, сказал, что он дивится, как я, видя все это, прилепился к отцу Серафиму, за которого еще терплю гонение. Сколько я ни старался прекратить с братом этот неприятный разговор, но, видя, что он не останавливается, а все продолжает более хулить образ жизни отца Серафима, принужден был наконец уйти от него и, уединившись в своей келье, невольно стал размышлять о моем разговоре с братом, и все слова его пришли мне на мысль, хотя я и находил их лживыми и вполне был уверен в святости жизни моего Старца.

Но не менее того разговор этот много поколебал мою веру, и я решился, чтоб избавиться от всех неприятно-

стей, не только отказаться от отца Серафима, но даже оставить и монастырь. Между тем по какому-то невольному чувству желая повидаться с Батюшкой, чтобы проститься с ним и принять его последнее благословение, пришел я к нему в пустыню и, приняв благословение, хотел только говорить о моем намерении оставить пустыню, как Батюшка, не дав мне сказать ни одного слова, рукою своею зажал мне рот и сказал: «Огради уста свои молчанием, я знаю, зачем ты ко мне пришел». И начал подробно рассказывать мне все, что со мной случилось, начиная с разговора, который я имел с братом, потом о моем смущении, малодушии и, наконец, о моем решении отказаться от него, оставить обитель. Высказав все, что только было у меня в мыслях, и открыв, так сказать, тайны моего сердца, спросил меня: «Это ли причина твоего прихода?» «Точно так, Батюшка», — отвечал я в трепете, будучи поражен до невозможности прозорливостью Старца. «Итак, видишь ли, — сказал отец Серафим с видом гневным, — какие мы младенцы. Лишь чуть на нас откроются какие наплеты, мы и назад, а дороги-то нет».

Это его собственные слова: «Если мы делаем все ради Бога, то для чего же нам смущаться? А если братия нас гонят, то должны осмотреться, нет ли в самом деле за нами вины? Не правда ли, что святые велят жен бегать? — и, указывая на двух девиц из Дивеева, трудящихся в огороде: — А они всегда при нас. Правильно ли мы это делаем? Подумай и скажи мне, что говорит об этом Священное Писание? И как поступали в подобных случаях святые Отцы?»

Надобно сказать, что отец Серафим имел и сам всегдашним правилом всякую мысль свою согласовать с Святым Писанием и с жизнью святых отцов, от чего дух его никогда не возмущался, и он, по слову апостола

Иакова: «Ведущему добро творити и не творящему грех ему есть» [Иак. 4, 17], был всегда тверд в своих действиях и никогда не изменял ему. И если что раз было им предпринято, то уже никакие скорби, противности и искушения не могли остановить его в выполнении оногo. Почему он и требовал непременно, чтобы я ему доказал из Святого Писания или жития святых отцов, должны ли мы покровительствовать дивеевским или нет? Будучи этим требованием совершенно приведен в замешательство, я не знал, что сказать ему, но, видя гневный вид Старца, решился наконец проговорить:

— Батюшка, я верую, что все, что вы ни делаете, угодно Богу, и если печетесь о сиротах, то это, конечно, по воле Божией. Так какого же ответа требуете от меня, грешного, и можно ли в гнилом источнике испить светлой воды?

Но отец Серафим не был доволен моим ответом. Вид его сделался еще гневнее, и он, трепля меня за рукав, требовал настоятельно, чтобы я объяснил, как святые отцы говорят об этом. Совершенно оробев и не зная, что сказать, я стал говорить, что мне пришло на мысль в эту минуту:

— Батюшка, попечением о бедных и сиротах многие из угодников Божиих занимались, даже и пустынножители. Феодосий Великий* поставлял несколько трапез каждый день для нищих.

Отец Серафим как будто не внимал этим доказательствам и, желая, чтобы я говорил согласно его заботливости о дивеевских, сказал:

— Все святые жен-то велят бегать, а они всегда при нас. Что, угодно ли это Богу?

* Подвижник первых лет христианства, основатель монастырей († ок. 412 г.).

Боясь более разгневать Батюшку и чувствуя, что не могу придумать ничего, я вынужден был мысленно прибегнуть к Господу и просить Его, чтобы Он вразумил меня. Вдруг пришло мне на мысль, конечно, по внушению Божию сказать ему:

— Батюшка! Жена с девицею имеет большую разницу, как святые отцы и Писание утверждают.

— А кто говорит об этом? — спросил отец Серафим.

— Апостол Павел так рассуждает, — отвечал я. — *«Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам [1 Кор. 15, 41].* Это самое толкуя, писатели Церкви так объяснили: девствующих уподобили солнцу, вдовиц луне, а брачных звездам. Святитель Николай первый был ревнитель девственности, не хотел и взирать на женский пол до смерти своей, но когда потребовалось, чтобы сделать помощь трем девицам, дабы избавить их от худого намерения, отвергнул всякое замечание, пошел в необыкновенное время, ночью, дать сокровенную им милостыню, дабы чрез то иметь случай приобрести их души. Великий Пахомий* никогда не хотел видеть даже и родной сестры своей, но когда пожелала она посвятить себя иноческой жизни, удостоил ее не только своего лицезрения и бесед, но еще в окрестностях своего монастыря устроил ей келью, где впоследствии составила́ся целая община девиц, о которых имел он отеческое попечение. Да и святитель Димитрий Ростовский** девиц уподобляет ангелам небесным. «Отними, — говорит он, — у ангела крылья и поставь к деве, то дева будет ангелом, а ангел девою».

* Основатель общежительного монашества со строгим уставом (292–346).

** В миру Даниил Саввич Гуптало (1651–1709), святитель, церковный писатель. Составитель Четвх Миней и др. книг. Цитируемые слова из кн. «Алфавит духовный»; автором этого произведения в настоящее время признан Исая (Коменский), митрополит Киевский (XVII в.)

По мере доказательств моих вид Батюшки приметно изменился и из гневного преобразовался в кроткий, совершенно ангелу подобный. И когда я сказал, что дева подобна ангелу, отец Серафим совершенно был этим утешен и уж с любовию начал говорить мне так:

— Видишь ли, мой возлюбленный, мы напрасно унываем о том, что поносят и оскорбляют нас за попечение о Дивеевской общине. И сколько я тебя ни просил не смущаться, а ты все, как младенец, хромаешь. Но чтобы нам более не сбиваться, знаешь ли, что мы сделаем: помолимся Господу, чтобы он сотворил нам знамение.— И, указывая на одну огромную ель, промолвил: — Видишь ли это дерево, я думаю, что оно растет лет сто пятьдесят. Итак, если угодно будет Господу, чтобы мы устроили дивеевских сирот, то оно дерево приклонится в эту сторону (показывая рукою, куда именно), а если нет, то мы оставим сирот на волю Божию и память об них не будем творить.

Изумившись странному предложению и находя это невозможным, я мысленно начал жалеть о Дивеевской общине, зная характер Батюшки, что если это не выполнится и дерево останется на своем месте, то бедные сироты непременно будут им покинуты и останутся без пищи душевной и телесной. Решился просить его, чтобы он отменил свое намерение. Но Батюшка, как будто понимая мое сомнение, или лучше сказать, неверие, не обличая меня, сказал:

— Молюсь о тебе, да не оскудеет вера твоя, и поверь мне, когда ты и убогий Серафим преклонят колена, то дерево непременно приклонится на показанное мною место.

За сим оградив меня крестным знамением, отпустил в монастырь, сказавши еще:

— О чем мы говорили (то есть о дереве), то уже сотворим.

Я приложился к Распятию Христову, носимому им всегда на груди, и отправился в свою келью совершенно успокоенный в моей скорби, о которой хотя ни слова не говорил, но прозорливость Старца все открыла и уничтожила мои пустые предприятия. Пришедши же в монастырь, я по нерадивой своей жизни совершенно забыл о сделанном условии Батюшкою, то есть помолиться Господу о явлении знамения. И вдруг посетило меня благое чувство, приведшее душу мою в совершенный восторг. Тут только я вспомнил, что должен был молиться. Но, будучи преисполнен радостью свыше, я не стал молиться, а бросился бежать к отцу Серафиму. Подходя к его пустыни, я был поражен до невозможности, увидя дерево, вырвавшееся со всеми корнями своими и лежащее именно к той стороне, куда ему назначено было приклониться. А Батюшка, которого вид на этот раз был совершенно ангельский, встретил меня и, поклонившись до земли, сказал:

— Что ты, мой возлюбленный Иоанн, ко мне пришел?

Распростершись у ног его, я более ничего не говорил, как только просил неотступно помолиться обо мне. Батюшка, подняв меня, обнял, потом подвел к лежащему дереву и сказал:

— Вот видишь ли, мой возлюбленный, апостол Павел говорит: *Вся могу от укрепляющем мя Христе* [Флп. 4, 13]. Мы с тобою не Павел, а убогие люди, но Бог и нас слушает. Теперь видишь ли ты это знамение? Оно не ради нас, но ради сирот.

И, желая скрыть свое смиренномудрие и святость, прибавил:

— Однако же, прошу тебя до успения моего о сем никому не объявлять.

Потом начал убеждать меня, чтобы я имел более веры к нему и его деяниям, укрепляя меня в терпении. Говорил, что без терпения монах, «что храмина без основания». И таким образом наставив меня, не только остановил в глупых моих предприятиях, но, искоренив во мне всякое искушение, утешил в малодушии. И, насадив во мне непоколебимую к себе веру, с благословением отпустил в монастырь.

Пришед из пустыни Старца в обитель, сердце мое преисполнено было радости. И сколько я ни старался, несмотря на данное обещание Батюшке, передать мою радость одному брату, но всякий раз, как с ним виделся, забывал. Так что, наконец, удостоверился, что это не угодно Господу, чтобы я нарушил приказание Старца, почему и сохранил это в тайне до кончины отца Серафима. А по преставлении его открыл это явление преосвященному Арсению, епископу Тамбовскому, который и видел сие дерево, еще лежащее на месте своего падения. И с тех пор преосвященный Арсений всегда благоговел к памяти отца Серафима.

Так сильна была вера и молитва сего преисполненно-го благодатию Старца. И так велик был сей дивный муж в очах Божиих, что Господь во время молитвы удостоил его восхищением на небо, подобно апостолу Павлу. И это высокое откровение известно было весьма не многим из братии, усердствующим к отцу Серафиму, а при жизни Старца сохранялось в большой тайне до преставления его. Отец Иоанн раз в беседе со мною спросил меня: «Что, отец Серафим ничего не говорил тебе о восхищении его, подобно апостолу Павлу, в Царство славы Господа?» И когда я ответил, что ничего не знаю, то он сказал мне так: «Знай же, что эта милость и любовь Господа Иисуса

Христа действительно была ему явлена, хотя Батюшка и держал это втайне, но я подлинно то знаю».

Услышав сие и зная добродетельную жизнь брата, я уверен был в справедливости сказанного мне, почему невольно оскорбился тем, что Батюшка, который знает мое усердие и любовь к нему, мог до сих пор скрывать от меня это высокое милосердие Божие, явленное ему. Но вместе с тем, чувствуя свое недостойнство, находил, что я, может быть, и не заслуживаю, чтобы он мне передал оное. Но не менее того желание слышать от самого отца Серафима о его восхищении на небо было так велико, что немедленно по разговоре моем с братом пошел к Старцу в пустыню в надежде, что, может быть, он и сообщит мне свою радость. Батюшка принял меня с любовию, посадил возле себя и много говорил об обязанностях инока, о любви ко Господу, о вере — словом, о всем том, что возвышает человека в очах Божиих. А более всего советовал мне стяжать дух мирен, что ничто так не любезно Господу, как сохранение в себе духа мира. Для такового нет ничего невозможного. И наконец, как будто предвидя мое желание и чтобы утешить меня, сказал:

— Вот я, убогий старец, раз читал Евангелие, и, дочитав до того места, где Милосердный Спаситель наш говорит о вечных обителях Своего Отца [Ин. 14, 2], при чтении сем возгорелось сердце мое, и убогий Серафим, возжелав узреть сии прекрасные обители, дерзнул молить Господа своего Иисуса Христа, чтоб Он показал их рабу Своему. Господь Милосердный послушал меня, и я, убогий старец, удостоился узреть то, чего, радость моя, не могу тебе исповедать и даже не знаю, в теле я был или вне оного, Господь уж то знает. Но только я видел такую красоту и чувствовал такое наслаждение, что язык мой не в силах сие выразить. Скажу тебе одно: если бы келью мою

наполнили червяки, которые непрерывно, до самой кончины точили бы тело, и тогда все эти страдания, как бы велики ни были, были бы нечувствительны при воспоминании тех радостей, которые нас ожидают в обителях Господа.

После сих слов он наклонился, закрыл рукою глаза и полчаса был в молчании. В продолжение этого безмолвного состояния лицо его стало просветляться и наконец просияло так, что я не смог смотреть на него. Мне казалось, что он облечен был каким-то непостижимым светом. И в то же время, как я ни был поражен этим видением, но чувствовал в душе моей такую радость, которую не могу изъяснить, таковое имело влияние просветление Старца и на меня грешного. После чего отец Серафим, как будто пробудившись ото сна, поднял голову и много мне говорил о милосердии Божиим, о сладости будущей блаженной жизни. Таким образом назидая меня и утешив много, отпустил с миром в монастырь.

Не одно сие Божественное откровение и не одни дивные видения, которые он удостоивал зреть, были удостоверением в святости жизни отца Серафима. Она проявлялась и в поучениях его, которые хотя были и просты, но превышали всякую человеческую мудрость. В каждом слове его истина открывалась во всей своей полноте. Любовь и снисхождение к человеческим немощам видны были во всех его словах. Он не гремел в своих поучениях и даже в самих обличениях. Сладостное утешение изливалось из уст его так, что и самые грешники находили отраду в наставлениях сего преисполненного любви Старца. И несмотря на то, что сердца их были уязвлены и обезображены грехом, получали внутреннее облегчение. И восхитительное покаяние не замедляло проявляться там, где прежде и тени не было.

Приведем в пример одно из сих замечательных наставлений, которое ученик его Иоанн передает таким образом.

— Однажды пришел я, — так говорил Иоанн, — к батюшке Серафиму просить его благословения носить вериги. И как я только располагался о сем ему говорить, Батюшка, предупредив, открыл мое намерение сими словами: «Вот, батюшка, сироты дивеевские приходят ко мне с просьбами, иные просят вериги, власяницу, иные затворов, а все младенцы. Хотел я спросить тебя, как ты мне посоветуешь, позволить ли им или нет? Ведь святые-то отцы носили власяницы, вериги и в затворах-то живали, все по разуму с благословения Божия или чрез откровения богоугодных мужей, сообщаемые им. Мы же по силам еще младенцы, а также хотим, как и они, быть на высшей степени; азбуки порядочно не научились, а сочинять хотим, то как же думаешь, разрешить ли им это или нет?» Выслушав сие, я с радостью сказал ему: «Простите меня, Батюшка, я было и сам пришел просить Вашего благословения на вериги». На это он отвечал мне с большою кротостию: «То-то, мой батюшка, ведь я это и говорю тебе. Послушай меня. Вот если кто без причины, без вины заушит тебя по ланито, а ты подставишь ему и другую; если укорит кто, а ты ради Христа снесешь незлобиво, да еще и поблагодаришь Господа, удостоившего тебя быть сообщником страстей Его, это значит: духовные вериги ты носишь. А если кто плюнет тебе в лицо, а ты перенесешь эту обиду со смирением и любовью для Господа Иисуса Христа, это будет означать, что ты власяницу носил. А затвор состоит в том, чтобы затворить пять чувств, дабы ими ничего не видеть и не слышать и не пленяться, кроме любви Иисуса, а то мы ни плоти не покоривши, ни воли своей не отрехшись, ни сми-

ренномудрию не обучившись, ни одной первоначальной степени иночества делом не испытавши, хотим быть на высшей степени. Как бы кроме сего нам ничего к исправлению не осталось. Так-то, батюшка. Совсем оставь эти мысли, а если хочешь власяницы, вериги и затвор, то принимай с любовью заушение, оплевание, презрение, унижение и всякое невинное гонение, терпи все это Господа ради. Вот тебе вериги, власяница и затвор! И это еще вменится тебе в великие подвиги, и ты причтен будешь к мученикам. Преподобный Феодосий Печерский* предавал свое тело насекомым, комарам и оводам, но это уже тогда, когда все испытал и, будучи свыше укрепляем Благодатию Божиею, как к последнему оставшемуся ему приступил к умерщвлению своей плоти. Так, возлюбленный мой, гряди с миром на подлежащие тебе подвиги, взирай на Образ Христа Спасителя — Образ, данный нам, да последуем стопам Его. Глаголет бо Господь, призывая нас к себе: *Аз есмь кроток и смирен сердцем, возьмите иго Мое на себе и обрящете покой душам вашим, иго бо Мое — благо и бремя Мое — легко есть* [Мф. 11, 29—30]. Вот где наш покой! *Научит бо кротких путям Своим* [Пс. 24, 9]».

Описав, что только мне было известно из преисполненной святости, добродетельной жизни сего великого подвижника Божия, Богоугодного старца Серафима, скажем и о кончине сего праведника, которая так же была непостижима и дивна, как и все Божественные явления, которые он удостаивался зреть при жизни своей. Представление сего Старца, как передает о сем тот же ученик Иоанн, было таким образом.

* Игумен Киево-Печерского монастыря, чудотворец, родоначальник монашества на Руси (1036—1091).

— Я пришел к Батюшке, — так говорит Иоанн, — что было за одиннадцать месяцев до его кончины. Отец Серафим много говорил мне поучительного, потом вдруг начал говорить о кончине своей сими словами: «Жизнь моя сокращается, мой возлюбленный Иоанн! И хотя духом как бы сейчас родился, но телом уж мертв». Слыша эти странные слова, я смутился духом и с величайшею горестию стал ему говорить: «Как, Батюшка, неужели Вы хотите нас оставить? Что будет с бедными сиротами дивеевскими? Как перенесут они эту скорбь, будучи привязаны к Вам Божественною любовью как к отцу и пастырю?» Батюшка, видя мое сокрушение, стал меня успокаивать, но вместе с тем неотступно просил меня, грешного, обратить все свое внимание на дивеевских сестер и устроить их общину. Чувствуя себя неспособным, я стал отказываться, говоря, что я никаких средств не имею для этого и не предвижу, чтобы мог быть в чем-нибудь полезен. Батюшка весьма оскорбился моим отказом и сказал мне: «Я тебе говорю — по Бозе все у них устрой. Старайся подражать Афанасию Афонскому, как он устроил на Афонской горе, так и ты все устрой в Дивеевской общине, о сем прошу я тебя». Я поклонился, просил его молитв и сказал: «Если Господу будет угодно, и молитвами вашими укрепит мои силы, и подаст мне разум и средства, то я употреблю все силы свои, чтоб быть полезным для сирот».

Батюшка смиренно утешал меня, стал опять напоминать о своей кончине, сказав, что жизнь его сокращается, и с сими словами подал мне пук свеч, приказав взять из оных одиннадцать. Я по невниманию своему и на этот раз не понял, в каком значении давал он мне эти одиннадцать свечей, и взял девять. Отец Серафим, заметивши это, сказал: «Возьми счетом одиннадцать». Спустия два месяца

дал мне девять свечей и с этими же словами: «Жизнь моя сокращается, я очень слаб». Потом через три месяца дал шесть свечей, еще через три месяца — три свечи. По прошествии еще двух месяцев Батюшка подал мне одну свечу. И говорил мне прямо о своей кончине и болезни особенно в ногах, сказав, что если б не помощь Господа и Царицы Небесной, то не человеческим силам выносить эти страдания. И опять повторил просьбу свою, чтобы я не оставил дивеевских. Наконец за неделю до его кончины я был у него в келье, в это время на гробе его, который он устроил для себя и который всегда находился при его келье, горело множество свеч. Он указал мне на один малый огарочек, приказал затушить его и взять себе. Потом, сделав мне много наставлений, стал прощаться со мною и, тут уж решительно назначив день своей кончины, приказал мне после себя терпеть все любви ради Господа. И ни под каким видом не оставляя дивеевских, непременно устроить их жизнь и, как священную обязанность полагая это на меня, требовал, чтоб я ни по какому прискорбию не оставлял сие возлагаемое им на меня послушание. И при этом завещании был очень грустен. Последний день моей беседы с ним был в церкви, накануне его кончины.

Батюшка всякое воскресенье у ранней обедни общался в больничной церкви. И по крайней мере за час, а иногда и за два до обедни, приходил в церковь и всегда садился на полу в уголке на правом крылосе для отдохновения. Зная это, я и сам всегда спешил пораньше в церковь, чтобы до обедни воспользоваться его назиданием. Батюшка очень обрадовался. Увидев меня, встал с полу, обнял и, поцеловав в голову, стал сажать возле себя и сказал мне: «Мой возлюбленный, ты пришел к убогому Серафиму!»

Я упал ему в ноги, просил его благословения и молитв. Благословив меня, Батюшка стал мне говорить, что бы я ни под каким видом не оставлял Сарова, никуда бы не выходил и держался отеческих преданий, о чем он и прежде мне говаривал. И таким образом не переставал увещевать меня до тех пор, как началась обедня. В продолжение этого разговора я неутешно плакал и просил его молить. Батюшка взял меня за руку и подвел к местным образам Спасителя и Божией Матери, сказав мне, указывая на них: «Я буду молить Господа Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, чтобы не оскудела вера твоя и чтобы в сердце твоём запечатлелись все слова мои, которые сейчас говорил я тебе». Тут началась обедня, и Батюшка сказал мне: «Ну, теперь прости, мой возлюбленный, я уже тебя совсем отпускаю. Я пойду в алтарь». Я тоже вошел за ним. Батюшка начал прощаться со служащим иеромонахом и, увидевши меня, поклонился мне до земли и повторил прежние заветы. На другое утро, 2 января, во время ранней обедни, кто-то вбежал в церковь и спрашивал отца Павла, келейника Батюшки. Это меня удивило, зная, что Батюшка никогда его не требовал. Спрашиваю, что за причина и на что ищут отца Павла? Мне говорят, что у отца Серафима в келье пожар. Надобно сказать, что келейник Павел всегда упрашивал Батюшку не зажигать в келье много свечей, ибо от великого огня легко может произойти пожар, тем более что вся келья была завалена разным хламом. На что отец Серафим успокаивал его, говоря всегда: «До успения моего в моей келье пожара не будет». Услышав, что у Батюшки в келье горит, я поручил крылос другому старцу, а сам бросился бежать к Батюшке. Прибежав, нахожу в келье отца Серафима с отцом Павлом и еще трех братьев, кото-

рые, разломавши дверь, тушили огонь, происшедший действительно от догоревших, прилепленных к столу свечей, от которых загорелся холст и некоторые книги. Вбежавши в келью, я глядел, где Батюшка, и увидел его стоящего на коленях пред иконой Божией Матери с закрытыми глазами и сложенными крестообразно руками. Он не был покрыт дымом, которого по разломании дверей более было в сенях, чем в келье, почему мне и показалось, что Батюшка, вероятно, от великого богомыслия находится в таком молитвенном подвиге, что даже и не чувствует, что происходит в келье его, почему долго и не смел нарушить молитву. Наконец осмелился сказать ему: «Батюшка! Вы не почувствовали, что могли сгореть». Но как не было никакого ответа, я решился подойти к нему. И тут с величайшей горестью удостоверился, что вчерашнее прощание его со мною не было напрасно — великого нашего Старца уже не было с нами, святая душа его отлетела ко Господу своему, в одну из тех обителей вечных, которые он удостоился еще при жизни своей зреть. Взявши на руки в Бозе почившего Батюшку, я обливал тело его слезами и, наконец, вынес на двор. Отец игумен прежде думал, что это обморок, но после и сам удостоверился, что наша обитель лишилась столпа. Девять дней тело его было в храме, и не только в продолжение этого времени были какие-нибудь изменения, но напротив того, он всем казался просто почивающим. К погребению его съезд был так велик, что ни одного номера в гостинице не было свободного, и в некоторых номерах по несколько семейств помещались вместе за недостатком покоев. Тело сего подвижника Божия положено подле холодного собора, на правой стороне со схимонахом Марком*.

* Саровский пустынножитель и затворник († 4 ноября 1817 г.).

Так кончил жизнь сей преукрашенный добродетельми Старец. То был живой пример для всех монашествующих. Его постническая жизнь, кротость и терпение, высокое смирение, снисхождение ко всем, самоумерщвление и молитвенные подвиги были неимоверны. Он был ангел на земле! Нет сомнения, что, предстоя у Престола Божия по великой любви своей, какую он имел ко всем во время жизни своей, перенес и в горнюю обитель, где и теперь ходатайствует за всех человеков.

БЕСЕДА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ С. НИЛУСА

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, прошед верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати (Деян. 19, 1—7).

И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня (Деян. 20, 22—24).

И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор. 2, 4—5).

А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все пронизывает, и глубины Божии (1 Кор. 2, 10).

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, и потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14).

Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний (Откр. 1, 10).

За месяц до высочайшего повеления об ускорении производящегося в Святейшем Синоде дела о прославлении святого угодника Божия, Серафима Саровского, Господь привел меня опять в Саров и Дивеев. Из трех современниц отца Серафима, которых я встретил в первую свою поездку, я застал в живых одну только Елену Ивановну Мотовилову. Вскоре после моего отъезда, в 1900 году, отошла в селения праведных мать Ермиония; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванфия.

Сильно за эти годы сдалась и Елена Ивановна: согнулся стан, стали меркнуть еще так недавно светлые и пронизательные очи. Серафиму не нужно уже земных свидетелей его праведности, он зовет их к себе в места вечного упокоения, видеть и разделять с ним его славу, ту нетленную и вечную, неувядающую славу, которую Господь от века уготовал всем любящим Его, «идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко солнце!»

Но свежесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живет и расцветает в ее воспоминаниях, и время не имеет власти над ними!..

По просьбе моей, с разрешения игуменни Елена Ивановна дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа Николая Александровича. Всякий, кто интересовался житием отца Серафима, должен знать это имя, которое так тесно связано с именем Батюшки и устроенной им Дивеевской женской обители. Непонятым жил этот человек, неоцененным и умер, но был он при жизни «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя, таким и после смерти остался. В бумагах его довелось мне найти такое сокровище, которое по справед-

ливости может быть названо величайшим свидетельством веры. Этой драгоценностью, с сохранением всей своеобразности слога сороковых годов минувшего столетия, на котором она написана, я и желаю поделиться с православным читателем.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит и больше сих сотворит... (Ин. 14, 12)

«Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской¹. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты что ли хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к Батюшке; он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

¹ При Дивеевской общине в начале ее существования отец Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «Мельничной» та часть обители, в которую по завету старца должны были приниматься одни лишь девицы.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какую неизъяснимую радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему в келью его. Батюшка отец Серафим встретил меня в самых дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садитесь извольте.— И, усадив меня, прибавил:— Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий Старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой, ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник отца Серафима Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью, и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в са-

мом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святиню, но лишь для одного только батюшки отца Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня, я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что Батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась и батюшка отец Серафим, проведив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие! Не взыщите! Вот сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, саровским гостинником, на другой день, после ранней обедни, ехать к нему в ближнюю пустыньку.

ИЗВОЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши, и целый день до поздней ночи, не пивши — не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому Старцу, и все отходили, не получив его благословения, а постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима, в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея из уездного города Нижегородской губернии Балахны и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дожидаться отворения дверей великого Старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий вечеру, уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы¹.

Но я сказал:

— Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки отца Серафима, хоть бы мне и голодную смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, куда откроет он мне двери святой своей кельи!

И батюшка отец Серафим, весьма немного погодя, действительно открыл двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взъщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую, а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйста с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли.

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйста ко мне на ближайшую мою пажникку — там меня обрящете, а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами Батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве.

¹ Надобно знать девственный саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх отца Гурия.

Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился, однако же, не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытывавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличенья, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ ХРИСТИАНСКОЙ

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий Старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали

знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим¹, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией

¹ Батюшка произносил свое имя, как все куряне, не Серафим, а Серахвим.

тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языке бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть». И как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящещи Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой».

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, пришедшего в мир грешный спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же

случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие. Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьего.

— Как же стяжания? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется куплею, и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это

добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не доставало ея, сказано: «Шедши купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток ея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьяго не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божьяго, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово¹». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли:

¹ «Суть путие мнящиеся прави быти мужу, обаче последняя их врят во дно адово» (Притч. 16, 25). Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти.

первая Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оценить не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим Единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божиему всетворческому с духом нашим сопребыванию по непреложному слову Божиему: «Вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Же-

ниха, пришедшего в полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божиим! В чем застаю, в том и сужду, — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть», то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захоте-

ли бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания¹: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божияго, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем,

¹ Житие преподобного Венедикта (память 14 марта): «Земледелец некий сына мала умерша на руку носяша приступи к Преподобному, моля его воскресить сына. Преподобный же преклоня колена с братией на молитву и глаголаша к Богу: «Господи, не на грехи моя презри, но на веру человека того, о воскресении сыновнем молящагося, и отдаждь душу телу сему». Еще же не скончавшейся святаго молитве, абие тело умершее нача в себе показывати силу. Святыи же вземши за руку, возстави отрока жива и здрава и даде его отцу его.

когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздухе, Грядущаго со славою и силою мноюю судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостоиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы позову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте дескать ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог, воз-

несуся во языцех, вознесуся на земли», то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и со другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творишь, а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьяго на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть огонь поядаяй все нечистое, и в общение с Ним не может войти никто же от скверны плоти и духа.

СТЯЖАНИЕ БЛАГОДАТИ

— Ну, а как же, Батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

— Стяжайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими ду-

ховно, торгуйте теми из них, которые вам большой избыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невестественных и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение — бдите и молитесь; много дает Духа Божьяго пост — поститесь; более дает милостыня — милостыню творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы бывало торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, — так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа. Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе Божиим вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божиим, то, благословен Бог, не о чем горевать: хоть сейчас — на Страшный суд Христов. Ибо в чем застану, в том и сужду. Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас, и снова искать, и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более преумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: «Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

БОГОМАТЕРЬ — ЯЗВА БЕСОВ

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго, как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал Старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящаго в рай, или когда читаем у апостола Павла¹: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеком.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда

¹ В апостольских деяниях: *Прошедши чрез Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать слово в Асии. Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию, но Дух не допустил их (16, 6—7)*

друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрях моих?» Т. е. как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, и Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился принять от Бога скрижали закона на горе Синае. Стол облачный и огненный, или, что то же, явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно яви. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится, «вдунул Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной, что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная от персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как, батюшка, святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. И все три

сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пре-был бы неимущим внутри себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутри себя неимущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на все-совершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того премудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек, премудрее и много-знательнее его. Когда Господь повелел ему нареци имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу

и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его, и беседу святых ангелов, и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Таковую же премудрость и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости — в раи, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа

Божия вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам, видя Бога и день Его, и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьего или ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные в яви Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божьего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекли свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по

самому этому Боголюбезному ее исканию причастными Духу Божьему, ибо сказано: «Языки, не ведущие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе прииде».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, пришел ли в мир, обетованный Адаму и Еве, Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божьяго 300 лет, потом на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от ангела.

Вот и святая Анна-пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особнным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть, обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамову благодать Всесвятаго Духа Божия. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; еще же бо не идет Он, то Дух Божий не придет в мир; еще же идет Он, Христос, ко Отцу, то пошлет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и вспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедуховенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем, верным Христовым, в таинстве святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных святою Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранильницы этой благодати. Говорится: «Печать дара Духа Святаго». А на что, батюшка,

ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценную нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь животносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить? И если бы мы не грешили никогда после Крещения нашего, то веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодиниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божьяго и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утревание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего. Слово Божие недаром говорит: «Внутри вас есть Царствие Божие, и нужно есть оно,

и нуждницы ее восхищают». То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи, прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей, нудятся расторгнуть узы их — такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуйя». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в крови агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доньне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечного во ответ благоприятен на Страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человек, спадший с небес Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертью смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во

всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. Поэтому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

БЛАГОДАТЬ ЕСТЬ СВЕТ

— Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет вовеки». Имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено:

«И свет во тьме светится, и тьма его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом при обращении грешника на путь покаяния совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею, и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих! И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих

свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор. Великий свет объял Его, и «быша ризы Его, блещущия яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, — сказано, — осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

МИР И ТЕПЛОТА БЛАГОДАТИ

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?..» Опять же про

этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную, на пользу всем верным — так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божьяго. Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыплются. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

— Не уstraшайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьяго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то Сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолубивая по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на

несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого Старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка отец Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «Мир, по слову апостольскому, всяк ум преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим. Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «...Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготовал Бог любящим Его». Предздатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка,

дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «...Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилатеют, яко орли, потекут и не утруждаются, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вmale и вкратце, явится во всей полноте своей, и никто не возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах,— спросил он меня,— такой же, как из бани?

— Нет,— отвечал я,— на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня бывало духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, так ли вы это чувствуете?

Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие тепери внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретьных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе»...

Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго»... Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, Батюшка,— сказал я,— удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню,— отвечал мне отец Серафим,— что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему,— вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он.— А все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды

Его, и сия вся приложатся вам. Вестъ бо Отецъ ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряетъ Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбля, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды ово

тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмы Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваясь говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрениа на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно, посыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя, дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его

о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничего во имя Мое, ныне же просите и примите»... Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни просили у Господа Бога, все воспримете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь

с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

ПОСЛЕСЛОВИЕ С. НИЛУСА

(к изданию 1903 г.)

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого Старца! Пыль, галочки и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц — все в одной куче, вперемешку одно с другим, и всего весу 4 п. 25 ф. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?!

Разбирая этот хаос, натываясь на всевозможные препятствия — особенно почерк был для меня камнем преткновения, — я, помню, чуть не поддался отчаянию.

А тут среди всей этой макулатуры нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранная фраза: «Батюшка отец Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего «служки» из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?»

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу же нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость, и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира»...

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? Перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная Церковь начинает просить:

«Преподобне отче Серафиме! Моли Бога о нас!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ С. НИЛУСА

(к изданию 1911 г.)

Первое появление в печати рукописи Н. А. Мотовилова, озаглавленной мною «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском, в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым», вызвало, к великому для меня прискорбию и вместе в обличение «духа времени», много недоуменных толков даже в той среде, которая, по благодати учительства, должна была, казалось бы, стоять во главе угла Православной Церкви. Осуетившееся человеческое сердце по всем признакам не могло вместить в себе во всей полноте того откровения, которое заключали в себе драгоценные слова рукописного свидетельства сотаинника преподобного Серафима, и отказывалось принять и верить возможности проявления действия наития Святаго Духа Божия во всей полноте очевидности в смертном человеке.

— Вы с Мотовиловым проповедуете что-то вроде того сектантства Лабзина, которое процветало в известный период царствования Александра I, когда тоже благодать Духа Святаго хотели видеть только в очевидных ее проявлениях: в теплоте, свете и благоухании. Отсюда недалеко и до «прелести»! Такие речи пришлось мне слышать вскоре после появления рукописи Мотовилова в печати.

Прошу простить меня всех православных, которых мой малый труд писателя мог повергнуть в соблазнительное недоумение, но вина моя только в том, что я не с достаточной силой подчеркнул, что чувственные проявления благодати Святаго Духа, почившего на преподобном Серафиме, были даны просветленному зрению Мо-

товилова лишь по молитве старца; и по молитве же святого Старца как явление это, так и боговдохновенная эта беседа сохранена памятью Мотовилова «не для него одного, а через него для всего мира». Нет и не может быть ничего общего между самочинным сектантом Лабзиным и Мотовиловым, всю свою жизнь находившимся в общении и под руководством старцев, из которых один святою Церковью прославлен как угодник Божий и преподобный, а другой (Антоний Воронежский) — таковым смиренно почитается всеми православноверующими сердцами. Первый и, можно сказать, основной признак сектантства и «прелести» есть самочиние, а этот-то именно признак и отсутствует в данном случае.

Но обратимся лучше по этому поводу к свидетельству самой Церкви в лице удостоверения ее преподобных. Вот что свидетельствует преподобный Феогност: «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невестественно соединяющей с Богом невестественный ум, и сподобился увидеть как в зеркале ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого как приявший обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим очищением души, но не потерпи разрешиться от плоти, не предваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится кончина твоя, если то полезно»¹.

По содержанию этих слов преподобного Феогноста святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем «Слове о смерти» рассуждает так: «Ощущение духовное, о кото-

¹ Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в «Христианском чтении». 1826. Ч. 23.

ром говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в отеческих писаниях «известованием», по свойству решительной достоверности. Оно производится наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческие духовные объятия кающегося и недоумевающего грешника. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает душу от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. Вся кости такого человека рекут неизреченным духовным благодарением и славословием: «Господи, Господи, кто подобен Тебе? Ты избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его. Душа такого человека возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его». Духовное ощущение это столь сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам; короче сказать, оно есть водворение в душе Царствия Божия. Стяжавший это ощущение к тому не себе живет, но Богу. У подвергшихся самообольщению и бесовской прелести бывает мнение такого ощущения, и отличается от благодатного по противоположным ему плодам». Вспомним святого Дионисия Ареопагита, который в письме своем к монаху Демофилу поведал об ученике святого апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и по причине чистоты ума его очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преспеянии, что никогда не начинал Божественной литургии прежде, нежели благодать Святаго Духа явно не осенит его »¹.

¹ Игнатий (Брянчанинов), еп. Сочинения. СПб., 1905. Т. 3: Аскетические опыты. С. 237.

Итак, да не будем более смущены в сердце нашем и будем под руководством и за молитвы старцев наших, наших духовных отцов, стяжевать благодать Духа Святого в тех Ему одному доведомых мерах, в которых Ему благоугодно будет снизойти на нас, грешных. Необходимо надо помнить, что та мера наития Святого Духа, о которой ведется речь преподобного Серафима и которая изображается великим его послушником Н. А. Мотовиловым, по выражению самого Преподобного, «не всегда и великим пустынноикам подается Господнею милостью». О торжество нашей веры! Но то ли еще ожидает ее, когда исполнятся «времена и сроки»!..

Ей, гряди, Господи Иисусе!

АНТИХРИСТ И РОССИЯ

До рождения антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, по точному выражению отца Серафима превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее; бунты разинский, пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей; реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...

Неизменный счет войны всемирной и русской будет 10 лет... Так как мне самому сказано еще в 1834 г. здесь, в Воронеже, что я не умру прежде, как узнаю лично, как самого себя, того человека, который доживет до рождения антихриста, чтобы, подобно Симеону Богоприимцу, давшему знать о рождении Истинного Христа, дать знать о рождении истинного антихриста. Проповедь эта будет официально объявлена всем людям, не только русским, но и вселенским, во всесовершенное известие. Тогда легко будет предузнать воцарение его вселенным в старом Иерусалиме, на всей поверхности земного шара, кроме нынешней территории России и внутренней Азии, где живут десять колен царства Израильского. Россия сольется в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрек устами всех святых: «Грозное и непобедимое царство всероссийское, всеславянское — Гога Магога, перед которым в трепете все народы будут».

И все это, все верно, как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрекший о нем и его грозном владычестве над землею. Соединенными силами России и других Константинополь и Иерусалим будут полонены. При разделе Турции она почти вся останется за Россией, и Россия соединенными силами со многими другими государствами возьмет Вену, а за домом Габсбургов останется около семи миллионов коренных венцев, и там устроится территория Австрийской империи. Франции за ее любовь к Богородице — святой Мадонне — дастся до семнадцати миллионов французов со столицей г. Реймсом, а Париж будет совершенно уничтожен. Дому Наполеонидов дастся Сардиния, Корсика и Савойя.

Когда империя русская получит сто восемьдесят миллионов в свое владение, должно ожидать явления антихриста. 1) Антихрист родится в России между Петербургом и Москвой, в том великом городе, который по соединении всех племен славянских с Россией будет второй столицей царства Русского и назван будет Москво-Петроградом, или «Градом конца», как именует его Господь Дух Святой, издалече все предусматривающий. 2) До явления Антихриста должен состояться Восьмой Вселенский Собор всех Церквей под Единую Главу Христа Жизнодавца и под единый покров Божией Матери, Единой по Бозе Всемогущей, с оставлением за первым патриархом его царственной власти как первообраза вечного царства Иисуса Христа, также для объединения и воссоединения всех святых Христовых Церквей против назревающего антихристианского направления под Единую Главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Его Пречистой Матери и для окончательного проклятия всего масонства и всех подобных партий (под какими на-

званиями они ни появлялись бы), главные руководители которых имеют одну общую цель: под предлогом полного равноправного благоустройства на земле с помощью фанатизированных ими людей вызвать анархию во всех государствах и разрушить христианство во всем мире и, наконец, силою золота, сосредоточенного в их руках, подчинить весь мир антихристианству в лице единовластного самодержавного царя — царя богоборного, одного над всем миром.

Сатана был первый революционер и чрез это спал с неба. Между учением последователей его и учением Господа Иисуса Христа нет ничего общего, здесь огромная пропасть. Господь через делание данных Им заповедей призывает человечество на небо, где обитает правда. Дух тьмы обещает устройство рая на земле.

Так все революционные общества, тайные и явные, под какими бы названиями они ни появлялись и какой бы благовидной видимостью ни прикрывались, имеют одну общую цель — борьбу и общее разрушение христианства, подготавливая почву антихристианству в лице грядущего в мир антихриста.

Евреи и славяне суть два народа судеб Божиих, соуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые; прочие же все народы как бы слюна, которую извергает Господь из уст Своих. За то, что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа, они рассеяны по лицу всей земли. Но во времена антихриста множество евреев обратится ко Христу, так как они поймут, что ошибочно ожидаемый ими Мессия — не кто иной, как Тот, про Которого Господь наш Иисус Христос сказал: *«Я пришел во имя Отца Моего, и не приняли Меня, иной придет во имя свое, и примут его»* [Ин. 5, 43]. Итак, несмотря на великое их

пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный пред Богом народ. Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа. Во времена антихриста они совершенно отвергнут и не признают его Мессией и за то удостоятся великого благодаяния Божия: будет всемогущественный язык на земле, и другого царства более всемогущественного Русско-Славянского не будет на земле.

Во Израиле родился Иисус Христос, истинный Богочеловек, Сын Бога Отца наитием Святого Духа, а среди славян и русских родится истинный антихрист бесчеловек, сын жены блудницы Данова поколения и сын дьявола через искусственное перенесение к ней семени мужского, с которым вместе вселится в утробу ее дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения антихриста, подобно Симеону Богоприимцу, благословившему Отрока Иисуса и возвестившему о рождении Его миру, проклянет рожденного антихриста и возвестит миру, что он есть истинный антихрист.

АНТИХРИСТ РОДИТСЯ В РОССИИ...

Так будет время, говорит батюшка отец Серафим, когда нечестие архиереев русских превзойдет то нечестие архиереев греческих, которое было во времена императора Феодосия Юнейшего (см. Четии Минеи. 4 августа память 7 отроков Ефесских) и исполнится сказанное: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Мя языком, сердца же их далече отстоят от Меня. Но тщетно чтут Меня, уча учением заповедям человеческим». Ибо под предлогом церковного и христианского прогресса, в угоду требованиям мира сего будут изменять и извращать догматы (учение) и уставы святой Церкви, забывая, что они имеют начало от Самого Господа Иисуса Христа, научившего и давшего указания Своим ученикам, святым апостолам, о создании Церкви Христовой и ее правил, и заповедавшего им: «Шедше научите все народы тому, что Я заповедал вам» (ср. Мф. 28, 19).

Отсюда донныне сохранились дошедшие до нас правила и предания святых апостолов, которые разъяснены и утверждены окончательно раз навсегда и святыми преемникам — святыми отцами, руководимыми Духом Святым на семи Вселенских Соборах.

«Горе тому, кто одно слово убавит или прибавит, — говорит батюшка, отец Серафим, — наша Церковь не имеет никакого порока; горе тому, кто дерзнет внести какие-нибудь изменения в Богослужение и уставы той Церкви, которая есть «столп и утверждение Истины» и о которой Сам Спаситель сказал, что даже врата ада не одолеют ее, т. е. она пребудет неизменно до конца — до Второго пришествия.

Всякое желание внести якобы усовершенствование, изменения в правила и учение святой Церкви есть ересь,

желание создать свою особую Церковь по измышлению разума человеческого, отступление от постановления Духа Святого и есть хула на Духа Святого, которая не простится вовек. Так поступали и будут поступать все отпавшие от единения со Святой Апостольской Церковью, о чем апостол Павел говорит: «Такие апостолы — лукавые делатели, принимают вид апостолов Христовых и не удивительно, ибо и сам сатана принимает вид ангела света, поэтому не великое дело, что и служители его принимают вид служителей правды, но конец их по делам их» (ср. 2 Кор. 11, 13—15).

По этому пути пойдут архиереи Русской земли и духовенство и гнев Божий поразит их. Иисус Христос вчера, днесь и вовек все тот же и учения заповедей Его и все постановления утверждены Им раз навсегда без изменения, ибо все это есть Истина, принесенная с неба Самим Сыном Божиим. Науки, учения человеческие должны подлежать изменению в своем развитии, усовершенствовании, но данное нам Божественное учение не может быть изменено людьми, как неизменяем Сам Господь, установивший святую Церковь и ее Таинства, поэтому, говорит батюшка отец Серафим, умствованиям человеческим здесь нет места. Почему апостол и говорит: *«Аще мы или ангел с небес благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет»* (Гал. 1, 8).

И вот тогда-то произойдет то, о чем батюшка отец Серафим часто говорил всем: «Не то будет диво, что мои кости поднимут, а то будет диво, когда убогий Серафим плоть свою перенесет в Дивеев. Тогда Дивеев будет диво всемирное, ибо из него изведет Господь Бог Свет Спасения не только для России, но и для всего мира во времена антихриста. Антихрист родится в России между Петер-

бургом и Москвой, в том великом городе, который образуется (по соединении всех племен славянских с Россией) из Москвы и Петербурга, будет столицей русского народа и назван Москво-Петроградом, или градом конца, как его именует Господь Бог Дух Святой.

До рождения антихриста в Церкви Русской будет Патриарх, затем будет созван Восьмой Вселенский Собор, цель которого последнее предупреждение миру против всеобщего антихристианского ослепления — отступления от Господа Иисуса Христа; также для объединения и воссоединения всех святых Христовых Церквей против назревающего антихристианского направления под единую Главу — Христа Жизнодавца и под единый покров Его Пречистой Матери; для окончательного проклятия всего масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства и всех подобных партий, под какими бы названиями они ни появлялись, главные руководители которых имеют одну единую цель — под предлогом полного равноправного благоустройства земли с помощью нафантазированных ими людей вызвать анархию во всех государствах и разрушить христианство во всем мире и, наконец, силою золота, сосредоточенного в их руках, подчинить весь мир антихристианству в лице единого самодержавного богоборного царя — одного над всем миром.

До рождения антихриста произойдет продолжительная война и страшная революция в России. По точному выражению отца Серафима, «превышающая всякое изображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунт разинский, пугачевский, Французская революция ничтожны в сравнении с тем, что будет в России, произойдет гибель многих верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквер-

нение церквей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей; реки крови русской прольются, но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе».

Сатана был первый революционер и через то спал с неба, и между учением последователей его и учением Господа Иисуса Христа нет ничего общего, здесь огромная пропасть; Господь (через делание данных Им заповедей) призывает человечество на небо, где обитает правда, дух тьмы обещает устройство рая на земле. Почему попытки лиц (даже духовных) доказать, что эти учения вытекают одно из другого, что они сходны между собой, слить эти учения воедино, помирить Бога с Велиаром, есть дело безумное и не только Богу не угодное, но даже богопротивное. И Господь, а сем предупреждая, сказал: «Многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я» (т. е. многие похуже на Мое будут проповедовать) — не верьте им. Собака белая, черная, пестрая — все останется собакой, так все тайные и явные революционные общества, под какими названиями они не появлялись бы и какой бы благовидной видимостью они не прикрывались, имеют одну общую цель — борьбу и разрушение христианства, подготавливая почву антихристианству в лице грядущего в мир антихриста.

Евреи и славяне суть два народа судеб Божиих, сосуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые, прочие же все народы как бы слюна, которую извергает Господь из уст Своих. За то; что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа — они рассеяны по лицу всей земли, но во времена антихриста множество евреев обратится ко Христу, т. к. поймут, что ошибочно ожидаемый ими Мессия есть не кто иной, как тот, про которого Господь

наш Иисус Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего и не приняли Меня, иной придет во имя свое и примут его» [Ин. 5, 43]. Итак, несмотря на великое их пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный Богом народ. Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа, совершенно отвергнут антихриста и не признают его Мессией и за это удостоятся великого благоволения Божия — будут первый и всемогущественный язык на земле, и другого царства, более могущественного Русско-Славянского в мире не будет, и сие и глагола Господь Бог устами древних пророков святого израильского Божьего народа. Изыдет из уст Его глагол и не возвратится к Нему тот, донедеже исполнит вся, елико восхоте душа Его.

Во Израиле родился Иисус Христос — истинный Богочеловек, Сын Бога Отца, наитием Святого Духа, а среди русских родится истинный антихрист бесчеловек, сын жены блудницы из Данова поколения и сын диавола чрез искусственное перенесение к ней семени мужского, с которым вместе вселится в утробу ее дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения антихриста (подобно Симеону Богоприимцу, благовестившему Отрока Иисуса и возвестившего рождение Его миру), проклянет рожденного и возвестит миру, что он есть истинный антихрист.

ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

Часто слыша от великого Старца, что он плотью своею в Сарове лежать не будет, я однажды осмелился спросить его:

— Как же, батюшка, вы изволите все говорить, что вы плотию своею лежать не будете. Нешто вас саровские отдадут?

И на сие Батюшка, приятно на меня взглянув и улыбнувшись, изволил мне ответить следующее:

— Ах, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие. Какие вы. Уж на что царь Петр, то был царь из царей, а захотел мощи святого благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а святые мощи не пожелали, и в Петербурге их нет.

— Как же нет? Как же нет? — осмелился я возразить великому Старцу. — Как же нет, когда он почивает там в Александро-Невской лавре.

— В Александро-Невской лавре, говорите Вы, — ответил мне Батюшка. — Как же так, во Владимире они почивали на вскрытии, а в Петербурге под спудом. Почему же так, а потому, ваше Боголюбие, что их там нет».

И, много распространившись по сему предмету, батюшка отец Серафим изволил мне открыть великую тайну. «Мне, — сказывал, — убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры — Воскресению Христову и всеобщему воскресению веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сей превременной жизни взять и затем во утвер-

ждение догмата Воскресения воскресить меня, и воскрешение мое будет, яко воскрешение седми отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего. По воскрешении же моем я перейду из Сарова в Дивеев, где буду проповедовать всемирное покаяние. И на сие великое чудо соберутся в Дивеев люди со всех концов земли, и там, проповедуя им покаяние, я открою четверо мощей и сам между ними пятым лягу. Но тогда уж настанет и конец всему».

...Будет время, когда все словеса предречений Господних, сказанные великому старцу Серафиму о судьбах четвертого жребия во вселенной Божией Матери, вполне сбудутся. Ибо по обетованию Господню воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба великий старец Серафим и пешком перейдет из Саровой пустыни в село Дивеево, и при сонме высочайшей фамилии, великокняжеской, царской, императорской, и русских и иностранных, бесчисленного множества людей, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех людей в конце веков всеобщего воскресения, понеже, наконец, там вечным, опять до времени сном смерти почует, и тогда-то, после сего вторичного батюшки отца Серафима успения, село Дивеево, соделавшись Домом всемирным, просветится паче всех, не только русских, но и всех градов на свете — ибо свет веры Христовой через это воскресение из мертвых великого старца Серафима утвердится вселенной всей. Тогда с какой жадностью все обратятся ко всем источникам православным для узнания о начале и ходе сего дива истории, сего четвертого жребия вселенского Божией Матери, нового света Афонской Женской Дивеевской горы — сего места спасения всего мира во времена антихриста.

ПИСЬМА И ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ

С милостивейшего Высочайшего повеления Прошение

Гр. Адлербергу*.

Великий старец Серафим, известный во всей России по Богоугодной жизни своей, иеромонах и пустынножитель Саровской пустыни, исцеливший меня в 1831 году 5 сентября от тяжких болезней в одно мгновение ока, а потом осенью того же года при разъяснении мне, как люди сподобляются быть в полноте Духа Святаго, просявший светлее солнца и около четверти часа в этом сиянии благодатном беседовавший со мною, и сими двумя необыкновенными случаями, доказавший мне, что он близок к Богу и его Боговдохновенное слово достойно полного вероятия, между прочими беседами своими в последствии времени, именно же в четверток на Святую Пасху в 1832 году, открыл мне и всю жизнь Его Императорского Величества и заповедал всеподданнейше доложить о словах его не иначе как лично самому Великому Государю Императору и не в иное время, как когда по крайнему разумению моему, из соображения пророческих слов его с событиями современными, настает приблизительно похожее на то время, о коем он предрекал мне.

В 1833 году в первый приезд мой сюда Его Императорское Величество изволили быть в Пруссии — да если бы я и дождался в тот раз возвращения Его Величества из-за границы, то все-таки едва ли благовременно было бы тогда мое всеподданнейшее объяснение, о чем если не

* Министр двора, генерал-лейтенант (1791—1884).

ошибаюсь, лишь только теперь приблизилось именно самое настоящее время.

Убежденный в душе, что и по совести христианина и по священному долгу присяги, я не должен более умалчивать о том, что, вероятно, бесполезно и отрадно будет Его Императорскому Величеству во всей подробности узнать в нынешнее время и, не смея открыть того никому иному, кроме Высочайшей Священнейшей Особы Его, я осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство моею всепокорнейшею просьбою о благосклонном исходатайствовании мне на то Всемилостивейшего Высочайшего Повеления.

Почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи, титулярный советник Николай Александров сын Мотовилов.

2(7) февраля 1854 года.

Жительство имею временное в Санкт-Петербурге в 1-й адмир. части 1-го кв. в доме графини Зубовой.

Письмо императору Николаю I*

Всеавгустейший Монарх
Всемилостивейший Государь!

Вследствие верноподданнического желания моего иметь счастье всенижайше лично доложить Вашему Императорскому Величеству о словах пророчесственных ве-

* На письме резолюция Николая I. Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «15 марта 1854 года. Ежели он как верноподданный не забыл своей присяги, то должен исполнить мое приказание и донести на бумаге, что мне сказать имеет: тогда решу, стоит ли мне его призвать или нет» Н[иколай].

ликого старца Серафима господин министр высочайшего двора Вашего граф Владимир Федорович Адлерберг поручил мне отнестись к графу Алексею Федоровичу Орлову*, а им передано мне, чтобы я, нимало не стесняясь никаким опасением, все, что знаю по сему предмету изложил на бумаге во всем пространстве и полной сущности оною в словах, сколько можно более коротких, и если могу, то не искал бы счастья лично всеподданнейше докладывать о том Вашему Императорскому Величеству. Вот смысл того, в каком виде передана мне Высочайшая воля Ваша, Всемилостивейший Великий Государь Император, но как сообразить пространство с краткостью, безопасную нестеснительность устного всеподданейшего доклада с неизбежною осторожностью изложения тех же мыслей на бумаге и наконец, что думать о предложении не искать возможности хотя на одно мгновение насладиться столько желанным для каждого верноподданного Вашего и превозделенным счастьем видеть пресветлое лицо Высочайшей Особы Вашего Императорского Величества, когда великодушная доступность Ваша, Всеавгустейший Монарх, столь велика, что не скрывает Вас и от самого последнего из Ваших верноподданных. Мне говорят, что смутность современного положения нашего Отечества неволью делается главнейшею причиною того, что едва ли можно будет мне удостоиться величайшего для меня счастья лично видеть Вас, от всего сердца моего нелицемерно любимый мною Монарх. Но неужели двести, а много четыре минуты достаточны, быть может, на Высокомонаршее благосклонное выслушание слов великого старца Серафима — слов едва ли только лишь не

* Доверенное лицо императора Николая I, впоследствии шеф жандармов и начальник III Отделения (1844—1856).

в современном состоянии Отечества нашего и долженствующих быть приведенными в известность Вашему Императорскому Величеству — так много отнимет времени от великих забот Ваших о непоколебимости державы Вашей, и каким образом слова великого Старца могут быть помехою частию Русской земли, когда они от него-то лишь, ибо Высочайшей Особы Вашей, без коей и счастья на земле Русской быть не может, и относятся только. Да и было ли когда-нибудь на бумаге излагавшееся мною доведено до Всеавгустейшего сведения Вашего хотя одно слово правды моею без того, чтобы оно было или превратно истолковано, или и вовсе предано совершенному умолчанию, в чаянии, что я никогда и никак не сподоблюсь счастья лично видеть Вас, Государь, и обо всем всеподданнейше доложить Вам по сущей справедливости. И не извольте подумать, что я дерзаю так всеподданнейше изъясняться, не имея на то никакого основания. Нет, Ваше Императорское Величество, никто более моего не имеет права неоспоримого на таковой образ мышления, хотя и весьма для меня неотрадный, но тем не менее неотвратно вынужденный из меня неизбежностью.

Чтоб доказать настоящие слова мои, мне следовало бы только хотя в кратких очертаниях да рассказать постепенно все обстоятельства жизни моею, послужившей как основными и сопутствующими, так и завершающими побудительными причинами к тому, но, чтобы действительно не употребить во зло благомилостивейшее Высочайшее внимание Ваше, осмелюсь только привести один пример: Вашему Императорскому Величеству вероятно известно дело о двух Дивеевских женских общинах — сущность того дела, официально изложенная, имеется в Святейшем Правительствующем Синоде, дело это началось по моею

просьбе, но так ли оно официально представлено, как на самом деле все, до него относящееся, было изложено мною на бумаге; вот самый короткий отчет, мой собственный, об истинной и действительной его сущности.

Ярославская помещица, полковница Агафья Симеоновна Мельгунова, урожденная Белокопытова, постриженница Киево-Фроловского женского монастыря, в монахинях Александра, сподобилась во сне получить от Божией Матери извещение, что не в Киеве должна окончить она жизнь свою, но идти на Север великой России, и там Царица Небесная укажет ей место, где по кончине ее благоволением Божией Матери устроится обитель девическая, на которую она с Иверии, Афона и Киево-Печерской лавры низведет свое благословение, равное тем трем святым местам ее небесным благословением¹. Монахиня Александра видела второе явление Божией Матери в Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в селе Дивееве, на том самом месте, где потом великим старцем Серафимом устроена двухпрестольная церковь Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы. Старица Божия после многолетних трудов монашеских, около того места проведенных, наконец за полгода до смерти своей поселилась с тремя при ней сестрами противу сего места, про которое Царица Небесная сказала ей в видении, что оное есть именно то, которое будет принадлежать великой обители, предреченной ей в Фроловском Киево-Печерском монастыре, и умирая, дала заповедь иеродиакону Саровской пустыни Серафиму попейсись о благоустроении духовном имеющей некогда по

¹ Благословение ее общее для всех сих четырех мест состоит в том, что она по три часа каждодневно обещалась быть сама лично в каждом из сих мест — и ни одного из жителей их не допустит до гибели.

предречению Божией Матери основаться той великой обители.

После кончины ее на месте ее жительства к тем сестрам, с ней пришедшим и после нее оставшимся, собрались другие, и основалась община, содержащая устав и молитвенное правило, одинаковое с правилом Саровской пустыни. Между тем иеродиакон, впоследствии иеромонах Серафим, преуспевающий в духовных, преуспевающий в монашеских подвигах в пустынножительстве семнадцатилетнем, где сподобился перенести посты — 3-дневный и 7-дневный, двух-, трех-, четырех- и шестинедельный и наконец 72-дневный — и после того борьбу с бесами в течение 1001 дня и 1001 ночи и получил совершенную победу над ними, о чем мне самому из уст в уста передал. И после всего того пятилетним безмолвием в затворе достигши полного, подобно пророку Моисею Боговидцу, благодатного внутренне-го и внешнего озарения решился заняться благоустроением помянутой выше общины, бывшей под начальством Ксении Михайловны Миловановой, и желал научить их простоте жизни и легчайшему приобретению благодати Духа Святаго именно тем же способом, коим он из многолетней собственной благодатной опытности научился, но она его мало стала слушаться, говоря, что уже им дан устав строителем Пахомием, начальником Саровской пустыни, и она не согласна на нововведения, чая, что чрез соблюдение и прежнего устава того она и сестры ее спасутся; и великий старец Серафим, ища не своих сил, а еже ближнего, оставил их в покое и обратился к прежнему, совершенно отлученному от всякого сообщения с любыми пустынножительству, но Божия Матерь явилась ему, приказала завести новую и вторую в Дивееве общину в поле возле села того из одних только девиц с услови-

ем, чтобы никогда вдовицы в ней не жили, дала этой общине новый и нигде не бывалый, а ею самую изобретенный и законоположенный устав, сообщенный устно во время явления своего великому старцу Серафиму, и в основание новой обители приказала ему самому из саровского леса срубить двухпоставную мельницу и к ней пристраивать в порядке ею самою указанном кельи; из прежней же общины взять 8 сестер, поименно ею самою указанных, и к ним лишь тех потом присовокуплять, которых она сама изволит ему указать, а на месте помянутом выше, где было ее явление второе монахине Александре, устроить в честь Рождества Сына Ее Господа нашего Иисуса Христа и Ее собственного двухпрестольную церковь, в коей диакониссами для прислуживания алтарю избрать из новейшей общины ее девической сестр, и самую церковь подчинить ведомству сей девической общины, обещав, что его собственные мощи, равно как и мощи первоначальницы Александры, будут некогда почивать в нижней Рождества ее церкви — и, другие многие прибавив к тому о сей второй девической Дивеевской общине предречения, повелела, чтобы место усадьбы этой общины обведено было канавою и валом, сделанным трудами сестер общинских — что все великим старцем Серафимом исполнено — и в Дивееве со времени заведения сей новой, Мельничною прозванной, общины стало существовать две, совершенно отдельные друг другу немало не подчиненные хотя и не лишненные, однако же, христианского общения обители; и из сих-то двух общин по особому явлению Божией Матери, в ночь с 3 сентября ему бывшему, он 4 сентября заповедал мне от лица самой Божией Матери служить его собственной девической общине и, сложив руки мои с руками двух сестер сей об-

щины, сказал мне: «Как Божия Матерь предала мне из рук в руки общину сию, так и я тебе по ее же повелению передаю служение мое сей ее великой обители по смерть твою, служи же Царице Небесной во всю жизнь твою и сохраняй в ней все, как сама Божия Матерь в ней через меня, убогого Серафима, устроить изволила. А в грядущее лето мы на сих трех грядочках поработаем с тобою». Объявив сестрам всем, что Божия Матерь меня назначила им быть питателем во всю жизнь мою, отпустил в Воронеж.

По возвращении откуда узнал я по кончине его, что в Дивееве существуют две общины, а в Куликове Тамбовской губернии Темниковского уезда начинается третья по благословению того же великого Старца, и приняв на себя по заповеди его служение его собственной общине Мельничной девической Дивеевской, а по моему собственному, не без воли впрочем Божией, о чем бы долго было здесь пояснять, и двум другим, я писал к господину Обер-Прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Николаю Александровичу Протасову от 14 января 1838 года о существовании трех различных общин, поименованных выше, и о различном в пользу их отдельном для каждой пожертвовании земель моих; и наконец, будучи особенным благодатным исцелением в ночь с 1 на 2 июня 1842 года, дарованным мне от тяжкого ушиба во всем теле и вывихе левой ноги и двух ребр в левом боку, удостоверил, что просьба моя от 1 июня того 1842 года справедлива и угодна Богу с приказанием послать ее непременно на имя преосвященного Иоанна, епископа Нижегородского и Арзамасского; я не только послал ее тогда, — а преосвященный немедленно в Святейший Правительствующий Синод, но и после того неоднократно просьбами о соблюдении всех моих условий при пожертвовании земельных, положенных мною и клонившихся

лишь только к соблюдению заповеди великого старца Серафима и непременной воли Самой Божией Матери через него мне сначала, а потом уже и непосредственно чрез последнее третье благодатное наделение объявленные, неоднократно настаивал о возвращении обоим общинам Дивеевским их прежней самобытности; а чрез то о непремennom навсегда непоруганном, чрез их устроение таковое, воли Божией всесовершенном исполнении, нарушенных несправедливым соединением; и все то не в словах, но на бумаге изъявлял, ссылаясь и на самые законы — в пользу мою говорившие — и делал то не через какое-нибудь низшее и светское место, но чрез Святейший Правительствующий Синод. И чрез столько-то великое место и всех моих вышепомянутых благодерзновенных и справедливых настаиваниях, единственно лишь только страхом Божиим и любовью к Божьей Матери из меня вынужденных, старался довести до Высочайшего сведения Вашего; но чем же увенчались все таковые многолетние и неотступные хлопоты мои? Условия мои осмеяны, я сам выставлен хлопочущим, не зная о чем, соединение общин приписано не превратному о существовании их донесению, вынужденному несправедливым о том настоящем одного из членов Святейшего Правительствующего Синода, но Высочайшей воле Вашего Императорского Величества, хотя от Вас, однако же, всю правоту настоящего положения дел Дивеевских двух общин совершенно закрыто разнообразными превратными толкованиями воли великого старца Серафима и клеветами на меня; и чрез кого же все то сделано? Через Святейший Правительствующий Синод, а клевета на меня взводимая взведена — через сенатора! Как же после всего того, простите такому вопросу моему, Ваше Императорское Величество, я осмелюсь через письменное изложение на бумаге всепод-

даннейше доводить до Высочайшего сведения Вашего тайну Божественных предречений о Вас и России Вашей, тогда как и заповедано мне верноподданнически доложить оную лишь только усты к устам.

Если же во мне изволите сомневаться, не изменник ли я какой и не со злым ли умыслом дерзаю утруждать Ваше Императорское Величество, то осмелюсь нижайше представить Всеавгустейшему вниманию Вашему, Великий Государь, какая кровь переливается в жилах моих с отцовской стороны мотовиловской. Предки мои — славянские властители, равные в правах нынешних дворян, удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княженье землею Русскою, что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит, а с Пожарским и Мининым были тоже двое Мотовиловских. Предки мои при избавлении Москвы и России от поляков и потом при возведении на Всероссийский престол Всеавгустейшего Дома Романовых; из них от Евсевия Семеновича Смирного-Мотовилова, воеводы иркутского или тобольского, по прямой линии происходит прадед мой, надворный советник Михаил Семенович Мотовилов, трудившийся вместе с фельдмаршалом Минихом в свержении Бирона и открывший в Саровской пустыни тот акт, который нужен был Государыне Цесаревне Елисавете Петровне при восшествии ее на престол Всероссийский, и во все время почти тысячелетнего дворянства своего в государстве российском Мотовиловы, служа стольниками и полковниками, сотниками стрелецких полков и воеводами передовых полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служа и тому, и другому, и третьему всегда верою и правдою; а с материнской стороны

я осмелюсь, указав на покойного бригадира Николая Алексеевича Дурасова и всех от сестер его происходящих, заключить, что она из одного и того же рода и, в доме его быв воспитана, имела счастье неоднократно пользоваться высоким благоволением и всеавгустейшим вниманием великой бабки Вашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, каковым удостоен был и родитель мой, начавший службу свою при высочайшем дворе Ее Величества и только по тяжким болезням своим, и во всю потом жизнь удручавшим его, принужденный выйти в отставку.

Простите безумью моему, Ваше Императорское Величество, если дерзнул помянуть о заслугах предков моих, а если сам ничего дельного не удостоился сделать для Вас, Великий Государь, и еще раз благомилостивейше извольте сделать один вопрос, что если бы и всякому из великих сановников, окружающих престол Ваш, было положено в жизни хотя половина препятствий, коими меня устранили от возможности быть полезным Вашему Императорскому Величеству, то могли ли бы они хотя что-нибудь доброе для Вас сделать? И если им никто не препятствовал в служении Вам, Великий Государь, то за что же такое меня не только 14 лет сряду не пускали на государственную службу, но даже теперь, и во вторичный приезд мой в северную столицу Вашу, предлагают мне не добиваться личного всеподданнейшего представления Вашему Императорскому Величеству, тогда как Вы сами и от последнего из солдат Ваших себя скрывать не изволите?

Простите же великодушно чистосердечному просто-душию верноподданнической речи моей, и если можете, то не отриньте, еще раз умоляю Ваше Императорское Величество, моей неотступной просьбы всемилостивейше дозволить мне изустно доложить Вам слова великого

старца Серафима, сказавшего мне про Вас, Великий Государь, что Вы в душе христианин, чего не смеют сказать про себя очень многие, того Серафима коему возвещено от Бога, что смерть его будет подобна смерти семи отроков, спавших в Ефесской пещере. А о нем прояснено мне то, что он воскреснет прежде общего всех воскресения из мертвых в царствование Вашего Императорского Величества и единственно лишь только для Вас, Великий Государь, о чем всем в полноте всего и вышеизложенного, изъяснив по сущей справедливости, по долгу православно христианской верноподданнической совести, что готов и присягою подтвердить, вполне предаю себя Всеавгустейшей воле Вашего Императорского Величества, и если Всемиловитейше соблаговолите дозволить мне открыть Вам тайну, которой не преувеличивал цену лишь потому, что единственно Вашему Всеавгустейшему суду высокомонаршему желал и желаю всеподданнейше предоставить сделать настоящую и справедливую ей оценку, то буду непрестанно благословлять Господа, положившего Вам по сердцу, вовремя благоприятно послушать верноподданническую речь мою о ней. Если же нет, то двадцать два года терпевши и неоткрывши ее никому, унесу ее с собою во гроб с совестью неукоризненною тем, что я скрывал талант, вверенный мне от Господа через великого раба Своего Серафима.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александров сын Мотовилов.

7 марта 1854 года.

Жительство временное имею в Санкт-Петербурге, 1-й адм. част. 1-го квар. в Большой Миллионной улице в доме графини Зубовой у Мозалевского № 4

Письмо императору Николаю I

[Слово великого старца Серафима]

Всеавгустейший Монарх
Всемилоостивейший Государь!

Имеv щастие лично моими глазами видеть собственно-ручное Вашего Императорского Величества Высочайшее повеление о всеподданнейшем докладе слов великого старца Серафима на бумаге, спешу немедленно исполнить священнейшую для меня Всеавгустейшую волю Вашу.

Вот содержание его беседы в четверток на Пасху 1832 года:

— Рассказав подробно о Илии Фесвитянине, и об Авессе военачальнике Давидове, о Гедеоне, вожде израильского народа, он заключил, что в России много есть еще верных Богу людей, хотя разврат духовный и многих от Бога отвлекает, и, сказав, что надобно царям служить, так как Авесса, который за жизнь Давидову стократно готов был своею собственною пожертвовать, и прибавив, что, подобно Гедеону, людям Божиим надобно призыва и избрания Божьего, и тогда, действуя по Боге, не отчаиваться, если б их усердие к Отечеству и не получило надлежащей оценки, ибо любовь к Царю и Отечеству угодна Богу, и если бы люди не поценили, то Бог воздаст, — он спросил меня, что именно влечет меня в Петербург; я сказал, что желание служить там Вашему Императорскому Величеству; почему же там, а не в другом месте, я ответил, чтобы, находясь ближе к Вам, в случае нужды быть немедленно готову пролить до последней капли кровь свою, если б то понадобилось за Ваше Всеавгустейшее Здравие, и быть, если можно будет сколько Богу угодно будет помочь, полезным Церкви Христовой. Он отвечал:

«Усердие твое угодно Богу, и Он не оставит тебя за оное, но так как по слову пророка — во время благоприятно послушах тя и в день спасения помогах ти — то ревность хотя и по Богу да не по разуму (то есть преждевременно), то не только негодна Богу, но и грех есть. Так и теперь поездка твоя не по дороге — и это самое усердие твое к Государю, если преждевременно узнают о нем люди недоброжелающие Ему, то может повредить тебе, а ты себя береги. О Государе же не пекись. Его Господь сохранит. Он в душе христианин, чего не могут про себя сказать иные даже и из духовных великих особ. Велик был Государь Император Петр I Алексеевич, за что Великим и отцом Отечества справедливо наречен, а по вере в Господа с верою Его Императорского Величества и сравнен быть не может; сами рассудите: Петр Великий жил во времена такие, когда и одним взглядом дорожили царским первейшие бояре, как милостию Божиею, и все безмолвно царю покорялись, так ему легко было управлять. А ныне не тот народ уж стал, и если и за всею этою переменою слушаются Государя и трепещут враги его, то уж Сам Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь помогают во всем за неисцелимую веру его православную, вот ею-то Он и выше Петра Великого и за нее-то и помогает Ему Бог во всем и возвеличит во дни его так Россию над всеми врагами ее, что она станет превыше всех царств земных и не только нам у иностранцев уже не придется учиться ничему, а еще и им доведется бывать в нашей земле Русской да учиться у нас и вере православно христианской и жизни благочестивой по этой вере; а многого будет сначала до того всякого горя Государю и неоднократно станут искать его освященной Богом главы и живота царской фамилии, но Господь всегда будет защищать и Его и весь Августейший Царский Дом Его;

праведника ради единого цельный род, спасается, что речет триех ради, а в его государевом роду, посмотрите-ка, ваше Боголюбие, сколько святых мощей от его венценосной плоти и крови, мню, что не один десяток угодников Божиих, так все они молитвенники за род Его и Его священную Особу Императорскую; вот хоть бы и августейшая родительница Его благочестнейшая государыня Мария Феодоровна, она как мать родная для всех сирот и бедствующих, а ето ведь святых только жен богомудрых дело, и если то велико в простом человеке, тем более в священной венценосной царской особе угодное Богу, а государь в Бозе почивший Всеавгустейший Родитель Его, император Павел Петрович как любил Церковь святую, как чтил святые уставы ее и сколько сделал для блага ее, немногие из царей русских, подобно ему, послужили Церкви Божией; а Его Императорскому Величеству и еще гораздо более поможет Господь сделать и для Церкви святой Православной нашей и единой во всей вселенной истинной, непорочно Апостольской Вселенской Церкви Христовой, но до етого еще много должно будет горя и Государю, и земле Русской перенести, восстанут на него не только враги внешние, но и внутренние и вот как это будет: бунтовщики-то восставшие на Государя при восшествии его на престол похвалялись, что хотя и скошена трава, да корни остались, то хотя и не по Боге они хвалились тем, а ето, однако же, правда, ибо главные начальники етого злого умысла, выдавши тех, которых сами же вовлекли в злой етот умысел свой, а сами остались в стороне, и вот они-то и ищут и будут искать погибели Государя и всей фамилии его царской, и неоднократно будут подыскиваться, нельзя ли как-нибудь извести их, а когда неоднократные их покушения не удадутся, то они примутся за другое — и будут стараться, что если

можно им будет, то бы во всех должностях государственных были все люди или согласны с ними, или по крайней мере не вредны им и будут всячески восстанавлять землю Русскую противу государя; когда же и то им не будет удаваться, так как им хотеться будет, ибо по местам ими заводимы частные возмущения будут по милости Божией скоро прекращаемы, то они дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет земле Русской и, в один день, в один час заранее условившись о том, поднимут во всех местах земли Русской всеобщий бунт; и так многие из служащих тогда будут и сами участвовать в их злоумышлении, то некому будет унимать их, на первых порах много прольется неповинной крови, реки ее потекут по земле Русской, много и вашей братьи, дворян, и духовенства, и купечества, расположенных к Государю убьют; но когда земля Русская разделится и одна сторона явно останется с бунтовщиками, другая же явно станет за Государя и целость России, вот тогда, ваше Боголюбие, усердие ваше по Боге и ко времени, и Господь поможет правому делу: станет за Государя и Отечество и святую Церковь нашу, а Государя и всю царскую фамилию сохранит Господь невидимою десницею Своею и даст полную победу поднявшим оружие за него, за Церковь и за благо нераздельности земли Русской; но не столько и тут крови прольется, сколько тогда, как когда правая за Государя стоявшая сторона получит победу и переловит всех изменников, и предаст их в руки правосудия, тогда уж никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят — и вот тут-то еще более прежнего крови прольется, но эта кровь будет последняя, очистительная кровь, ибо после того Господь благословит люди своя миром и превознесет рог помазанного своего Давида, раба своего, мужа по сердцу своему, благочестивейшего Государя Императора Николая

Павловича — его же утвердила и паче утвердит десница Его святая над землею Русскою. Так что же унывать нам, ваше Боголюбие, аще Бог за ны кто на ны — их же бо предудеде, сих и предъизбра, их же предъизбра, сих и освяти, их же освяти, сих и прослави — сих и блюдет; что ж унывать нам, ваше Боголюбие, аще Бог за ны кто на ны — разумеите язьцы и покоряйтесь, яко с нами Бог, могущии покоряйтесь, яко с нами Бог, и аще паки возможете, паки побеждени будете, яко с нами Бог — так то, ваше Боголюбие, с нами Бог и унывать нам нет никакой дороги».

Я в неизреченной радости лишь только хотел было сказать: «Так благословите же, Батюшка, я сей час поеду в Петербург и постараюсь видеть Государя и всеподданнейше доложить ему слова Ваши», а он, закрывши мне рукою свою рот, сказал:

— Как вы не понимаете не теперь, а после — теперь еще не время, а после, когда по пророку узрите Иерусалим, обстоим вои, Господь вас сам приведет тогда и сам положит по сердцу вашему возглаголать благая о Иерусалиме, а теперь беречись надобно вам, а Государя Господь сохранит и благословит его и землю Русскую всяким благословением, и в земных и в небесных; во время же свое усты ко устам все слова мои его Величеству доложи — тогда и то, что теперь думаешь, скажи.

Я спросил, что же; он отвечал: «Все что ко благу Государя, святой Церкви и земли Русской, Бог тогда по сердцу тебе положит — то ты не убойся и все возвести его Императорскому Величеству, а каково тебе и прежде неоднократно говорил, Господь и Божия Матерь сами устроят путь твой во благое, и убогого Серафима молитвы к ним за тебя всюду будут с тобою».

Вот все, Ваше Императорское Величество, что батюшка отец Серафим в эту незабвенную беседу для меня

изволил говорить о Вашем Императорском Величестве и прибавил, «что Господь на многие лета еще продлит дни живота Вашего и в старости маститой дарует Вам кончину мирную и святую, как тем из всеавгустейших предков Вашего Императорского Величества, которые верою и правдою благоугодили Богу».

Здесь бы следовало еще мне помянуть о том, каким образом после кончины великого старца Серафима сказано было мне самому о его воскресении из мертвых — и подтверждено о том троекратно: в 1835, в 1847 и в 1851 годах, но не знаю, угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству знать о том.

Затем всеподданнейше изъяснив в самых коротких, сколько мог, словах о беседе отца Серафима и припадая к высокоосвященным стопам ног Ваших до лица земли, всеуниженнейше, верноподданически рабски умоляю Вас, Великий Государь, что дерзал утруждать Вас всеподданнейшею просьбою усты ко устам возвестить все то Вашему Императорскому Величеству — таково действительно было и на деле желание великаго старца Серафима. Всемилоостивейше простите меня.

Вашего Императорскаго Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александрович Мотовилов.

9 марта 1854-года

Жительство временное имею в Санкт-Петербурге 1-й адм. част. 1-го квар. в Большой Миллионной улице в доме графини Зубовой у Мозалевского № 4

**Секретная докладная записка
по современной реформе по крестьянскому делу
шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову**

14 декабря 1861 года

№ 4404

Проживая здесь, в Воронеже, по поводу составления докладной записки на имя митрополита Исидора о исцелениях моих от святителей Воронежских, помянутой мною в письме Вашему Сиятельству, я между прочим узнал, что на одной из осенних ярмарок в земле войска донского, именно Монековской, состоящей в Задонецком уезде близ границ Богучарского уезда, к Воронежской губернии принадлежащего, все огнестрельное оружие раскуплено временно обязанными крестьянами из хохлов, или малороссами, состоящими и населяющими войско донское. И требования оружия тако необыкновенно и велико было, до того ни разу небывалое и неслыханное, что продавцы, распродав все дотла, никого не могли вполне удовлетворить из запасавших или равно лишь хохлов — но чтоето непохоже на простую охоту за зайцами с ружьем. Известно ли ето уже Вашему Сиятельству или еще нет. Так как я етого не знаю — то во всяком случае как верно-подданный Его Императорского Величества и истинноверный сын Отечества долгом моим почел немедленно довести до Вашего сведения. Просьба обратить внимание на ето — и сообразить со всеподданнейшею письменною передачею мною в 1854 году слов великого старца Серафима о действиях декабристов, развернувшихся в большой части в настоящее время и готовящихся еще поныне поразвернуться, а потому, вероятно, и возбуждающих громады масс временно обязанных крестьян запасаться оружием — уже верно неподзаконническое дело.

24 ноября 1861 г. Задонск

Докладная стихира императору
Александру II

По секрету

Оригинал черновой, писанный 15 апреля 1866 года в тяжкой болезни моей.

Его Императорскому Величеству
Благочестивейшему Самодержавнейшему
Великому Государю Императору
Александру Николаевичу
Самодержцу Всероссийскому
Государю Всемилоствивому

по поводу избавления от напрасныя смерти в 4 день апреля сего, 1866 года.

Я на одре болей предсмертных
Гнетом болезнию лежал,
Но Духа Свята и безсмертна
Дыханьем БОГ мя оживлял.
И в день неслыханной хулы,
И в день безбожна дерзновенья
Я воссылал Творцу хвалы,
И горним движим вдохновеньем
Стихиры Тихону* писал,
И Матерь Божию молил,
Чтоб кров Ее всезащитил
Тебя, Монарх. И защитил!
С слезами сладких умилений
Я пел¹ одиннадцать стихир,

* Имеются ввиду стихиры на прославление мощей святителя Тихона Задонского, состоявшееся в 1861 г. Одна из них адресована Александру II (ГАРФ. Ф. 109).

¹ Одновременно и пел и писал я сии стихиры.

И росы Божьих усаждений
Мне слали в душу тишь и мир,
И вера крепкая была,
Что сам Святитель Тихон был,
Когда Россия избыла
Беду, нам коей враг грозил.
Четвертое апреля бесконечно
Прославилось в России ввек,
Что Ты, любимый всесердечно
Монарх и Божий человек,
Десницей Вышняго спасен
И над злодейством вознесен.

Не знал тогда я щастья Руси —
Всеизбавленья тя от бед,
Но оздоровевши, враг не труся,
Принес, о Царь, Тебе обет
И просьбу: дай послужить,
Как Серафим предрек великий,
Чтоб зло в Руси навек избыть.
И слава в Вышних, громки клики:
«Мир на Руси!» Всегрозный гул,
И смерть врагам и кара злым —
Все окружили б Твой престол,
И злые сгибли бы как дым.

А ты с Россией, вознесенный
Над всякой мерзостью врагов,
И Духом Святым просвещенный,
Прославил б Бога паче слов.
И все судьбы его исполнил,
И все дела Его свершил,
Недовершенное — дополнил,
Ему ж всецело б послужил.

Позволь же мне, о Государь!
Начать и кончить все дела.
Светлее солнца светлых зорь
Как Воля Бога мне дала
Через Серафима наставленье,
В Тебе в Руси у всех спасенье
Во славу Церкви Бога Жива;
Быть может, миру на диво,
По крайней мере, всем приятно,
Что ж выше? «Богоблагодатно, —
Как Ты в рескрипте написал.
Всем нам тринадцатого Мая,
Добра велика нам желая,
Глаголом Господа вещал.
Да будет Русь чиста и свята,
От заговоров всех изъята,
И ков злодейский сопостата,
И вся их сволочь проклята.

А Ты, о Боже Сил Святыни,
О Вседержителю миров,
Царю Руси — всеблагодатьню
Пошли во век навек веков!
И братьев всех Его державных
От злоумышленных спаси —
И семью святу Николая,
Слуги Господня Твоего,
Со Александра начиная,
Спаси от злого от всего.
Покрой их кровом крил Твоих
От враг домашних и чужих,
И всепрославься, Боже, в них,
В рабах всецелостно Твоих!

Наследнику воздвигни рог спасенья,
Всеукрепи его на враг,
Да будет полн он вдохновенья
И всебожественных Ти благ.
Да дрогнут шайки супостатов,
Мир озарится его Славой,
Да сгинут враг его тристаты,
Да грозно вспрянет Росс Держава!
И Ты, Христе, в нас зацарюешь,
Всеосвети ж нас в век и век;
На враг же наших всех наплюешь,
Сладчайший Богочеловек.

19 июль 1866

В день рождения великого старца Серафима. С.-Петербург, 17 июля. Переписал набело* симбирский совестный судья, бывший почетный смотритель Корсунского уездного училища и член Корсунской специальной Комиссии государственного коннозаводства уже 41-й год, действительный своекоштный студент Императорского Казанского университета, взысканный с 9 сентября 1831 года милостями батюшки отца Серафима и с 1 октября 1832 года исцеленный епископом Антонием в Воронеже.

Графу В. Ф. Адлербергу

По секрету**

Ваше Сиятельство
Милостивейший Государь
Граф Владимир Федорович!

* Беловой автограф не сохранился.

** [На полях]. В этих черновых рукописях моих сведения имею честь подписью моей руки подтвердить. Окончено сего 28 июля, в день именин по мирскому имени Прохора, бывшего в иноках великого старца Серафима.

Не словом, но делом вызываясь на послужание Его Императорскому Величеству, я немедленно сего 25 июля имел честь оставить в военном министерстве письмо на имя господина военного министра об исходатайствовании мне высочайшего всемилостивейшего разрешения начать все-таки, хоть поздно, что произошло, впрочем, по вине не моей, действие моего Спасо-Преображенского банка согласно докладной записке на имя господина министра внутренних дел 20 октября 1861 года, и как Вашему сиятельству небезызвестно из всеподданнейшего письма моего от 14 апреля 1854 года, — отпущение 300 лошадей, поставляемых действиями моего банка, испрашиваемых с пустопорожних земель Кавказа, [где посильно] развести от 300 до 375 тысяч лошадей для кавалерии русской, так чтоб от 75 до 150 тысяч коней [ежегодно] могли быть отремонтированы только из этого моего Новокавказского завода, если Государь Император всемилостивейше соизволит мне дать на то разрешение, о чем сообщит к сведению Вашего сиятельства, как давнишнего благодетеля моего. Осмеливаюсь еще присовокупить на особой докладной записке, при сем почтительнейше представленной в яснейшем виде, распространенное известие прошлогодней моей всеподданнейшей докладной записки от 14 или 15 апреля, чрез Ваше сиятельство посланной из Нижегородского уездного города Ардатова. Щастлив был бы, если бы она хоть сколько-нибудь могла [помешать] богопротивному выстрелу 4 апреля. Позвольте с нескрываемым высокопочтеннейшим и высокосовершеннейшим уважением и искреннейшей преданностью оставаться

Вашего сиятельства, милостивый государь,
покорнейшим слугою Николай Мотовилов.
26 июля 1866 года. Военное министерство.
Квартируем в Кирочной улице, № 23.

Докладная записка императору Александру II

По секрету

Оригинал черновой, писанный 15 апреля 1866 года в тяжкой болезни моей в селе Рождественском, Цдыльне тож

Его Императорскому Величеству
Благочестивейшему Самодержавнейшему
Великому Государю Императору Александру Николаевичу
Самодержцу Всероссийскому Государю Всемиловитвейшему

В 1854 году, в бытность Вашего Императорского Величества Государем Цесаревичем, Наследником Всероссийского престола, я имел щастие всеподданнейше подавать Вам докладную записку о некоторой части бедствий моих пожизненных, преимущественно же по делам моим тяжбым с татарами деревень Малой и Большой Цдыльн и деревни Бестрюлеева Врага Тланка тож и о жалованных предкам моим, арзамасцам Кириллу и Даниилу Мотовиловым земель, в 1703 и 1704 годах. И собственноручно Вы, Великий государь, начертали на той записке: «Помоги Мотовилову».

Но Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление, поставленное мною на вид и Межевой канцелярии по тем делам, и до сих пор еще не исполнено.

А по ходатайству моему докладною запискою от 20 октября 1861 года на имя господина министра внутренних дел о дозволении мне открыть действия моего Спасо-преображенского банка и по тому же предмету другою докладною запискою от 13 августа 1861 года на имя митрополита Исидора Святейшему Правительствующему Синоду о дозволении мне строить на мое, из польз сего банка, иждивение собора Божией Матери Радости всех Радостей в Дивееве ни полслова мне еще ни тем, ни другим не отвечено. А о прочих делах и говорить нельзя —

так всякое мое усердие к пользе Вашего Императорского Величества заглушают, что, например, по бумагам моим: 1-е — генерал-адъютанту барону Врангелю на одном листе о возможной [неразб.] и насущной потребности погорелому городу Симбирску, и 2-е — сенатору Жданову о действительно существеннейшей и главнейшей причине симбирского пожара и неутомимом подготовлении известною партией той всероссийской революции, о коей великий старец Серафим еще в 1832 году, в четверток на Светлую Пасху, сказал, что она чрез реформы, декабристическим заговором устроиваться в России имеющая, произойдет и о чем на двух листах собственноручная моя, в 1854 году в Мартирие месяце поданная Его Императорскому Величеству записка должна храниться в IV Отделении Собственной Его Величества Канцелярии, то по бумаге на одном листе барону Врангелю и сей последней, на 4 листах, господину сенатору Жданову, ровно ничего до сих пор не отвечено. Тогда как последняя бумага моя — высокогосударственной важности, ибо на вопрос его превосходительства, чем я докажу, что и польский бунт и все другие, мелочные, но, тем не менее, всепагубные русские бунты суть подстройка лишь одной декабристически-русской агитации и кто суть главные декабристы, — я отвечаю: что о них в точной и ясной отчетливости изложено в издании 1862 года жизни Рылеева, напечатанной в Лейпциге. И что всего удивительнее то, что и сам великий старец Серафим мне в 1832 году, в четверок на Святую Пасху, говоря о декабристах, прямо всех их поименно помянуть изволил и поэтому, собственно, и не пустил меня в Санкт-Петербург, что эти люди, узнав мою великую преданность Государю Императору всеавгустейшему родителю Вашему и совершенную несолидарность мою с их церкви- и монастыре-разори-

тельными, цареубийственными и антихристиански-аболиционистическими направлениями, не только не допустят меня до Государя, не дадут ходу мне никакого по службе, но и вовсе сотрут с лица земли. Ибо хоть они вполне окружили престол его величества Государя Николая Павловича, но он — в душе христианин, и вот лишь эта великая истинная вера его в Бога и есть его единственная от всех их защита.

Долгом всеподданнейшим считаю доложить, что и к подаче господину сенатору Жданову последней, на 4 листах, черновой докладной записки (ибо ему неуютно было допустить меня почему-то к переписке ее набело) я возбужден был не прелестным, но истинным мне явлением во сне в Бозе почившего Государя Императора родителя Вашего, обещавшего и Вам о сем мне явлении сказать священнотайно. Видением, крайне знаменательным и не менее того важным, каковое видел я много лет назад тому в ночь накануне взятия войсками вашего императорского [отсутствует слово в рукописи] знаменитой крепости Карс. Когда он, великий Государь, изволил утешить меня уверением, что он не только совсем прощен, помилован, спасен, благословлен от Господа Бога, но и близ великого старца Серафима помещен. И о декабристических внепагубных действиях от него самого и, еще того подробнее, от самого отца Серафима слышал.

Пред подачею же господину сенатору Жданову бумаги, как из прилагаемых описаний сих видений всемилоостивейше благоусмотреть соизволите, он приказал мне действовать так, как отец Серафим в 1832 году предрек, о чем на двух листах моей записки о декабристах, изобличенных великим старцем Серафимом, двенадцать лет тому назад чрез графа Орлова всеподданнейше представленной.

Да еще уже и после того по особому, священнотайному извещению от великого старца Серафима, данному мне в 1 день апреля 1865 года о гибели Линкольна, хоть и не ярого, но все-таки аболициониста, а как выражался он, великий отец Серафим, Господу и Божией Матери не только не угодно такое страшное угнетение, разорение и несправедное уничтожение, которое возобладавшими над всем декабристами, ярыми аболиционистами, творится повсюду у нас в России, но и самые обиды Линкольном и североамериканцами Южных Штатов рабовладельцев всецело неуютны благодати Божией. А потому на образе Божией Матери Радости всех Радостей, имевшей по тому повелению его, батюшки отца Серафима, послатись президенту Южных, а именно рабовладельческих Штатов, велено было скрепить подписью: «На всепогибель Линкольна».

Но я признаюсь откровенно, что, высокопреосвященного Филарета просьбу вспомнив о смягчении слов в моей докладной записке 1 июня 1861 года противу обид епископа Нектария, заключавшихся в апостольском выражении: «Дыша прещением и убийством — ни слова в весьма гневном настроении», дерзнул ослабить силу боговдохновенной, священнотайно глаголанной ко мне речи б. о. Серафима и подписал: «На всепобеду над змеей Линкольном и северными аболиционистами», или полное всеобладание над всем Севером и пр.; в подробности точные списки с обеих священно повеленных подписей под обоими образами Божией Матери и президенту рабовладельческих штатов, и Пию IX при сем всеподданейше представляются в точных копиях.

Итак, буду продолжать, что кроме того им же, б. о. Серафимом, священнотайно, но для меня вполне ясно повелено от лица Господня Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доложить, что по поводу

Восьмого Вселенского Собора крайне насущно в настоящее время, как, во-первых, для соединения святых Божьих Церквей под единую главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Пресвятой Богородицы, так, во-вторых, всецелое и всеполное анафематствование всей мерзости отступления от святой вселенской веры Христовой, или аболиционистического нивелирования всего на свете, то есть, по-русски — декабризма, а по-вселенски — масонства, франкомасонства, иллюминатства и всей их якобинской престолов церковных и монастырей святых разорительной и цареубийственной баре-гонительной правительственности, всеподло безбожной и всецело антихристианской, сосредоточенной преимущественно в ложах: Симбирской, Московской, С.-Петербургской — по России, Нью-Йоркской — по Северной Америке, Калькутской — по Ост-Индии, Лондонской, Франкфуртско-на-Майнской, кроме мелких лож шведских, прусских, германских, австрийских, итальянских и прочих, всемирно возглавляемых в Клубе Юнион в Париже, — как во вселенской централизации всего богопротивного, антимо-нархического и панреволюционернейшего в мире.

То хоть бы и следовало в апреле месяце 1865 года к Вашему Императорскому Величеству послать мне еще третью икону Божией Матери б. о. Серафима Радости всех Радостей, но что у Вас уже есть таковые две, 1854 год Вам мною всеподданнейше представленные. И одна в Севастополе, а другая в большом соборе Зимнего Вашего Императорского дворца, то велено мне лишь с приличным сыновним верноподданническим благоговением всеподданнейше умолить Ваше Императорское Величество, не соблагоугодно ли будет Вам извлечь ее из небрежного хранения где-то в ризнице и благолепно в приличном киоте поставить в Вашей церкви сего боль-

шого собора против местной главной, возле царских врат иконы Пресвятой Богородицы, в параллель с таковым [неразб.] киоте, противу местной же Христа Спасителя иконы.

А так как грядет язва на Санкт-Петербург (то есть холера, а может быть, и язва заговорничества, проявившего себя выстрелом 4 апреля*, о чем я сего 27 июля объяснил), то неблагоугодно ли будет Вам всемилостивейше высочайше повелеть соизволить с приличным священнослужением и повсюду [неразб.] и водоосвящением, и окроплением святою водою [неразб.] дворца Вашего и всего С.-Петербурга обнести сею иконою, обойти всю Вашу столицу и резиденцию.

И Господь, как в 1854 году [неразб.], так и ныне и от [неразб.] бы тайной язвы [неразб.] и Вас, и Вашу северную столицу всецело соблагоизволил.

И как я ныне по разрешению сокелария собора сего видел ее надтреснутою, но превосходно и затем всеблагодатно сохранившеюся под № 53.

А при священнослужении и обходе и дворца, и Санкт-Петербурга, чтобы были петы в честь Божией Матери те же оба параклисисы Ей, Владычице нашей Приснодеве Богородице Марии, о чем я еще в 1854 году поведал и откровенно чрез его сиятельство господина министра императорского двора всеподданнейше докладывал.

И потом еще более нижайше и от лица самого батюшки отца Серафима, сим великим старцем тогда, в 1 день апреля 1865 года, явлением и потом.

Все это до сих пор писано было мною в тяжелой болезни моей, лежа, действительно, на предсмертном одре. И ночь с 15 на 16 апреля прекратила эту черновую мою рукопись. А назавтра, 16 апреля, из рассказов мирового

* Покушение террориста Каракозова на императора Александра II.

посредника князя Николая Николаевича Ухтомского узнал я о подлом и гнусном поступке мерзавца, именующего себя Каракозовым. Кто он действительно, я не могу сказать, но мне до бесконечности грустно было, что его свидетельствовали, в своем ли он уме. И весь шум празднований, речей и прочего до бесконечности по глубокому чувству, внутренне не одобряющему все это, до бесконечности не нравится.

Что бы я далее написал в последней моей короткой записке от 14 или 15 апреля 1865 года всеподданнейшей, теперь не могу сказать, но два сна мои, или лучше, видения, о почившем в Бозе Государе Императоре Николае Павловиче утром сего 27 июля и простите, что [неразб.] дурным пером, но все-таки пишу.

1-й сон был накануне взятия Карса.

Те же агитационно-революционерные партии стали после кончины Его Величества всевозможные клеветы на него распускать. И хотя я глубоко был убежден, утверждаясь на словах о нем великого старца Серафима, что все это ложь, но, тем не менее, сердце мое до бесконечности грустило о моем незабвенном царе Императоре, благодетеле.

И вот я вижу сон: Государь Император Николай Павлович и Государыня Императрица Александровна Феодоровна будто бы входят в маленькую столовую Зимнего дворца, куда и я по высочайшему повелению имел счастье быть приглашенным. И Государь сказал мне: «Давно, еще при жизни моей, я хотел тебя хлебом-солью нашею царскою попотчевать, да не удалось, то поешь с нами теперь». Его Величество Государь Император посадил меня по правую сторону за круглым столом, а Ее Императорское Величество Государыню Императрицу Александру Феодоровну посадил по левую сторону. И когда стал кушать, то я увидел, что он, подобно архи-

епископу Антонию, стал быстро жевать, и подумал: «А как Государь за обе щеки уписывает». А умерший Его Величество улыбнулся, оборотившись ко мне, и сказал: «Хорош же молодец! Во-первых, про царя и повелителя своего и думать так невежливо и не следует, но я знаю, что ты не в злобе подумал. А во-вторых, ты сам же сказал мне от лица великого старца Серафима, что я — христианин *в душе*. А разве христиане умирают — они по Христе Жизнодавце и сами живые всегда, так и я почил на время, до будущего всех общего воскресения из мертвых плотию, но душою и духом моим жив, здоров и в милости Божией нахожусь и не только прощен во всех грехах моих, ибо несть человек иже поживет и не узрит смерти греховныя, — но и спасен, и помилован, и во всем разрешен навеки. И не только благословлен от Господа Бога, но за великую любовь мою к великому старцу Серафиму и помещен близ него в Царствии Божием. И что ты написал мне о цареубийственной жажде революционерства декабристического, то о всем том старец Серафим еще более и в подробнейшем виде ныне передал (значит, до взятия Карса). Но что же ты-то мне подробно так не передал тогда?»

И я отвечал: «Ваше Императорское Величество! Если бы, презрев клеветами на меня графа Орлова и плюнув на его предостережения, Вы изволили тогда всемилостивейше допустить меня до тайной аудиенции, то я тогда бы безбоязненно имел возможность всеподданнейше передать Вашему Императорскому Величеству не только то, что богооткровенно я имел счастье узнать из уст святого Серафима о декабризме, но и то, что, руководим будучи его божественными наставлениями и непрестанною помощиею Божиею во время многолетних странствований

по России, я имел возможность не словом, но делом узнать о дальнейшем ходе этой богомерзкой и царедушительной агитации. Ибо после выпуска, всемиловитейше Вами пожалованного в 1833 году мне, из-под ареста симбирского, чрез министра юстиции Дашкова, все христиане истинные принимали меня как мученика за веру Христову. Ибо я несправедливо был арестован за мое исцеление в Воронеже в 1 день октября 1832 и за написание полной службы и акафиста святителю Митрофану, и доселе не допущенного Святейшим Синодом к печати, и за мнимое, короткое будто сообщничество мое с Алексей Петровичем Ермоловым, и с Михаилом и Александром Николаевичами Муравьевыми, и Андреем, их братом, коего с Норовым, бывшим потом, с 1854 года моим личным начальником, министром народного просвещения, я в простоте сердца называл моими сотоварищами в путешествиях по святым местам. То, повторю, рабы Христовы считали меня мучеником за веру, а рабы антихристовы и революционеры, реформаторы без реформ, считали меня за заговорщика [неразб.], но отделившегося от ареста, тоже принимали меня за своего собрата-революционера и были со мной донельзя откровенны».

— Да,— изволил отвечать мне Его Императорское Величество,— и об этом великий старец Серафим сказал мне. Но что до того стало, что ты в письме своем написал мне [в скобках неразб.], что ты будто бы никому о том никогда до 1854 года не говаривал, то [по-фр. неразб.] это не так.

— Да,— отвечал я,— простите меня, Государь. Я погорячился и в горячности забыл, что когда заговорщики иные, тоже разгорячась и ошибаясь, заявляли нередко охоту свою истребить весь Ваш августейший императорский род, то я словами великого Старца, которого они и при революционности своей все-таки ува-

жали, имел счастье отмежевывать их от их царедушительных замыслов.

— То-то же, — сказал Государь, — мне и об этом великий старец Серафим тоже сказал. И мы с ним тебя помним и часто говорим о тебе, и желаем тебе во всем ради пользы Церкви Христовой, нашего императорского Дома и всей России блестящего и всеполюно-победоносного, непреоборимого во всем успеха.

Вот весь, во всей его замечательной подробности, великий сон накануне сдачи Карса, о коем краткую записку я дал в 1861 году чрез княгиню Варвару Аркадьевну Горчакову вместе с некоторыми анекдотами о Суворове, слышанными мною в детстве почти что от дяди моего, суворовского полковника Тищенко, сообщил и бывшему генерал-губернатору Александру Аркадьевичу Суворову-Рымникскому.

Но вот описание и другого, тоже замечательного сна, накануне 30 дней [неразб.] до расстреляния второго, расстрелянного за симбирские пожары, перед прибытием в Симбирск сенатора Жданова.

Я видел, что будто бы я в Симбирске (живши, однако же, по поводу погорения Симбирска в имении моем и месте родины, Симбирского уезда селе Рождественском, Цыльне тож). И что будто бы по высочайшему повелению зовут меня к почившему в Бозе Государю Императору Николаю Павловичу в симбирский Покровский монастырь. И я прямо пошел в маленькие покои деревянные покойного преосвященного Анатолия, где потом по [неразб.] случаю помещался преосвященный Евгений, предполагая, что Государь Император, вероятно, уже изволил остановиться, но мне указали за кладбищем маленький, чисто опрятный флигелек, вроде пустынной отшельнической кельи, против коего в палисаднике, прекрасно

украшенном великолепными цветами, изволил сидеть Государь Император Николай Павлович. На том самом кресле императора Петра Великого, находящемся в Санкт-Петербурге в Монплезире, с коего Его Величество приказал во время царствования своего поделать все [неразб.], потом в сем и Его любимом месте Петра Великовского уединения.

Когда я имел счастье подойти к Его Императорскому Величеству, то Государь изволил мне сказать:

— Что это значит, Мотовилов, что при жизни моей ты сам вызывался мне служить, а теперь уж и я сам тебя зову-зову, да все не дозовусь. Неужели и ты, подражая другим, вздумал нам тоже изменить?!

Я [спокойно сказал]:

— Нет, Ваше Величество. Но мне и не говорил никто, чтоб Вы изволили меня требовать.

— А,— сказал Государь.— Вот не справедлив ли мой спор с вами,— обращаясь к окружающим его,— что вы лжете на Мотовилова, будто бы он забыл меня и мой Императорский Дом, святую Церковь и нашу святую Русскую землю. Ну спасибо, что как раз немедленно явился. Я знал тебя и твердо верил, что не ошибаюсь в тебе.

Как только это выговорить изволил Государь Император, то как раз наискосок от этого места, возле собора Покрова Божией Матери, заколебалась земля над усыпальницей последнего нашего юродивого Андрея Ильича (о коем и жизни его есть в журнале «Странник» повесть). И он из-под крышки чугунной памятника своего вышел, из гроба воскресший и, творя свое обычное юродство, переваливаясь с боку на бок, в своей пестро-красной рубашке, и произнося обычные слова: «А — аа — а»,

стал подходить прямо к Его Императорскому Величеству. А Государь, изволивши встать и сложивши три перста первых правой руки православно-христианским сложением перстов, и перекрестившись правильно, а не горстью, обычному некоторых примеру, изволил сказать: «Ну, слава Богу, эти двое (значит, и меня в числе Христа ради юродивых считая) ныне во всем помогут».

И лишь только он изволил всемилоостивейше выговорить эту монаршую речь, как докладывают Его Величеству, что от его Императорского Величества, благочестивейше царствующего Императора Александра II Николаевича, к нему прибыл фельдъегерь с депешами. И подают ему четыре мои рукописи, наполовину листа свернутые и четырех цветов — белого, розово-красного, голубого и зеленого, шелковыми широкими лентами крестообразно перевязанные.

И Государь, на меня оборотясь, изволил мне сказать:

— А это твои бумаги. Ты знаешь их сущность. А я, как тебе сказывал некогда, [неразб.] их знаю из рассказов о них великого старца Серафима и сам займусь с сыном моим разбором их. Ну а ты начинай же действовать, как тебе великий старец Серафим в пользу нашу действовать заповедал.

Я сказал Его Величеству:

— С наивеличайшей радостью, от всей души моей готов на службу Вашего Императорского Величества. Но не в том одно дело. Надобно, чтоб мне не только высочайше разрешено было, но чтобы уже никто из господ министров и мешать мне в службе Вашему Императорскому Величеству уже более, хоть отныне, никак, подобно министру финансов Броку, не смели мне мешать ни в чем. Вы и всеавгустейший сын Ваш, и вся Ваша импе-

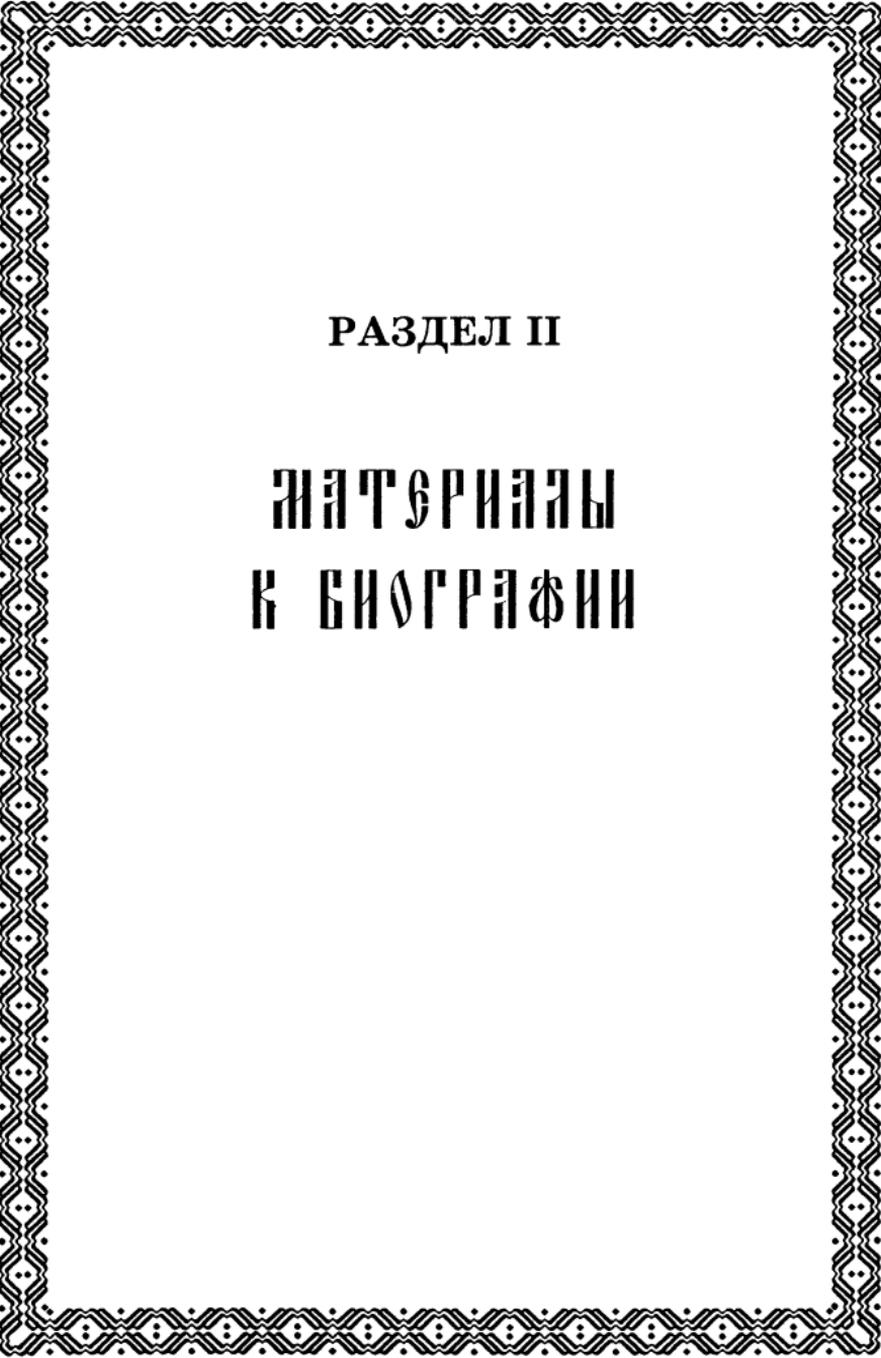
раторская фамилия, кого из них в тайны Ваши допустить изволите, должны знать, что я для Бога, для Вас и России намерен сделать. И сделать постараюсь даже более, чем обещал и обещаюсь при помощи Божией. Но министры ваши не имеют на это, кроме графа Владимира Феодоровича Адлерберга, никакого права, и если бы так было, то давным-давно все богопротивное и злое истреблено было бы [неразб.] богоуказанными мне чрез великого старца Серафима, благодатными средствами.

Но со времени кончины Вашего Императорского Величества, вопреки всей любви и всей милости Вашей ко мне, и вместо того, как Вы, передавая мне Ваши два [неразб.] поклона чрез господина министра императорского двора, переданы мне и слова, что [неразб.] вспоминаете обо мне, как об одном из первых деятелей в войне по Восточному вопросу, а я уничижен, отвержен. Меня гнетут, обрывают, как собаку, и жизнь моя в звании совестного судьи хуже всякой каторги — то как же я смогу хоть чем-нибудь послужить Богу и Вам, и России по богоуказанным мне чрез Серафима словам Господним. Ведь подобно Или пророку, и моей души ищут жрецы [неразб.]. Декабристы, царедушители, враги Бога, Царя и царства Русского.

— Ну, об этом уже не горюй. Я сам все это исправлю. И сам за тебя скажу сыну моему Александру. Смотри же, исполни и бесстрашно служи нам верою и правдою.

— Готов и буду при помощи Божией служить Богу, Вам и России. Служить, как великий старец Серафим меня богооткровением напутствовал, и великий Серафим убедительно просил.

Кончено 28 июля — в день Одигитрии Божией Матери и именин б. о. Серафима. 1866.

РАЗДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ

СЛУЖКА БОЖИЕЙ МАТЕРИ И СЕРАФИМОВ

(Симбирский совестный судья
Николай Александрович Мотовилов)

Последние слова последней беседы батюшки отца Серафима со мною были следующие: «...Так-то, ваше Боголюбие, укоряеми — благословляйте, гоними — терпите, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою, и претерпевший до конца той спасется! Грядите с миром в Воронеж!» Сказаны они мне были 5 сентября 1832 года при отправлении моем в первый раз в жизни в Воронеж.

Из записок Н. А. Мотовилова.

Серафим! О святое и дивное имя! Как велик ты, великий, преподобный, у Господа! О имени твоём скрежещут зубами беси и... трепещут!..

И велик же был их скрежет зубовой! С того священного дня, как Боголюбивый государь, Божий помазанник, исполненный и водимый Святым Духом, воплотив в своем лице всю народную веру, одномысленно с православною Церковью преклонил свои колени со всем своим многомиллионным народом у раки новоявленного угодника Божия Серафима Саровского — с того самого дня весь полк сатанинский во главе со своим миродержителем и князем злобы поднебесной восстал против того, кто еще в немоющем человеческом теле одолел исконного врага человеческого рода.

Не стану поминать всей бешеной ярости, которая бессильно и бесплодно обрушилась на святые дни, на незабвенные июльские Серафимовы дни, единодушно пережитые всем православным миром во главе с его Богоданным Главой: ярость эта памятна всем, кто вблизи или вдалеке принимал участие в покаянной народной молитве у гроба и у раки преподобного Серафима, кто «среди лета пел» с народом «Пасху».

Господь посрамил сатанины замыслы! В дым разлетелось все их злоухищрение! Будущее покажет во всю ширь и мощь все значение для жизни русского духа недавно пережитых, перечувствованных и передуманных Саровских торжеств. Но и настоящее уже таково, что ясно стало видно исконным врагам России, как далеко ей при условии подъема веры до той преждевременной смерти, которую они уже, казалось, с победным кличем торжествовали.

Но злобная клевета, разбившись о неодолимую стену святости подвижника Христова, переменила направление и ударила, хотя и с ослабленной силой, во все то, что прямо или косвенно служило к прославлению Святого Угодника.

Один из таких ударов пришелся по человеку, отдавшему все свои духовные силы на служение памяти батюшки Серафима и основанной им Серафимо-Дивеевской женской обители, последнего на земле жребия Царицы Небесной. Это был симбирский и нижегородский помещик и симбирский совестный судья, потомственный дворянин Николай Александрович Мотовилов.

Вражья злоба, не одолев Серафима, навалилась всею тяжестью на Мотовилова и постаралась очернить и оклеветать его память в глазах всех тех, кто по Серафиме был заинтересован этой из ряда вон выходящей личностью. Она ославилась его «сумасшедшим».

С помощью Божией и батюшки Серафима я попытаюсь осветить мрак лжи, окутавший память этого мирского сподвижника и послушника преподобного отца нашего Серафима Саровского¹.

I

В семье Мотовиловых между теми, по крайней мере, ее членами, кто еще до сих пор дорожит семейными воспоминаниями, в глубине колыбели ее зарождения возникло и до сих пор держится предание, что родоначальником их был выходец из Литвы, князь Монтвид-Монтвиль. Простой народ переделал эту фамилию на свой лад и прозвал чужеземца «Мотовило», и под таким прозвищем он стал своим, уже русским человеком. От этого корня пошел русский род Мотовиловых.

Один из предков Николая Александровича Мотовилова, еще будучи литовским князем, участвовал со своими людьми с Дмитрием Донским в Куликовской битве. В одной из ветвей мотовиловского генеалогического древа, если не ошибаюсь, в роде сенатора Кассационного департамента Георгия Николаевича Мотовилова, должен до сего времени храниться как родовая святыня образ (тельный) святителя Николая Чудотворца, надрубленный тяжелым басурманским мечом. Если он сохранился, то это теперь один из немногочисленных вещественных свидетелей первых лучей зари Московского царства².

¹ Очерк этот составлен мной на основании рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова, дополненных беседами со вдовой его, Еленой Ивановной, и сестрами святой Дивеевской обители.

² Этот образ принадлежал отцу Н. А. Мотовилова, Александру Ивановичу, как старшему в роде, но в малолетнее после отца сиротство Николая Александровича он достался Г.Н. Мотовилону. Николай Александрович всю жизнь скорбел об этом образе, но не мог добиться его возвращения.

У этого образа есть свое предание.

Отец Николая Александровича, Александр Иванович, в молодости своей полюбил девицу из старинного дворянского рода Дурасовых, но воспитанная в Петербурге, успевшая свыкнуться со столичной жизнью, Мария Александровна Дурасова, к которой присватался Александр Иванович, не пожелала уйти с мужем в деревенское затишье и отказала ему в своей руке.

Борьба с чувством отвергнутой любви привела к тому результату, которым в доброе, святое, старое время люди сердца и долга увенчивали всякую борьбу, ставшую непосильной: они обрекали себя Богу и в одной только Божией помощи шли искать себе спасения от нестерпимых борений своего духа. Тихие обители, посвященные Богу, за своей высокой монастырской оградой, среди лесов, вдали от суеты мятежного мира, давали желанный приют изболевшим душам и в Христе отраду и успокоение.

Так было в те времена, такие к нам по времени близкие и такие по духу, увы, далекие!

Саровская пустынь приняла неутешного Александра Ивановича в число своих послушников и, казалось, на всю жизнь скрыла его от всякой мирской заботы и горестей.

Но Богу угодно было изменить твердое решение неутешного юноши.

Проходя послушание на просфорне, Александр Иванович стал уже готовиться к принятию пострига, но как-то раз, утомившись от непривычной работы, задремал и увидел дивный сон, определивший вопреки его намерениям всю его дальнейшую жизнь и имевший пророческое значение для Николая Александровича.

Едва успел задремать саровский послушник, как вдруг увидал, что в просфорню входит святитель Николай и говорит:

— Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем — он будет нужен Богу. Я — святитель Николай и назначен был покровителем мотовиловского рода. Им я был уже в то время, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвиль, служил в войске Димитрия Донского. В день Куликовской битвы татарский богатырь, поразивший воинов-иноков Пересвета и Ослябю, ринулся было с мечом на самого великого князя, но Монтвид грудью своей отразил направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего предка, и пронзил бы он и самого твоего родича, но я ослабил силу удара и рукой Монтвида поразил татарина насмерть.

Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложение, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто, и от этого предсказанного брака родился 3 мая 1809 года первенец, которому и было дано имя Николай.

Это и был наш Николай Александрович Мотовилов.

II

Мотовилов рано лишился своего отца. По восьмому году от рождения он остался сиротой с матерью, еще совсем молодой вдовой, и сестрой, года на два или на три его моложе. Большое состояние, оставленное Александром Ивановичем, заключалось преимущественно в насе-

ленных землях трех губерний — Симбирской, Нижегородской и Ярославской — и требовало неустанныго попечения. Заботы о воспитании детей-малолеток, общий уклад нравственной и религиозной жизни старинного помещичьего быта, в котором еще высоко стояли идеалы супруги и матери и, главным, конечно, образом, Божие изволение — все это заставило мать Мотовилова предаться с покорностью своей доле и не искать себе того, что ныне принято называть личным счастьем.

Это личное счастье прежние матери искали и всегда находили прежде всего в Боге, в Его Святой Церкви и в домоводстве, заключавшем в себе воспитание детей и заботу о сохранении для них состояния.

Помещичий быт старой Руси, тщательно ожидающий своего беспристрастного историка, знает много типов таких матерей и хозяек, которые в тиши своих деревень строили имущественное благополучие своих детей, а с ними и родины.

Первой утешительницей матери Николая Александровича в постигшей ее скорби была Церковь и ее верные служители, рабы Божии всякого звания, начиная с архиереев и кончая той Христа ради бродячей Русью, которая, отбросив всякое попечение о заботах завтрашнего дня в молитвенном подвиге и лето, и зиму, и в весеннее распустье, и в осеннее ненастье обходит в поисках за святыми местами своим неустанным дозором бесчисленные грады и веси, дремучие леса, торные большие дороги и прихотливо бегущие пешеходные тропинки с трудом проходимых дебрей просторной России. От неприступных ледяных Соловков до вечно зеленого Афона и святынь Иерусалима, от Почаева и Киева до границ Восточной Сибири, до стен таинственного Китая доплескивается

чистая волна исконного православия, создавшего и прославившего могучую Россию. Обходит этот неустающий дозор святыни православия и по всем углам и закоулкам несет благодать святыни, раздавая ее верующей рукой всякому верующему русскому сердцу. Наивная вера, наивные речи! Дети-повествователи, дети-слушатели! Но кто слышал пламенные речи одних, кто умел подметить слезы умиления других, тот лицом к лицу видел, тот уста в уста целовал ее, нежно любимую, детски-святую, благодатную Русь... От светлых царских покоев, от знатного терема ближнего князя-боярина до промозглой от сырости и непокрытой нищеты хаты бедняка-простолодина в те простые и верные времена вся несметная Христова богомольческая рать находила всюду себе уют и привет, теплый угол, яркий очаг сердечной любви и гостеприимного радушия.

Старая Русь умела понимать и ценить этот духовный подвиг своего народа. Забирались и тогда в это стадо овец Христовых волки из стаи сатанинской, но из-за случайных волков не порочили тогда чистое овечье стадо, и золотым его руном одевалась непостыдно и безбоязненно и отогревала свое русское сердце святая, чистая вера русского человека.

III

В начале XIX века мало еще была поколеблена вера русского захолустья — жизнь тогда не ведала той быстроты разноса духовной заразы, которым ознаменовалось так называемое наше время — время пара, электричества, железных дорог, телеграфа, телефонов, — всего, словом, того, что издергало и измочалило нервы современного человечества. Сто верст представляли собой пространство

в полсуток езды, и с 500—600 верст от больших центров, от столиц, начиналась уже русская захолустная жизнь, почти не затронутая веяниями времени в своих вековечных устоях. Захолустье, так неумно и зло высмеянное неглубоким острословием эпохи реформ и европейского обезьянничества шестидесятых и последующих годов, было той истинной нивой, которая растила зерно русской исконной жизни и давала обильные жатвы, кормившие могучий государственный организм России. Дальность расстояния, с трудом преодолеваемая перекладными, почтовыми, «долгими», заставляла обывателя сидеть дома, в доме уметь находить и сосредоточивать все свои материальные и духовные интересы.

Жизнь протекала в семье и вся в ней сосредоточивалась. Ехать было некуда, да и незачем; знали свой околоток и знали его хорошо, основательно, точно; вдаль не стремились, а где родились, там и умирали. Дальние поездки предпринимались только по особой нужде и притом с великой тугой сердечною.

Но для жизни духа и в те малоподвижные времена расстояниями пренебрегали, и поездки на месяц и более, верст за 400, за 600, не были в диковину для дедов наших и бабок. Нельзя было назвать это передвижение поездками — это были целые паломничества, обыкновенно организованные со всеми чадами и избранными домочадцами, и целью их бывали более или менее отдаленные монастыри с почивающими в них святыми мощами Божиих угодников или живущими в них прославленными народной верой и просветленными богоугодной жизнью и Божественной благодатью старцами-подвижниками.

«Не в препретельных земных премудрости словесах, но в явлениях силы и духа» искали ответа старики наши

на все запросы души человеческой и, верен Господь, его получали.

Великое горе молодой вдовы потянуло ее за советом и благодатной помощью к великому Божьему угоднику, отцу Серафиму, в то время иеромонаху Саровской пустыни, окончившему подвиг затвора и начавшему принимать посетителей, которых стало собираться великое множество со всех концов центральной России в уединенную Саровскую пустынь. Слава отца Серафима как человека высокой духовной жизни уже и тогда гремела по всему верующему Тамбовскому и Средне-Поволжскому краю. Старики рассказывали, что бывали в Сарове дни, когда число приходивших и приезжавших к отцу Серафиму достигало десяти тысяч.

IV

В первую свою поездку в Саров к отцу Серафиму вдова Мотовилова захватила с собой и своего Николеньку. Это было в 1816 году. Николеньке шел тогда восьмой годок. Мать с сыном ехали на Арзамас из своего имения, сельца Бритвина Нижегородской губернии Лукояновского уезда. В рукописях Мотовилова есть указания, что в Арзамасе одна всеми чтимая блаженная встретила с Мотовиловой и предсказала ее мальчику его незаурядную судьбу, силы непонятой и отвергнутой миром, но угодной Богу.

Батюшка Серафим только что отворил тогда двери своей затворнической кельи, и одной из первых принятых им посетительниц была вдова Мотовилова с сыном.

В рукописях Николая Александровича мне удалось найти изображение от руки плана кельи отца Серафима в том виде, в котором она врезалась в его детскую память.

Вот этот чертеж:

А — входная дверь в келью.

Б и В — окна.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 — большие подсвечники с зажженными свечами.

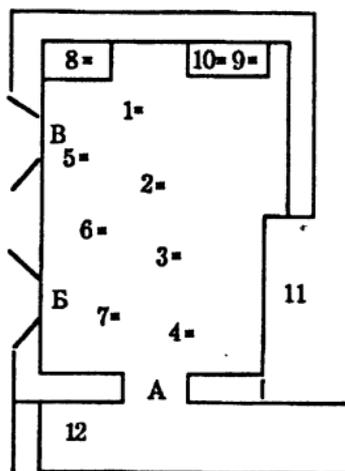
8 — столик и на нем икона Богородицы Радости всех Радостей.

9 — скамья, на которой спал Батюшка.

10 — камень, служивший ему изголовьем.

11 — изразцовая лежанка.

12 — сени, в которых впоследствии стоял гроб Преподобного.

Обстановка кельи поразила мальчика настолько, что уже спустя много лет он помнил ее во всех подробностях. Особенно его детское воображение было поражено обилием горящих свечей в семи больших подсвечниках пред иконой Божией Матери. Но слова и смысл речей беседы отца Серафима с матерью от него утаился. В воспоминании его сохранился один только эпизод пребывания в батюшкиной келье. Скучно стало мальчику, привыкшему резвиться на деревенской свободе, и, пока мать внимала беседе богомудрого старца, он стал бегать по келье, насколько позволяла ее обстановка. Мать с упреком его остановила. Но Батюшка на ее упрек ребенку возразил:

— С малюткой ангел Божий играет, матушка! Как можно ребенка останавливать в его беспечных играх!.. Играй, играй, деточка! Христос с тобой!

Эти слова, полные кротости и отеческой ласки, Мотовилов помнил всю жизнь.

Могло ли предчувствовать тогда детское сердце, что келья эта, в которой происходила беседа матери с Преподобным, впоследствии определит весь строй многострадальной жизни Мотовилова!

V

Семейное ли благочестие, столь свойственное в те времена дворянским семьям, прожившим в своих поместьях, раннее ли знакомство с людьми духовного подвига, с которыми любила проводить время благочестивая мать, предызбранность ли, сказавшаяся в значительном сновидении отца, но в Мотовилове рано проснулась религиозная любознательность, доставлявшая ему немало огорчений в отроческом и юношеском возрасте.

Узнав при изучении Святого Писания о Троичности во Едином Существе Бога, он стремился объяснить себе этот догмат явлениями видимой природы, чем в немалое приводил смущение не только простых сердцем своих деревенских наставников, но и законоучителей, готовивших его к поступлению в Казанский университет.

— Батюшка! — спрашивал он своего наставника. — Вот вы меня учите, что человек состоит из тела и души. А ведь мы по образу и подобию Божиему сотворены, стало быть, мы тоже троичны по существу?

— Ну не еретик ли ты! Истинно еретик! Говорю тебе — высших себя не ищи! Куда ты заносишься, куда ты заносишься, спрашиваю я тебя!

И за словесным увещанием «еретика» обыкновенно следовало наставническое вразумление, от которого немало плакивал вразумляемый.

Мать тоже сильно огорчалась, боясь чрезмерной, как ей казалось, пытливости своего ребенка. В те добрые

простые времена просто и по-детски веровали и зрелые люди.

Особенно ее страшило будущее ученье сына в шумном академическом городе Казани. Дух неверия и ересей, посеянный в умах дворянских вольнодумцев екатерининского и александровского времени ордой иноземных гувернеров и гувернанток, явившейся в Россию с готовой программой разрушения русских устоев, не мог этот дух утаиться от предчувствия сердца любящей и истово православной матери. Ну как эта пытливость разума, теперь под ее крылом направленная к познанию Божественного, да обернется в противоположную сторону! А примеры тому бывали.

Уже тогда в провинциальном обществе начали поговаривать о масонах как о секте таинственной, хотя и безобидной по внешности, но по всем признакам веротступнической и вредной. Православный дух покойного ее мужа тоже прозревал гибель от масонства, которым как новинкой, последним словом европейской образованности, начали увлекаться наиболее выдающиеся провинциальные деятели.

— Смотри, матушка, береги Колю от масонов, если меня не станет! Именем моим закажи ему не ходить в их богоборное общество — погубит оно Россию!

Такие речи слышал от отца и сам Мотовилов. Пытливый ум ребенка, конечно, не понимал, что такое за страшилище — масоны; вряд ли он даже мог сколько-нибудь объять необъятное слово «Россия», но отцовские слова не пропали для него бесследно, и для Николая Александровича Россия и масонство остались навсегда двумя понятиями, из которых одно непременно должно было уничтожить другое.

Мотовилов на всю жизнь остался непримиримым врагом этого тайного и по существу глубоко революционного общества.

Но материнское вещун-сердце не ошиблось в одном: университет со своими общественными науками, в которых никогда не поминается имя Божие, веселое, шумливое и, конечно, вольнодумное светское общество дворянской Казани — все это скоро в своем житейском водовороте закружило юного Мотовилова, будущего завидного жениха, как о нем, вероятно, втайне мечтала не одна маменька, и светская жизнь, хотя временно и поверхностно, но все же успела, казалось, изгладить то духовное, что было в детстве посеяно в душе религиозного мальчика.

— Ну, маменька, — часто говаривал он матери, — у вас опять эти «искушения»!

«Искушениями» он называл странниц и монахинь, которых любила у себя поприветить Мотовилова. Слыша разговоры Николеньки, не всегда скромные и о предметах нескромных, потупя глаза и перебирая четки, со вздохом и как бы про себя они тихо шептали, бывало:

— Искушение!

Не любил их в то время жизнерадостный Мотовилов. На радужном фоне веселья шумного света, к которому тянулось его сердце, эти смиренные фигуры с постническими лицами, в черном одеянии, пожилые, некрасивые, с молитвой Иисусовой на устах, должны были ему казаться таким темным и непривлекательным пятном...

Под невзрачной внешностью и истинное смирение многим кажется лицемерием. Кому нужны эти загнанные, забытые, жалкие, темные облики? Они — режущий ухо диссонанс в победном аккорде нарядного мира!...

VI

Но Божье призвание вело Мотовилова на иной путь — на ином пути он был нужен Богу.

В половине университетского курса с Мотовиловым произошел случай, необыкновенно характерный как для него, так и для той эпохи, которая его воспитала. В своих записках он туманно говорит, что «этот случай его поверг в такую бездну отчаяния, что он не мог его пережить, ибо должен был лишиться и своей дворянской чести, и дворянского звания, и быть отдану в солдаты». По словам Елены Ивановны, этот случай, это страшное несчастье, так потрясшее Мотовилова, был поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне. Поцелуй этот был замечен начальством, которое придало ему такое значение — на словах или на деле, кто знает, — что Мотовилов счел себя окончательно погибшим. Особенно его страшила мысль, что он убьет свою «маменьку». А любил он свою «маменьку» так, как только могло уметь любить его чистое сыновнее сердце.

Какая бездна отделяет чувства большинства современной молодежи от чувств того времени!

В темную ночь из квартиры профессора Фукса, у которого Мотовилов жил в то время на квартире, он ушел к Черному озеру, известному всякому казанцу, и там решил утопиться. Уже он готов был в него броситься, но какая-то невидимая сила вдруг приковала его к месту, с которого он хотел кинуться в воду, и в ночной темноте над мрачными водами Черного озера он внезапно увидал в ярком сиянии образ Казанской Божией Матери. Озаренный дивным светом Лик Пречистой укоризненно взглянул на юношу-самоубийцу и бесследно скрылся в темноте ночи.

Это было первое знамение в его жизни.

История, угрожавшая Мотовилкову в университете, не имела для него последствий — выручил его из беды его квартирохозяин, профессор Фукс, удостоверивший, что «он за Мотовилова ручается» как за высоконравственного юношу. Но дивное видение оставило глубокий след в его душе, и хотя утехи мира все еще продолжали с неудержимой силой затягивать его в свои обманчивые сети, тем не менее событие на Черном озере положило начало совершившемуся впоследствии в нем глубокому духовному перевороту.

О времени его жизни в Казани после этого события мы не имеем достоверных сведений. Знаем только, что по выходе его из университета со званием действительного студента умерла его мать во время совместной с ним поездки на богомолье в Киев, оставив на его попечении все имения и пятнадцатилетнюю девицу сестру.

Самому Мотовилкову шел семнадцатый год. Это было в 1826 году.

VII

В те времена дворянская честь требовала обязательной службы государству. Молодой человек, окончивший курс своего учения, должен был непременно служить или на коронной службе, или по выбору — неслужащий дворянин был все равно, что недоросль из дворян. Уклонение от службы Отечеству считалось таким позором, что ни одна девушка из порядочного семейства не пошла бы замуж за того, кто сколько-нибудь не прослужил в военной или гражданской службе царю и Отечеству. Обществу тогда не служили, понятие общества поглощалось догматом царя и Родины — им и служили. Конец александров-

ских и николаевские времена строги были в проведении в жизнь государственных принципов.

А сердце Мотовилова уже было охвачено «страстью нежной».

В соседстве с его симбирскими деревнями жила в своих поместьях вдова Михаила Петровича Языкова, из старинного рода симбирских дворян Языковых. С ней жила и дочка, подросток Катенька, девушка лет пятнадцати. Болезненная по природе, совсем больная ко времени выхода Мотовилова из университета, вдова Языкова никуда не выезжала из дому, гостей не принимала, кроме родных и близких соседей, и Катенька росла почти в полном одиночестве. Церковь, домашние богослужения и уход за матерью — в этом была вся жизнь молодой девушки, почти ребенка. В эту-то Катеньку, или Екатерину Михайловну Языкову, с двенадцатилетнего ее возраста и был влюблен Мотовилов. Миловидная девушка прельстила его сердце не столько своей внешностью, сколько внутренними качествами своей высокорелигиозной женственной души.

Нравился ли ей Мотовилов? Сказать трудно. Что касается самого Мотовилова, то надежда видеть любимую девушку своей женой не покидала его много лет спустя после первой вспышки зароненной в его душу искры беззаветного чувства. Цельные были тогда натуры и любить умели подолгу, преданно и верно.

Но не Мотовилову суждено было овладеть чистым, девственным сердцем Языковой. Его ждало другое сердце, другая рука должна была с его рукой нести предназначенный ему тяжкий крест к прославлению великого Имени Божьего.

Божий избранник, вызванный к жизни явно выраженной Божественной волей, должен был пройти через горнило всяких страданий, всяких искушений, мук сердечных и физических, должен был понести всякую скорбь, всякое гонение, чтобы духовно очищенным и просветленным быть достойным совершить на земле великое дело Божие.

VIII

Для деятельного христианина, для всякого воина Церкви Христовой, для всякого верного ее сына, а не наемника, глубоко поучительно ясное водительство Руки Божией в многострадальной и до сих пор неоцененной по заслугам жизни Мотовилова.

Теперь видна его заслуга: соблюдение для потомства мельчайших черт жизни великого угодника Божия, преподобного Серафима, и процветание духовного детища Батюшки — Дивеева. Но и в современной нам оценке деятельности Мотовилова молва людская не отводит ему того высокого места в величественном здании великих Саровских дней, которое ему принадлежит по праву.

Следя шаг за шагом за жизнью этого великого духом и сердцем человека, по обрывкам рукописных его воспоминаний, по воспоминаниям о нем людей, ему близких — вдовы его, Елены Ивановны, и сирот батюшки Серафима, дивеевских насельниц и молитвенниц, — нам, быть может, удастся восстановить в возможной яркости весь этот сложный, исполненный трагизма и во всяком случае незаурядный характер нравственного христианского мученика XIX века, истерзанного пытками душевными, и где же — в центре исконного православия — в России.

Вернемся же к тем отдаленным уже для нас временам, когда влюбленный Мотовилов должен был вступить в самостоятельную жизнь круглым сиротой, с девочкой сестрой на руках и с большим хозяйственным делом на своем неопытном попечении.

Сердце Мотовилова во всем строе его жизни всегда было на первом плане. Веления практического смысла, холодные веления рассудка если и не были ему чужды как человеку в полноте современного ему образования, но рассудок всегда находился у него в подчинении сердечным влечениям. А мотовиловское сердце было во всем пламенное.

Чтобы получить руку Языковой, надо было служить — так, по крайней мере, думал Мотовилов, так думало тогда все дворянское большинство. Онегины и Чацкие только зарождались. И вот тут-то, на первых порах, при вступлении в новую жизнь самостоятельного человека, ему пришлось столкнуться с тайной, но уже великой и грозной силой масонства, с тем корнем пышно расцветшего впоследствии бурьяна русского революционного движения, которое своим лже-либерализмом заразило цвет русского служилого и помещного дворянства.

«Вышедши из Императорского Казанского университета, — пишет Мотовилов на найденном мной, оторванном от какой-то тетради листе, — действительным своекоштным студентом 8 июля 1826 года и на пути богомолья в Киев лишившись родительницы моей в 20 день того же июля 1826 года и оставшись круглым сиротой 17 лет от роду, имея сестру Прасковью, пятнадцатилетнюю, я через друга матушки моей, Надежду Ивановну Саврасову, вскоре познакомился с симбирским губернским предводителем, князем Михаилом Петровичем Ба-

ратаевым, и вскоре сблизился с ним до того, что он открыл мне, что он грандметр ложи Симбирской и великий мастер Иллюминатской петербургской ложи. Он пригласил меня вступить в число масонов, уверяя, что если я хочу какой-либо успех иметь в государственной службе, то, не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом. Я отвечал, что батюшка, родитель мой, запретил мне вступать в масонство, затем, что это есть истинное антихристианство, да и сам я, будучи в университете и нашедши книгу о масонах, в этом совершенно удостоверился и даже видел необыкновенные видения, предсказавшие судьбу всей жизни моей и возвестившие мне идти против масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства, карбонарства и всего, с ними тождественного и в противление Господу Богу имеющегося. Это так разозлило его, и тем более в простоте сердца ему открытое намерение мое вскоре по устройстве дел моих ехать в Санкт-Петербург для определения на службу в Собственную Его Императорского Величества канцелярию, что он поклялся мне, что я никогда и ни в чем не буду иметь успеха, потому что сетями масонских связей опутана не только Россия, но и весь мир.

Вскоре после того вышел закон, чтобы молодые люди, хотя и окончившие курс учения и получившие дипломы на ученые степени в высших училищах, не имели бы права отправляться на службу в столицу, а должны бы были три года послужить в губернии будто бы для ознакомления с процедурой провинциальной службы.

Срезанный на первых порах с ног, я, как говорится, сел как рак на мели».

Уверенность князя Баратаева, что Мотовилову за отказ его вступить в члены масонской ложи ни в чем не

будет успеха, оправдалось вскоре на деле. На открывшуюся вскоре вакансию должности почетного смотрителя Корсунского уездного училища Мотовиловым была выставлена своя кандидатура и, когда ему было дано знать от Совета Казанского университета и от Училищного комитета, что он на эту должность избран, то Баратаев призвал его к себе и объявил:

— Этой должности вам не видать как своих ушей. И не только вы этой должности не получите, но не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин (тогда попечитель Казанского учебного округа), и министр князь Ливен — подчиненные мне масоны. Мое приказание — им закон!

С этого момента началось преследование или, вернее, травля Мотовилова, усилившаяся с течением времени до степени гонения, которое довело его в конце концов до такого нервного расстройства, что он заболел нервным ударом, приковавшим его к постели. В тяжких страданиях он промучился более трех лет. Его преследовали на службе, которой он, правда, все-таки добился благодаря своей сверхъестественной энергии, помешали его браку с Языковой, создавали репутацию сумасшедшего и даже во времена губернатора Загряжского ухитрились подвергнуть личному задержанию по обвинению в государственной измене. От этого ареста он был освобожден лишь по приказанию министра юстиции Дмитрия Васильевича Дашкова.

Не было клеветы, насмешки, тайных подвохов и ухищрений, которым не подвергла бы его политически-сектантская человеческая злоба.

Возникновение и жизнь масонских лож, их сила и значение в жизни России еще ждут своего правдивого

историка, вернее, наблюдателя. Да и дождутся ли они его?.. Печатью глубокой тайны, в которую посвящены отдельные и притом неведомые самой масонской армии главнокомандующие единицы, покрыта сущность их деятельности, их средства и цели, как былые, так и настоящие. Масонство, с уверенностью можно утверждать, существует и ныне под другой личиной, но разрушительные его и, главным образом, антихристианские, точнее, антихристовы цели остались все те же.

Многострадальная жизнь Николая Александровича Мотовилова, с энергией отчаяния боровшегося за лучшие дворянские заветы прошлого, до фанатизма преданного самодержавию, нравственно замученного исповедника православной веры, намеренно оттертого от полезной и глубоко патриотической общественной деятельности — поучительнейший пример того, что значило в то время, да пожалуй и в наше, открыто восстать против этой тайной, но великой подпольной силы.

Если бы Господь не отвел энергии недюжинной силы Мотовилова на другое, истинно богоугодное дело, ему пришлось бы преждевременно покончить свои расчеты с земной жизнью: масонская сила никогда не останавливалась перед тайным убийством тех, кого считала для себя опасными.

IX

Для какого же богоугодного дела Господь отвел энергию Мотовилова от дел государственных, к вершению которых так тяготело истово русское сердце Мотовилова? Кто должен был быть непосредственным орудием Божьего промысления о земном назначении Мотовилова, предуказанного еще в знаменательном сновидении

бывшего Саровского послушника, впоследствии ставшего отцом Николая Александровича?

Творение духа преподобного Серафима Саровского — Дивеевский женский монастырь, последний жребий Царицы Небесной на земле, будущая женская лавра и житие угодника Божия, нашедшее в Мотовилове своего свидетеля и вдохновенного описателя — вот то богоугодное дело, на которое был вызван к жизни Николай Александрович.

Преподобный отец наш Серафим Саровский — вот та видимая святая рука, изменившая и направившая стопы Мотовилова по иному пути; перепоясавшая его Божественной благодатью и поведшая его туда, куда он и не хотел, быть может, идти в то время, когда его юному, неопытному взору житейский путь мира казался таким заманчивым и блестящим.

Как велика была задача, ему предназначенная, показали уже отчасти великие Саровские дни. Будущее раскроет еще больше, еще значительно несравненную тайну силы этих дней для обновления духа православия, а с ним и величия Родины с ее мессианской целью.

Служебные неудачи, тайная и явная злоба влиятельного масонства, не пощадившая даже его чистой любви к Языковой, рывшая ему всевозможные ямы и ловушки, в которые он в простоте юного сердца ежеминутно попадался, сломили богатырский организм Мотовилова, и, как я уже говорил, тяжкая болезнь приковала его к постели более чем на три года. В своих физических страданиях, усугубленных нравственными, круглый сирота с девочкой-сиротой сестрой на руках, без поддержки, без родного бескорыстного участия (одна Надежда Ивановна Саврасова, друг его матери, его не оставляла), он обно-

вился духовно и воззвал ко Господу, и Господь не преминул услышать голос скорби Своего раба.

К этому приблизительно времени относятся три знаменательных сновидения, которые ему дарованы были как бы в предвещание судьбы его жизни и в откровение некоторых тайн Божественного домостроительства. Берем их описание из подлинной рукописи Мотовилова, уцелевшей на отдельном листе ¹:

«В первом сне показан был мне неимоверно величайший не дом, а дворец батюшки моего в жизни будущего века. Две с половиной версты длины, полверсты ширины и четверть версты высоты; трехэтажный, с колоннами, каждая выточена из одной цельной небесной жемчужины; по архитектурному стилю похожи на ионический ордер; оконные стекла все цельные внизу и вверху по 25 сажен вышины и ширины, а в бельэтаже 25 ширины и 50 сажен вышины; крыша вся из чистого золота, стены из небесного мрамора, белейшего, чем самый лучший каррарский мрамор. Гора, на коей стоял этот дом, семь верст вышины, полого к нему простирающаяся, а в длину верст тридцать вокруг сад из непревосходнейших плодовых и вечно цветущих деревьев и кустарников. Я видел родителя своего, восставшего нетленным из гроба и вошедшего в оный, а мне невидимый кто-то сказал: вот это за святую, многомилостивую жизнь уготованный родителю твоему дом его в жизни будущего века.

Во втором сне показался мне мой, за грехи мои уготованный, дом весь в смоле, капающей с потолка от рас-

¹ Вообще, надо заметить, в бумагах мотовиловских, доставшихся мне для разбора, беспорядок был страшный — точно чья-то рука кому-то назло истрепала, раскидала и разорвала эти рукописи, таившие часто в себе драгоценнейшие сообщения.

топления раскаленными угольями. Но Господь сподобил меня выйти из него, и мне потом показаны были красоты Рая Божьего и Вечного Царствия Божьего и сказано: «Смотри же! — вышел ты во сне из дома вечной твоей гибели, выходи и на самом деле из нее в жизни, да спасешься, подобно родителю твоему, и на земле, и на небесах».

В третьем сне взяли меня с одра почти предсмертной болезни моей пятнадцать великих пустынников, святых угодников Божиих, а именно: святой Марко Фраческий, святой Онуфрий Великий, святой Петр Афонский, святой Иоанникий Великий, святой Антоний Великий, святой Макарий Великий, святой Савва Освященный, святой Герасим, иже на Иордане реце и остальные, все подобные им — и привели меня к стене до небес вышиной и шириной до края земли и поставили перед дверью 15 сажень вышиной и 5 сажень шириной, а за ними стояла толпа несметная людей: цари, патриархи, народоправители, бояре всех народов, митрополиты, архиепископы, епископы, священники, архимандриты, монахи и мирские всякого звания — ученые, разночинцы, купцы, мещане, дворовые люди и крестьяне всех наименований. И все это стояло тесно, нивелирно смешавшись, зря, без толку, тесно так, что если бы бросить яблоко между голов их по их плечам, то оно покатилося бы, а не упало на землю. И святые Божии пятнадцать великих пустынников сказали мне: «Мы привели тебя сюда, к этой толпе прогневавших Господа Бога нечестивцев, и Господь Бог Вседержитель через нас, рабов Своих, велит тебе возвестить слово Его и суд Его Божественный о них. Скажи же при нас им всем: цари, патриархи, народоправители, бояре, купцы, мещане, дворяне, ученые, и ремесленники, и мужики,

священники, и монахи, и монахини, и люди всех наименований! Вы всецело во всем прогневили Господа Бога! Все древнее, святое, богоугодное, душеполезное и всеспасительное вы презрели, отвергли и омерзили в душах своих и дышите ненавистью ко всему богоугодному. Вы так преогорчили благодать Божию всеми мерзостями ваших нововведений, что фиал гнева праведной ярости Божией кипит негодованием, не растворенный ни самонаималейшей каплей сострадания к вам, богомерзким нечестивцам, и горе вам, если вы не покаетесь и не отвратитесь от богомерзких злоб ваших и не взыщете вскоре пути истинного во всех мерзостях ваших покаяния пред раздраженным вами Господом Богом!.. Ну, говори же при нас все это им!..» И сколько я ни плакал, уверяя их, что я не смею и что, как только заикнусь им о том, они погубят меня, но они грозно возразили мне: «Если ты не возвестишь им всей этой воли Божией, то Господь погубит вместе с ними и самого тебя, да и те во веки веков станут на тебя жаловаться Богу. Если же они и прогневаются все до одного на тебя и захотят истребить тебя с лица земли, то защитит тебя Господь Бог в Троице Единый и Сама Госпожа Пресвятая Богородица будет Заступница твоя противу всех их нападений на тебя. Иди же сквозь их и глаголи дерзновенно им эти словеса милосердия и живота вечного, и Сам Господь благословит тебя, и Матерь Божия будет тебе Сама Помощницей во всем».

И я сказал им все, и они выслушали все и, расступаясь предо мною, стали давать мне дорогу между собою. Треугольник большой, на несколько сажень, открылся предо мною, и я, всем повторяя эти милостивые и щадливые слова Господни, мало не дошедши до конца треугольника, попробовал, как широка данная мне людьми

дорога, и протянул крестообразно в обе стороны руки мои, и не хватило до людей на целый аршин от рук моих. И я не знаю, почему и зачем взмахнул я руками, и меня на аршин приподняло от земли кверху, так что я кружась полетел, как большая птица, вверх к поднебесью и увидел, что взлетел выше всех, а внизу подо мною — люди что черви кишат... Сначала я крайне испугался, думая, что упаду вниз и совершенно расшибусь в прах, но под меня подосталась светлая, чистая и как хрусталь прозрачная перина и я неизъяснимо возрадовался и сказал: «Господи! когда я там был с ними вместе внизу, какими они мне великими тогда казались и как величались они тогда предо мною! А теперь, что стали они? Не более червей, кишащих в навозной куче!»

С этим я проснулся».

Эти сновидения и тяжелая болезнь дарованы были Мотовилову в период его жизни от 19 до 22 лет.

Врачебная помощь, к которой неустанно он обращался во все время своей продолжительной болезни, оказалась бессильной. Измучив его тело, тяжкая болезнь очистила дух, и дух его обратился к Богу, Который и указал ему путь для исцеления тела и еще большего просветления духа.

Путь этот был — отец Серафим Саровский.

Когда-то в детстве Мотовилова, Батюшка видел его ангела, с ним игравшего, теперь этот же ангел хранитель вел его вторично к Преподобному уже с тем, чтобы вручить его на всю жизнь руководительству божественного Старца.

Х

Вот как описывает Мотовилов первую свою сознательную встречу с преподобным Серафимом:

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и невероятных, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими я страдал неисцельно более трех лет.

1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжело больного, из сельца Бритвина нижегородского лукояновского имения моего к батюшке отцу Серафиму; 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8 на день Рождества Божией Матери удостоился я иметь две беседы первые с батюшкой отцом Серафимом, до обеда и после обеда в монастырской келье его, но исцеления еще не получил. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку близ его колодца и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находившемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда, возле большой и очень толстой сосны, и до сего времени (шестидесятые года истекшего столетия) на берегу речки Саровки существующей, на его сенокосной пажинке, меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня он сказал:

— Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Я подробно рассказал ему бедствия мои и что все три главных способа лечения испытал, а именно: аллопатией

лечился у знаменитых в Казани докторов — Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Феодоровича Фукса, по знанию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга; гидропатией на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии; взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его, пензенского доктора Питерсона, — но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и затем ни в чем уже не полагаю спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатию Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня.

И он сделал мне вопрос:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что она есть Приснодева?

Я отвечал:

— Верую!

— А веруешь ли, — продолжал он меня спрашивать, — что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие на людях, так и ныне также легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Я отвечал, что истинно всему этому всею душой моей и сердцем моим верую и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к нему.

— А если вы веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!

— Как здоров? — спросил я. — Когда люди мои и вы держите меня на руках?

— Нет, — сказал он мне, — вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы вконец!

И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне:

— Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле... вот так! Не робейте — вы совершенно здоровы теперь!

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

— Вот, видите ли, как вы хорошо теперь стоите?

Я отвечал:

— Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня!

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

— Ну вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой, Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места!

Взяв меня за руку одною рукою своею, а другою в плечи мои немного поталкивая, повел меня по траве и по неровной земле около большой сосны, говоря:

— Вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли!

Я отвечал:

— Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!

— Нет! — сказал он мне, отняв от меня руку свою. — Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же! — и стал толкать меня, чтобы я шел.

— Да этак я упаду и ушибусь! — сказал я.

— Нет! — противоречил он мне. — Не ушибетесь, а твердо пойдете...

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осевшую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал:

— Довольно уже! — и спросил: — Что теперь, удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно?.. Отъял Господь беззакония ваши, и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне?! Веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам; всем сердцем возлюбите Его и прилепитесь к Нему всею душою вашею и всегда крепко надейтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжело изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий!..

И, довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым.

Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом.

Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исая с 24 старцами иеромонахами саровски-

ми встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, через великого старца Серафима мне во дни их дарованную. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровью и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом и в одну из бесед¹ его в конце ноября 1831 года имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии наития Святого Духа Божия».

XI

Совершившееся чудо произвело на Мотовилова потрясающее впечатление и определило весь строй его дальнейшей деятельности на Божией ниве.

Неотразимо влек его к себе после того преподобный Серафим. Мотовилов не мог не видеть в нем проводника Божественной благодати такой духовной красоты и силы, что пред этим дивным обликом в просветленных его очах побледнели и как бы временно ступевались все обманчивые прелести мира, к которым он прежде с такою страстностью тянулся. Благодатные дары прозорливости, исцеления, могучая, беспредельная сила молитвы Преподобного, этого как бы ангела во плоти, так близки были духу исцеленного и благодарного Мотовилова, так влекли этот дух к христианскому совершенствованию, невозможному во всей полноте без разрыва с миром, что Мотовилов с этого времени привязался к своему благодатному врачу всем своим пылким сердцем и весь отдался его руководительству, наслаждаясь почти постоянно его бого-

¹ Беседа о цели жизни христианской, уже известная моим читателям.

мудрыми беседами. Едва ли не каждый месяц уезжал он из своих поместий в Саров к Серафиму и по две, по три недели проживал под крылом своего наставника и благодетеля, почасту и подолгу пользуясь его интимным с ним общением.

А мир между тем все-таки врывается в его душу, не только не устая в борьбе со стремлением его духа, но как будто все сильнее и яростнее нападая на него, увлекая его своими блестящими приманками, набрасывая на него свои соблазнительные сети.

Конечно, образ Языковой, олицетворенная первая любовь Мотовилова, восставал во главе всех остальных обольстительных призраков властных мирских воспоминаний, и, конечно, бедная, истерзанная душа в нем и только в нем искала всей полноты своего земного счастья.

«Ин суд Божий и ин суд человеческий!»

Эта тайная душевная борьба не могла утаиться от прозорливости Преподобного, и, когда она достигла уже степени великой сердечной муки, тщательно, впрочем, скрываемой от Батюшки — так, по крайней мере, казалось Мотовилкову, — батюшка Серафим вдруг неожиданно его спросил:

— Что же, ваше Боголюбие, вы все хотите о чем-то спросить меня, да будто и не смеете? Говорите просто со мной, убогим Серафимом, я все при помощи Божией готов ответить вам, что мне Господь открыть сообразовал!

«Я сказал, — так пишет в своих записках Мотовилов, — что я чрезвычайно люблю одну девицу дворянку, соседку мою по симбирским моим деревням, и хотел бы, чтобы он, батюшка Серафим, помолился о ней ко Господу, чтобы Господь Бог нарек мне ее в невесты.

— А разве она очень хороша собой — спросил он, — что вы ее так усердно и крепко любите, ваше Боголюбие?»

Я отвечал, что она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, Божественное, что просвечивается в лице ее. Вид ее меня поразила, еще когда она была в двенадцатилетнем возрасте, и с тех пор я всемерно полюбил ее.

— А почему же не красавица? — спросил меня отец Серафим.— По описанию вашему она должна быть таковою!

— Потому,— отвечал я,— что для полноты типичной красоты надо иметь большой рост, стройность корпуса, царственность взгляда и многое другое, чего она не имеет. Правда, в замену того, она имеет нечто столько затрагивающее душу человека, чего и многие красавицы в себе не имеют...

— Да что же это такое? — спросил Великий старец.

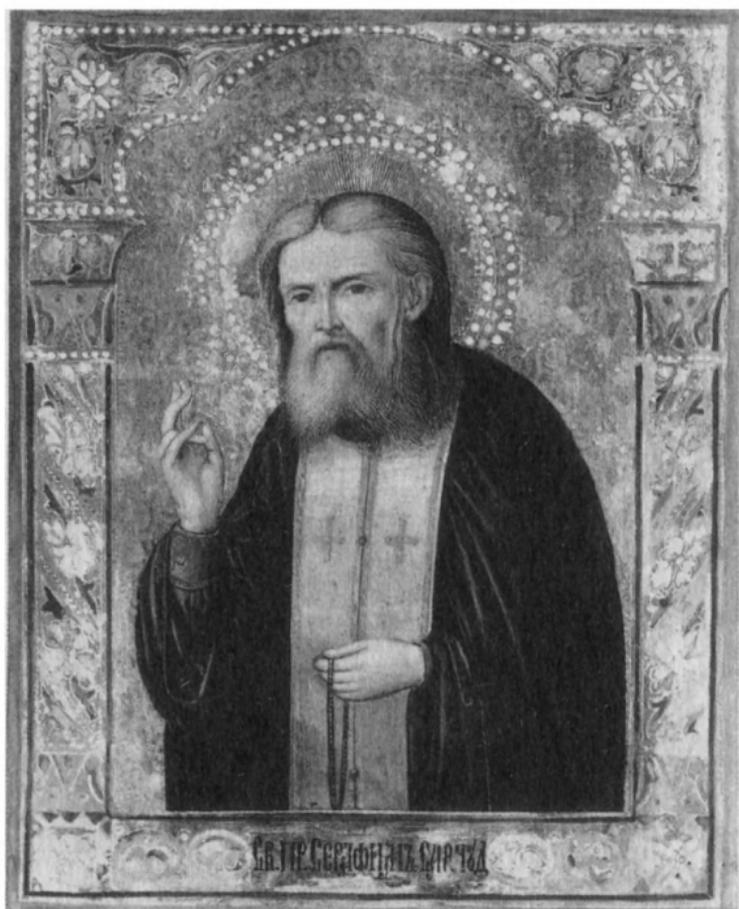
— А это,— отвечал я,— то, что она как монастырка воспитана.

— Как? — переспросил он.— Как монастырка? Я не вник хорошенько в ответ ваш!..

— А это вот что я разумею под этим,— сказал я ему,— отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил ее сиротой пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери, Екатерине Александровне, как в монастыре, всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны, и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монастырка. Вот это-то мне в ней более всего и в особенности нравится.

Батюшка отец Серафим продолжал меня спрашивать:

— Что же, ваше Боголюбие, разве монастырки лучше воспитаны, чем светские девушки?

*Преподобный Серафим Саровский чудотворец.
Икона. Нач. XX в.*

*Епископ Евгений (Болховитинов)
1767–23.II.1837*

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНІЯ
Департаментъ
Отдѣленіе 4
Столъ 1.

3-го Ноября 1854 года

№ 8726

Въ Мое почт. отдѣлѣ
Где Министерству Вас
длин.

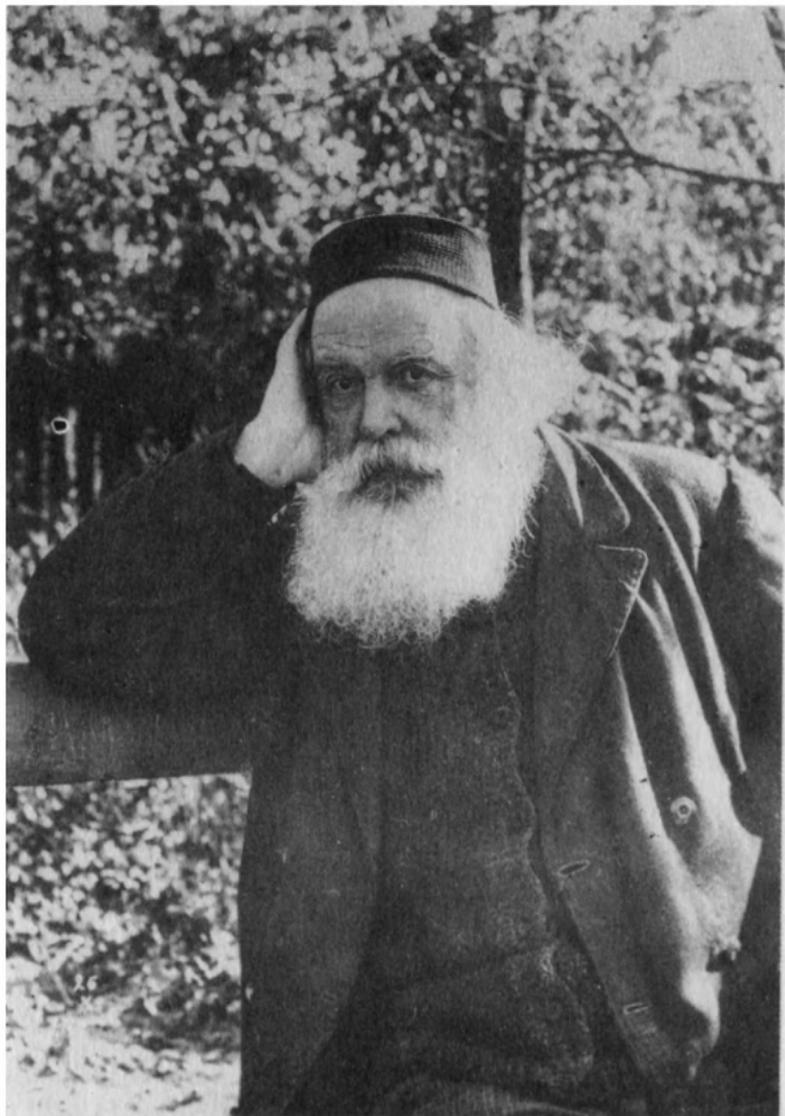
6

Вашъ Служб. Гражд. С. Ф.
Орловъ

с Императорскимъ Государемъ,
Графъ Александръ Суворовъ

Почетный Ассистентъ
Кабардинскаго Фроднаго Фами-
лицы, Митрофаній Софійскій
Астаховъ, въ Январѣ 1854
года, въ мѣсяцъ текущаго года,
русскимъ ямъ о дозволеніи
ему продать въ Петербур-
гахъ три мѣсца. Онъ
исключилъ въ прошеніи, что
отправившись похъ Мельса
городскихъ деревень своихъ,
по частнымъ надобно-
стямъ, на самое короткое
время въ Москву, по
столько необходимая
вспомогательствъ, встрѣ-
тилъ необходимость имъ
находиться въ Петербургѣ,
и что възвѣ въ Москвѣ
стѣ находившася
тамъ Ардатовскаго
увѣдомилъ Предводителю
Яваранова Достовѣрца

Отношение столоначальника Министерства народного просвещения А. Флорова гр. А. Ф. Орлову от 3 ноября 1854 г.

*Сергей Александрович Нилус
(28.VIII.1862–14.I.1929)*

*Монахиня Серафима (Булгакова)
1903–3.III.1991*

*Монахиня Серафима,
Булгакова*

О цѣли христіанской жизни.

Беседа Преп. Серафима Саровскаго съ Н. А. Мотовиловымъ.

(По записи послѣдняго краткой).

I.

Однажды, (это было въ Саровской пустыни вскорѣ послѣ исцѣленія моего въ началѣ зимы 1831 года) когда я стоялъ во время вечерни въ тепломъ соборѣ Живоноснаго Источника, на обыкновенномъ, какъ и всегда, мѣстѣ моемъ прямо противъ чудотворной иконы Божіей Матери, — подошла ко мнѣ одна изъ сестеръ мельничной общины Дивѣвской (о названіи и существованіи которой я не имѣлъ тогда еще никакого понятія) и сказала мнѣ: „Ты что ли хроменькій баринъ, котораго исцѣлилъ вотъ недавно нашъ батюшка о. Серафимъ?“ Я отвѣчалъ, что „это именно я и есть“ — „Ну такъ, сказала она, иди къ батюшкѣ, онъ велѣлъ позвать тебя къ себѣ, — онъ теперь въ келліи своей въ монастырѣ, и сказалъ, что будетъ ждать тебя“.

Люди хотя разъ, при жизни великаго старца Серафима, бывшіе въ Саровской пустыни и хотя слышавшіе о томъ, какъ Богомольные читатели его заслугъ передъ Богомъ радовались при малѣйшемъ внима-

Страница из книги Н. А. Мотовилова «О цели христіанской жизни», побывавшей в ГУЛАГе вместе с дивеевской монахиней Серафимой (Булгаковой)

*Могила Н. А. Мотовилова в Дивееве
возле Казанской церкви.*

*Старец Серафим на пути к ближней пустыньке.
Со старинной литографии*

*Николай Александрович Мотовилов
(3.V.1809–14.I.1879)*

Император Николай I
(26.VI.1796–18.II.1855)

*Император Александр II
(17.IV.1818–1.III.1881)*

*Император Николай II
(6.V.1868—17.VII.1918).*

*Святитель Тихон Задонский
(1724–3.VIII. 1783)*

*Архиепископ Воронежский и Задонский Антоний II
(1767–23.II. 1837)*

— Конечно, — отвечал я, — в большом страхе Божиим, с большею любовью к Богу и в большом благоговении, чем мы, мирские!

— А из чего вы это заключаете? — спросил он.

— Из слов Пахомия Великого, — отвечал я, — когда ему была открыта от Господа Бога судьба будущего монашества и братия спрашивала у него: «Что же, отче, Господь Бог открыть тебе изволил о нас? — Он отвечал: — О нас, отцы святые и братия, Господь сказал, что мы все монашеское исполняем так, как следует, и Он благословляет пути наши, но за нами имеющие жить монахи хуже нашего будут жить, ибо вполнину противу нас будут угождать Господу. — А далее, — спросили отцы, — что будет? О! — воскликнул Пахомий. — Что далее, то все хуже и хуже будет, так что последние монахи уже ничего нашего, монашеского, делать не будут, а будут жить, как нынешние мирские христиане живут! А мирские христиане как будут жить? — спросили отцы. — А мирские будут жить хуже скотов. Как же спасутся они?» — спросили старцы. И Пахомий отвечал им, что Господь сказать ему изволил: «Придут скорби на них, и обрящутся выше отец своих. — Почему же? — опять спросили старцы. Вот почему, — отвечал Пахомий. — В настоящее время по преизбыточествующей в нас благодати Божией и по усердию нашему к делу спасения между нами находятся многие Боговдохновенные, прозорливые рабы Божии. Если падет кто-нибудь из нас — брат или сестра, то как бы ни было тяжело его падение, никто из нас по преизобилующей в нас Божественной любви к ближнему не поленится и на четырехверстное путешествие и на все великие трудности пойти, чтобы воздвигнуть падшего или падшую. Нам, следовательно, и много

лучше, и много легче теперь, ибо брат от брата помогаем, удобь побеждает грех. А в те лютые и многобедственные времена монахи и монахини не только не станут помогать друг другу, но еще и сами друг друга станут повергать в гибель, и тогда придется всякому из любящих Бога спасти свою душу и пеѣдись о ней как пустынноику или пустынноице...» Так вот, Батюшка, почему и думаю я, что, как ни плоха теперь жизнь современного монашества, все же она подобна древней мирской христианской жизни. Поэтому-то девушка, воспитанная по-монастырски, по моему, лучше будет воспитанной по-мирски... Вот это воспитание я так люблю и уважаю в Языковой.

Великий старец глубоко внимательно слушал мой ответ и как бы в забытьи спросил меня:

— А много ли лет теперь вашей преднареченной от Бога невесте?

Я отвечал:

— Пяти или шести лет она осталась сиротой после отца, десять лет жила при матери, да с полгода или несколько более матушка ее скончалась... Думаю я, что ей теперь не более 16 или 17 лет!

— Что вы, батюшка, ваше Боголюбие! Нет, нет! Вашей, от Бога вам преднареченной невесте теперь восемь лет и несколько месяцев, этак три или четыре, а уж едва ли более пять месяцев, а ведь, по новому постановлению Синода, нельзя мужчине моложе 18 лет, а девушке 16 вступать в брак. Так не подождать ли вам вашей Богом преднареченной невесты этак 8 или 10 лет? А то как же вам теперь жениться на ней?! Никак нельзя — молода еще очень.

— Да помилуйте, батюшка отец Серафим! — сказал я. — Как же молода? Ведь и по новому закону мне на ней жениться можно!

— Да о ком вы говорите мне, убогому Серафиму? — спросил он меня.

— О Языковой, — отвечал я, — о Языковой, Екатерине Михайловне!

— А! — отозвался он. — О Языковой!.. Ну, я не о ней говорю вам, а я, убогий, о преднареченной вам от Бога невесте говорю теперь, и ей, уверяю вас по Бозе, ваше Боголюбие, более восьми лет с несколькими месяцами теперь никак не будет!»

Беседа эта была в октябре 1831 года. Велико было в то время разочарование и вместе горестное недоумение Мотовилова!

На этом, однако, знаменательная для жизни Николая Александровича беседа не кончилась. С особенной резкостью и ясностью должен был быть обозначен поворотный пункт, изменивший в корень и твердо определивший направление его главной деятельности в будущем. Эта деятельность была охарактеризована Мотовиловым в том названии, которым он любил себя именовать и в записках своих, и в своей речи: «служба Божией Матери и Серафимов».

XII

«Помолчав немного, батюшка продолжал¹:

— Ведь иное, ваше Боголюбие, просить Господа Бога, чтоб Он преднарек кому невесту, как вот вы, например, просите теперь, чтобы я, убогий, упросил Господа, чтоб он вам преднарек в невесты Языкову, — а иное, когда Господь уже Сам кому какую невесту преднареши соблагоизволил, как вот, например, для вашего Боголюбия. Невесте вашей теперь не более восьми лет и трех-

¹ Продолжение рукописи Мотовилова.

четыре или пяти месяцев. Уж это, поверьте, в точности верно, и сам я, убогий Серафим, вам в том свидетельствовать готов. А о судьбах Божиих и непостижимой неведомости их я, убогий, вот что сказать вам имею: известны вам из Библии Товит и сын его Товия?.. Вот сын Товита и молится бывало, чтобы Господу ему такую-то именно невесту дал. А Сарра, дочь Рагуила, сродница Товиина, в то же время бывало также молится Господу Богу, чтоб Он ей такого-то жениха дал. А ангелы-то Господни обоих их молитвы святые и возносят к Престолу Вседержителя Бога... Вот Господь, видевши, что обои они одного и того же просят у Него, и решил по Своей благодати соединить их обоих узами брака святого. А ведь между ними было несколько сот верст, и они друг друга не знали. Но совет Божий столь тверд был о соединении их, что Господь даже бесу попустил быть около Сарры, который убивал всякого другого жениха, кроме Товии, который дерзнул бы прикоснуться к ней. Хотя она и за седмерых женихов была выдаваема, но все семь поражены были смертию, ибо не им она была уготована от Господа Бога. Когда же Провидению Божьему благоугодно было соединить Товию и Сарру, то Товии Господь послал в спутники архангела Рафаила, и он на пути к селению Рагуилову в реке Тигре поймал рыбу и велел Товию изъять из нее желчь для прогнания, как потом оказалось, духа злобы от Сарры. Так вот, ваше Боголюбие, каковы-то судьбы Божии! Кто бы мог подумать, чтобы разделенные таким дальним расстоянием Товия и Сарра вступили между собою в брак! Но невозможное от человек возможно у Бога!..

Тут батюшка отец Серафим приостановился и как бы задумался, и, вдруг свернув речь на другое, внезапно спросил:

— А что, ваше Боголюбие, вы сделали с девушкой вашего дворового человека, что у вас жила?

ХІІІ

Я так и обмер, испугавшись и прозорливости старца, и вместе того, что как бы он не стал бранить меня за мой грех... Но старец, не дожидаясь моего ответа, стал продолжать:

— Святая Церковь Господня в правилах своих соборных так узаконяет, что, если кто поемлет свободную девушку и живет с нею, тот обязан жениться на ней после, и это долг требует того. Ежели девица не пожелает того, то устроить ее жизнь настолько безбедно, чтоб она уже потом по одной тяготе бедности не могла впасть в новые грехи и всегда благодарила бы Господа.

После этих слов мне стало легче на душе.

— Я так и сделал! — сказал я батюшке отцу Серафиму.

— Ну, — отвечал он, — и вельми хорошо, что так вы сделали, и да благословит вас Господь Бог!.. А были ли у вас от нее дети?

Я отвечал:

— Были: сын и дочь!

— Живы ли они?

— Нет!

— Ну, — сказал он, — когда нет, то да упокоит их Господь Бог во Царствии Своем. А когда бы живы были, то надлежало бы вам воспитать их в страхе Божиим, ибо, ваше Боголюбие, не надобно презирать и незаконнорожденных детей — они не виноваты в своем появлении на свет. Да и родителей их лучше не осуждать, ибо неосуждение есть половина спасения... Был, например, случай

в Греции: вельможа царский, ехавший через реку, увидел девушку, моющую платье. Пленившись ее красотой и узнав, что она дочь вдовицы, пребыл с нею. После этого девица эта увидела сон, будто звезда пресветлая скатилась ей в утробу. Некий великий и Боговдохновенный старец, к коему она и мать его обратились, возвещая бывшее, объяснил им, что родится некто великий от этой дочери. И родился батюшка угодник Божий Феодор Сицеот, хранить которого к нему приставил Господь, кроме ангела хранителя, еще и великомученика Георгия Победоносца... Слава Богу! Вельми хорошо сделали вы, что наградили ту девицу и отдали ее замуж... Но, ваше Боголюбие, жизнь велика и в жизни многое случается. Бывают и такие случаи, что вы ли, или другой какой мужчина хоть и не имеете не только никакого близкого дела с девицей, но даже и мало знакомы с нею, а девицу ту станут поносить за вас ли, или за кого другого, и станут говорить: ближняя-де она его и он-де живет с нею, то хоть и есть пословица, крайне впрочем неуютная Богу, что был-де молодцу — не укор, и хоть мужчин и не укоряют много за это, но девице, даже и сохранившей целомудрие, потеря честного имени и доброй славы — хуже смерти. Молю и прошу, ваше Боголюбие, не презрите словес и не забудьте убогой просьбы моей...

Тут Батюшка поклонился мне до лица земли и вставши продолжал:

— Если когда-нибудь где-нибудь девицу станут поносить за вас, что-де она ближняя и искренняя мотовиловская, а про вас будут говорить, что вы живете с ней, то хоть бы вы и вовсе не касались ее, прошу и умоляю вас — уважьте просьбу убогого Серафима — освятите ее себе!

— Как, Батюшка, освятить?

— Не об освящении говорю я: как чистая дева она свята и без того. Освятите ее себе в подружие, то есть поимите ее себе в жены, просто сказать — женитесь на ней!

И Батюшка снова, во второй раз, преклонился предомною до лица земли. Я тоже припал к его ногам и когда встал, то сказал ему:

— Да что это вы, Батюшка? О ком вы говорите? Ведь я уже сказал вам, что та девушка, которая жила у меня, уже пристроена, а новых, поверьте, с тех пор как я задумал жениться на Языковой, а тем более как стал бывать у вас, у меня уже нет ни одной.

— Эх, ваше Боголюбие, какие вы!.. Не о теперешнем времени я вам говорю, а о грядущем. Ведь я вам сказал, что жизнь велика, и в жизни многое случается. Так вот как с вами впереди случится, что вас станут укорять за какую-нибудь девушку, а ее поносить за вас, то вот тогда-то не забудьте просьбы и мольбы убогого Серафима — женитесь на девушке этой!

И Батюшка в третий раз поклонился мне, грешному, до лица земли, а я опять упал ему в ноги.

Вставши и прямо глядя мне в глаза, отец Серафим стал зорко в меня всматриваться и, как бы заглянув мне в самую душу, спросил:

— Ну что же, батюшка, исполните вы просьбу убогого Серафима?

И я сказал:

— Если Бог удостоит исполнить, то постараюсь сделать, как вы желаете!

— Ну, — сказал отец Серафим, — благодарю вас! Не забудьте же эту девушку!.. А она, скажу вам я,

убогий Серафим, она, как ангел Божий и по душе, и по плоти...

Потом, помолчав некоторое время и всматриваясь в меня пронизательно и как бы насквозь пронизывая меня своим взором, он добавил:

— Но, может быть, вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание?.. Она — простая крестьянка!.. Но не смущайтесь сим, ваше Боголюбие: она и по праотцу нашему Адаму, и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра!

Тут Батюшка стал говорить о том, как нам жить с будущей моей женой, и беседу свою завершил повторением просьбы своей, умоляя не забывать ни просьбы своей, ни беседы, а затем отпустил с миром, ничего уже не говоря о Языковой».

XIV

Когда создавался Серафимо-Дивеевский женский монастырь, он был маленькой, еще не признанной ни светскими, ни духовными властями общинкой, составленной из нескольких Бога ради живущих черничек, преимущественно крестьянского звания. Великого духа были эти первоначальницы будущей женской лавры, и великий подвиг веры и нищеты приняли они тогда на себя, эти чистые души. Участие преподобного Серафима в деле устройства и руководства этой беспримерной в русских летописях женской обители достаточно известно всякому интересовавшемуся житием этого всея России Чудотворца.

Одними из первых начальниц Дивеева были две сестры — Прасковья и Мария Семеновны Милюковы, девушки крестьянского звания. С ними жила их родная

племянница, дочь их брата Ивана, Елена, девочка лет шести.

За два года с небольшим — месяца так за три или за четыре перед исцелением Мотовилова — преподобный Серафим неожиданно велел двум сестрам Милюковым и другим бывшим с ними у него дивеевским монахиням привести к нему маленькую Елену.

«Помню, — рассказывала мне сама Елена Ивановна Мотовилова (она и была той маленькой девочкой Еленой), — привели меня к Батюшке в его пустыньку, что стояла в Саровском лесу. Я еще тогда совсем маленькая была и только начинала учиться грамоте. Батюшка взял меня на руки, поставил меня на стол в своей келье да и говорит тетке моей и другим с ней пришедшим сестрам:

— Кланяйтесь ей — по времени великая госпожа ваша будет!..

Они мне и поклонились, такая была вера в Батюшкины слова. Тут он дал мне шесть азбучек.

— На тебе эти азбучки, — сказал он, — по времени они тебе пригодятся!

Были у меня в то время брат да сестра — стало быть, всего было нас трое. Для кого же, думали мы тогда, еще-то три? А вышла замуж за своего Мотовилова, и было у меня ровно шесть человек детей, которых всех по этим азбучкам-то и выучила».

Припомним беседы преподобного Серафима с Мотовиловым о предначерченной ему от Бога невесте. Беседа эта была в октябре месяце 1831 года. Елена Ивановна родилась 17 мая 1823 года.

«Предначерченной вам от Бога невесте теперь восемь лет и несколько месяцев, этак три или четыре, а уж едва ли более пять месяцев», — говорил тогда Батюшка.

Это ли не чудо прозорливости? И как такой благодатный дар должен был действовать на восприимчивую душу Николая Александровича!..

В указанное время Мотовилов не имел еще никакого понятия ни о Дивееве, ни о той роли, которую с течением времени он должен был играть в судьбах этого последнего на земле жребия Царицы Небесной.

Восьмилетняя в то время девочка, Елена Милюкова, еще того менее могла подозревать, что когда-нибудь выйдет замуж, да еще за богатого дворянина, который в будущем не постоит ни перед чем, чтобы исполнить завет своего Батюшки, и в мирском облике станет тем служкой Божией Матери и Серафимовым, каким он стал по дивному смотрению Божиему впоследствии.

Воспитываемая в то время в зарождающейся монастырской общине двумя тетками, отдавшими себя всецело на служение Богу и Пречистой, она готовилась на всю жизнь остаться в монастыре. Могла ли думать она, как монастырка воспитанная, «быть великой госпожой» для воспитавшего ее Дивеева?!.. Разве только в смысле духовном...

XV

Как уже говорили мы, возможно частые свидания с Божественным старцем стали для Мотовилова настоящей потребностью духа. И старец, проникнув в глубь его душевную и видя способность его пламенного сердца загореться неугасимым огнем великой любви к Богу, все ближе, все теснее принимал его в свое общение. Горячий патриот, воспитанный в духе православия, проникнутый беззаветной верностью престолу и Родине на истовых началах русской государственности, Мотовилов не мог

не скорбеть и не ужасаться того, с какой головокружительной быстротой и силой стали врываться в устои русской жизни и главным образом в руководящее ею сословие разрушительные принципы французской революции.

Декабрьские дни, обесславившие русское дворянство, терзали его сердце верного дворянина, готового живот свой положить за своего царя, за помазанника Божия. Грозный призрак масонства, которому Мотовилов приписывал тайное руководящее значение во всех наступивших в Европе и России смутах, стоял перед его умственным взором с пламенеющим мечом отмщения за грехи вольнодумного общества, за главный его грех отступления от правой веры в Бога. Верное сердце трепетало за будущность родины.

Старец разделял его опасения и, одаренный великим даром изумительного прозрения, указывал ему те пути скорби, которые угрожают России, если она не покается в грехе надвигающегося отступления от православия. События грядущего раскрывались Старцем Мотовилову с ясностью панорамы, развертывающейся перед глазами изумленного сотаинника Серафима.

События Севастопольской войны, времена эмансипации, скорби Православной Церкви, даже время открытия своих мощей, которое наступит в царствование императора Николая, «в душе христианина», по выражению Преподобного, все это море пророческого прозрения в даль еще зарождающихся времен и событий захватывало дух и вело Мотовилова к предначеченной ему цели служения Богу на том поприще, которое должно было быть ему указанным преподобным Серафимом. Проявления силы и благодати Божественного Промысла, действовавшего на глазах Мотовилова в преподобном с таким явным и несо-

крушимым могуществом, постепенно создавали в Мотовилове стойкость и пламенность веры такой, которой не могли противостоять уже никакие сопротивные силы.

Для Николая Александровича наступило время исполнения третьего его сна, признанного преподобным Серафимом за сон пророческий. Назревало время борьбы за православие, за Дивеево, дом Пресвятой Богородицы, за заветы батюшки отца Серафима. Наступало время страстного обличения, время подвига, тяжких испытаний, великих откровений, разрыва с победоносным миром и нестерпимой тяготы заушений, оплеваний — всей той муки сердечной, крест которой твердой и бесшестипетной рукой был донесен Мотовиловым до своего праведного конца.

XVI

Разрушилось последнее звено, связывавшее Мотовилова с прежней его жизнью. Свойственная всякому человеку на первых ступенях веры немощь коснулась и Мотовилова. Так была сильна его любовь к Языковой, что вопреки предсказанию Преподобного, он решился сделать предложение и получил отказ. Это было в мае 1832 года. Языкову уже просвятили за известного поэта Хомякова.

Наказание Божие не замедлило постигнуть за неверие: Мотовилов тяжело заболел — у него отнялись ноги.

В таком положении его привезли 3 сентября 1832 года в Саров. Об этом он пишет так:

«Когда в мае месяце 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услышал я об открытии в Воронеже святых мо-

щей святителя Митрофана и о святости жизни тамошнего епископа Воронежского Антония, почему и пожелал я ехать туда и пожить, по совету родных. Ближе на 200 верст было бы ехать через Пензу из симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж. Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделал я, приехав 3 сентября 1832 года в Саров. Когда же меня принесли к нему, то он отечески принял во мне участие и, несколько побеседовав со мною, сказал:

— Помолимся Господу, чтоб Он возвестил нам: мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж.

И когда на другой день я опять был принесен к нему, то он сказал мне:

— Не по Бозе сказал я, убогий Серафим, вашему Боголюбию, чтобы мне исцелить вас: Господь исцелит вас у мощей святителя Митрофана. Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь, в сию ночь явившись мне, убогому, в 17 или 18 раз изволили открыть мне всю жизнь вашу от рождения и до успения. И если бы Сам Господь не вложил персты мои в раны Свои гвоздильные и в Пречистое ребро Свое, копьем пронзенное, я бы не поверил, что могут быть на земле такие жизни. И вся эта жизнь ваша будет исполнена таких причуд и странностей оттого, что у вас светское так тесно соединено с духовным и духовное со светским, что отделить их нельзя.

— Батюшка! — спросил его Мотовилов. — Что значат слова ваши «до успения»? Или я скоро умру?

— Нет, ваше Боголюбие, не скоро вы умрете — вам еще надо быть пособником мне во исполнение всесвятой воли Божией. Успение — значит, тихая христианская

кончина, которой вас Господь удостоит по истечении дней вашей земной жизни.

— Что же, Батюшка, какая же будет моя земная жизнь? — спросил Преподобного Мотовилова.

— Этого мне, убогому, не велено открывать вашему Боголюбию. Господь сказать изволил: «Рабам моим даю все здесь на земле востерпеть, а в жизнь будущего века перевожу их совершенно очищенными от всякия скверны плоти и духа, и хотя ангел смерти и допускается до разрешения союзов тела их и души, но страдание смерти не прикаснется их душам. Они умирают точно как засыпают. Но ты ему не открывай всех обстоятельств его жизни, а только то, что дозволю, ибо если он узнает все и Я буду наказывать за грехи его, то он тогда может Мне сказать: «Господи, за что же Ты меня наказываешь, когда устами раба Твоего, Серафима, Сам же предрек мне, что так и так согрешу». А когда вздумаю Я награждать за правду его, им сделанную, то разве враг диавол не будет иметь права, дерзнувши, так сказать: «Где это правда Твоя, Господи, что Ты награждаешь его за ту правду, которую через Серафима Ты же ему Сам возвестил, что он ее непременно совершит, а ведь он верит Серафиму, как Самому Тебе, Господу Богу». Вот почему я, убогий, открываю вам только то, что уже сказал вам... Так-то, ваше Боголюбие: укоряеми — благословляйте, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою!.. Претерпевший до конца — той спасется. Грядите с миром в Воронеж — там и исцелитесь!»

Вот тут-то после последней своей беседы с Мотовиловым Преподобный и заповедал ему служение Божией Матери в лице Дивеевской обители. Он призвал двух сестер Мельничной общины Евдокию Ефремовну Ала-

масовскую, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831 года (впоследствии — монахиню Евпраксию) и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впоследствии третьей начальницей, чтоб они могли засвидетельствовать слова его.

Вложив в руки Мотовилова правые руки сестер и придерживая их своими руками, отец Серафим заповедал, чтоб они не только сами после его смерти обо всем подробно рассказали Николаю Александровичу, что, и где, и как Божия Матерь заводила через него, но чтобы все сестры ничего от него не скрывали, потому что Божией Матери угодно, дабы Николай Александрович был назначен питателем обители. Затем Преподобный подтвердил, чтобы по воле Царицы Небесной Николай Александрович все знал об обители так же подробно, как известно ему самому. Обратясь же к Мотовилу, батюшка приказал ему, чтоб он был в свое время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовал, что даже все строение, найденное после смерти Старца, выстроено им самим по назначению и указанию Царицы Небесной.

— И камешка одного я, убогий Серафим, самопривольно у них не поставил! — сказал Батюшка, оканчивая свою речь.

«И давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, — пишет Мотовилов, — Батюшка отпустил меня с миром в Воронеж, куда я и прибыл в 19 день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября и на праздник Покрова Божией Матери получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

XVII

Это было последнее свидание с Преподобным. Воля Божия была объявлена, и с этого момента прежний Мотовилов умер для жизни колебаний и сомнений. Родился «непоколебимый в вере служка Божией Матери и Серафимов».

Но высокое это и чрезвычайное звание, не доступное для простого смертного, не могло быть дано человеку без особых испытаний. Обилие чудес и знамений, свидетелем которых был Мотовилов, общение с великим светочем православия, общение, близкое по существу к сотаинничеству, вся та глубина великой тайны спасения, заключенная в благодати Божией, которая ему была открыта Преподобным, величие, наконец, возложенной на него преподобным Серафимом миссии — все это не могло не вызвать и величайших искушений со стороны исконного врага человеческого рода.

Дни Серафимовы близились к закату. Завет, данный Преподобным Мотовилову, уже указывал на то, что и счет этим дням был известен великому Старцу, и Старец, зная угрозы будущего, нависшие над головой своего служки, отправляя его в Воронеж, как бы передал его с рук на руки другому великому воину Христовой рати. Этот воин был еще при жизни прославленный святостью жизни и чудесами архиепископ Воронежский и Задонский Антоний (Смирницкий).

В лице Антония Мотовилов нашел себе другого благодатного покровителя и заступника против той сатанинской силы, которая втайне уже против него ополчилась, чтобы помешать ему исполнить ту великую задачу попечения о Дивееве, которую возложил на него преподобный Серафим.

Божиим произволением Николай Александрович был задержан после своего исцеления. В покоях архиепископа, принявшего в нем сердечное участие и полюбившего его, он занялся собиранием материалов для составления жития и описания чудес святителя Митрофана. Из одной атмосферы истинной святости Господь перенес его в другую, исполненную благоухания Святого Духа Божиего.

Святитель Антоний ожидает исполнения времени, назначенного Богом, чтобы светом святости своей дополнить славу Воронежского края, уже сияющую в лице двух великих угодников Божиих, святителей Тихона и Митрофана.

К концу декабря 1832 года сердце Мотовилова, до того времени спокойное, стало тревожно. Святитель Антоний заметил это и спросил его, что с ним.

— Хочу ехать к батюшке Серафиму! — ответил Мотовилов. — Боюсь не застать его в живых, если промедлю.

Оставалось всего несколько дней до кончины Преподобного.

Духом своим проникая в бесплодность поездки, зная, что Мотовилов уже не застанет батюшки Серафима в живых, и опасаясь потрясения еще не вполне его окрепшего организма, Святитель удержал его у себя до времени.

Утром 2 января 1833 года, в день праведной кончины Преподобного, в ранний час, Мотовилов не вышел, а вбежал к Антонию в его внутренние покои. Святитель не дал ему слова выговорить и встретил его такими словами:

— Сегодня ночью около двух часов я видел старца, похожего на Вассиана¹. Старец этот пришел ко мне в ве-

¹ Известный иеросхимонах Киево-Печерской лавры, у которого был император Александр I.

ликой славе, но лицо его было скорбно, и слезы текли по его ланитам.

— О чем ты, великий старец, так горько плачешь?
— спросил я его. — В такой ты славе — тебе бы только радоваться, а ты плачешь!

— Не о себе плачу я — душа моя наслаждается радостью невыразимою, но есть у тебя здесь одна помещица, ее-то я оставил сегодня, и о ней-то так скорбит и плачет душа моя!

— Владыко! Вы мне не говорите, вы жалеете меня: не Вассиан к вам являлся сегодня ночью — это Серафим был у вас! Это он, это душа его являлась к вам сегодня: помещица — это душа моя грешная, — о ней плачет мой Батюшка, отходя ко Господу. Скажите, владыко, умер Серафим?

— Да, — отвечал Святитель. — Батюшка Серафим сегодня ночью умер. Его уже теперь не застанете!

— Ах, владыко, владыко! зачем же вы меня удерживали, когда я так хотел туда ехать?..

— Вы бы его все равно не застали в живых: в три дня не доедешь от Воронежа до Сарова. Смиритесь — Богу так угодно!

— Владыко! Я сейчас еду.

— Ну, поезжайте с Господом.

В тот же день высокопреосвященный соборне отслужил по почившем панихиду, а 4 января Мотовилов выехал из Воронежа и 11 прибыл в Саровскую пустынь через два дня после погребения отца Серафима.

XVIII

Велика была скорбь Мотовилова, когда по приезде в Саров он увидел только свеженасыпанную могилу,

скрывшую от него навеки того, кого он на земле больше всего любил, с тех пор как убедился, что не для него расточаются светом утехи радости и земной славы.

Неутешная его скорбь тронула суровых монахов саровских и «в большое утешение великой скорби моей, — пишет Мотовилов, — что я не удостоился поспеть к погребению отца Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиною последних лет его жизни, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место в день его кончины, также образом Божией Матери Жизнодательницы, небольшим на кипарисе, тем самым, которым его благословила родительница его при дозволении навсегда остаться в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку — Алфавит духовный, с недостающими с начала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, маленький кипарисный крест, вырезанный его руками и обложенный серебром того старинного серебряного рубля, который дала ему его матушка, отпуская его в Киев на богомолье, и который был на нем».

Мотовилов тогда же купил дальнюю пустыньку отца Серафима и вместе с ближней, уступленной Саровым Дивееву, перевез ее к сиротам Батюшки.

Это были первые шаги Николая Александровича на пути пожизненного послушания, наложенного на него Старцем. При его посредстве большая часть святыни, оставшейся после Преподобного, была передана в собственность неутешных дивеевских сестер.

Но с этих первых шагов его на поприще служения Дивееву начались на него и нападения вражьи. Сила этих

нападений была так велика, что, не имея мы свидетельства об искушениях такого рода в житиях святых угодников, казалось, трудно было бы поверить, что такая сила предоставлена Богом врагу нашего спасения.

Создавался последний на земле оплот веры, последний Дом Богородицы, до которого в последние времена не посмеет коснуться рука антихриста. Как же было не восстать врагу нашего спасения?

И с какой яростью произошло это восстание!

XIX

Составитель летописи Серафимо-Дивеевского женского монастыря, вдохновенный отец архимандрит Серафим (Чичагов) вскользь коснулся этого страшного момента жизни Мотовилова. Он пишет так:

«Николай Александрович Мотовилов, человек горячего и искреннего сердца, был в то время холост, и дабы действительно послужить памяти отца Серафима и исполнить его заповедь относительно Дивеева, решил сам поехать на родину великого старца в Курск собрать сведения о детстве и юношестве его, а также посетить Киево-Фроловский монастырь и расспросить о монашествовавшей в нем Агафии Семеновне Мельгуновой, основательнице Казанско-Дивеевской общинки... Мотовилов все добытые сведения о родителях отца Серафима в городе Курске и о самом великом старце передал по возвращении из путешествия Ивану Тихонову¹, который и пользовался этим при издании сказаний о подвигах отца Серафима.

Зато эта поездка, — пишет отец Чичагов, — имела весьма дурные последствия для самого Николая Алек-

¹ Послушник саровский. Интересующиеся могут иметь о нем подробные сведения в летописи Серафимо-Дивеевского монастыря.

сандровича: он беспричинно заболел сильным нервным и душевным расстройством. Так как лекарственные средства не помогали ему, то Николай Александрович поехал опять в Воронеж к архиепископу Антонию, который признал, что болезнь произошла по попусшению Божию от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению великого угодника Божия, отца Серафима. В продолжение нескольких месяцев он излечился совершенно, будучи часто причащаем Христовых Таин святителем Воронежским Антонием».

В действительности же это вражье нападение было несравненно страшнее и длительнее. Я опишу его с рукописи Мотовилова, у меня хранящейся и найденной среди такого хлама старых хозяйственных счетов, что можно было ее легко не заметить, как вероятно, и не заметил ее отец архимандрит.

Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом коснулся разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явлений этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001 ночи и 1001 дня с бесами, и силой своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности.

Пылкий Мотовилов так вдохновился повестью Старца, что от души воскликнул:

— Батюшка! Как бы я хотел побороться с бесами!..

Батюшка Серафим испуганно перебил его:

— Что вы, что вы, ваше Боголюбие! Вы не знаете, что говорите. Знали бы вы, что малейший из них своим

когтем может перевернуть всю землю, так не вызывались бы на борьбу с ними!

— А разве, Батюшка, у бесов есть когти?

— Эх, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, и чему только вас в университете учат?! Не знаете, что у бесов когтей нет. Изображают их с копытами, когтями, рогами, хвостами, потому что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из ангелов света, какими они были до отпадения, соделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием, а подобие нужно — вот их и изображают черными и безобразными. Но будучи сотворены с силой и свойствами ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного необоримым могуществом, что, как и сказал я вам, малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятого Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за Божественные заслуги Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения вражи!

Жутко стало тогда Мотовилу. Тогда под защитой Преподобного он мог не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленно дерзкий вызов по попушению Божию не остался без последствий: он был принят.

Вот о чем плакала душа Преподобного, когда явилась в час своего разлучения с телом великому архиепископу.

XX

По кончине преподобного Серафима Мотовилов вскоре уехал в Воронеж просить благословения высоко-

преосвященного Антония на поездку в Курск, чтобы собрать сведения о родителях своего благодетеля и о жизни его в Курске и тем положить основание трудам своим по составлению его жития. Одновременно с этим трудом он по поручению владыки должен был заняться составлением службы и акафиста святителю Митрофану.

Решивши посвятить себя делу служения Божией Матери и преподобному Серафиму, Мотовилов не мог скинуть со своей души тяготения к светской жизни и семейным радостям: он помнил предсказание отца Серафима о предназначенной ему невесте и об ее красоте и, не зная ее, ожидал ее. Но не разрывая с миром и все-таки идя по пути духовного совершенствования, он не мог обойтись без духовного руководителя.

Серафима заменил Антоний. Не изменив своей вере в своего Батюшку, он отдался руководительству другого святого подвижника.

На поездку Мотовилова в Курск высокопреосвященный не сразу согласился и долго отговаривал его ехать, просил повременить и заняться лучше разбором рукописных и иных сведений о житии и чудесах святителя Митрофана, нужных для составления службы ему. Владыка прозревал страшную беду, грозящую Мотовилову во время этой поездки, и хотел отдалить ее от Николая Александровича. Но пылкий и скорый на решения служака Серафимов и слышать не хотел об отсрочке своей поездки и медлил только, ожидая, что владыка смирится и отпустит, видя его нетерпение.

Пришел, видно, час воли Божией, и владыка наконец благословил поездку в Курск нетерпеливого Николая Александровича, но благословил как-то нехотя, с тугой сердечной.

Немного удалось собрать Мотовилкову сведений в Курске. Близкие родные, помнившие детство и юность Преподобного, кто перемер, кто отозвался забвением. Даже дом, в котором родился и воспитывался Преподобный, был разрушен, и на месте его выросли новые постройки. Нашелся один старик, сверстник Батюшки, который и дал ему сведения, вошедшие теперь во все издания жития Преподобного. Поездка в Курск и пребывание в нем было вполне благополучное. Гроза ждала на обратном пути в Воронеж.

На одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилкову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одинокой свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одной из первых ему попала записка об исцелении бесноватой девицы из дворян Еропкиной у раки святителя Митрофана Воронежского.

«Я задумался, — пишет Мотовилов, — как это может случиться, что православная христианка, приобщающаяся Пречистых и Животворящих Таин Господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время как тридцать с лишним лет. И подумал я: вздор! этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения» — и в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада, вползающего в него облака, оно вошло в него все, несмотря на все его

нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамени, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж к Антонию. Рукопись его дает такое описание мук:

«Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в привидении три геенские муки: первая — огня несветимого и неугасимого ничем более, как лишь одной благодатию Духа Святого. Продолжались эти муки в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по 16 или 17 раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видимо для всех. Престали эти муки лишь после исповеди и причащения Святых Таин Господних, молитвами архиепископа Антония, и заказанными им по всем 47 церквам воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего боярина раба Божия Николая ектениями.

Вторая мука в течение двух суток — тартара лютого геенского, так что и огонь не только не жег, но и согреть меня не мог. По желанию его высокопреосвященства я с полчаса держал руку над свечою, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе и к тому описанию рукою моею и на ней свечною сажей мою руку приложил. Но обе эти муки причащением давали хоть мне возможность пить и есть, и спать немного мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука геенская, хотя на полсуток еще уменьшилась, ибо продолжалась только полутора суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание от неопишемого и непостижимого. Как я жив остался от нее!

Исчезла она тоже от исповеди и причащения Святых Таин Господних. В этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была червь неусыпного геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и высокопреосвященнейшего Антония, не был виден, но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего, потому что не только я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне во всем, и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность, и, выползаючи через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо недаром подалось мне это свыше от Господа видение, да и не возможет кто подумать, что я дерзаю всеу Имя Господне призывать. Нет! В день Страшного суда Господня Сам Он, Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние, во мне им совершенное».

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя, преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцеления по великой своей вере.

XXII

Адские в буквальном смысле этого слова муки Мотовилова, в облегчении которых принимал такое деятель-

ное участие святой муж архиепископ Антоний, приблизили его окончательно к высокопреосвященному. Антоний полюбил его истинно отеческой любовью.

Эта любовь, эта интимность общения, которыми дарили Мотовилова два великих светильника Русской Православной Церкви — Серафим и Антоний, из которых один уже стал молитвенно признаваемым преподобным; одно это служит неопровержимым доказательством, что в Мотовилове Россия утратила необыкновенного по духовной силе человека, не только не использовав этой силы, но в досталь при жизни его наглумившись над многострадальным ее обладателем. А силы эти были заключены в непоколебимой, пламенной вере чисто исповеднического характера и огненной любви к престолу и Родине.

Богатырский организм Мотовилова горел и на медленном огне сгорал от пожиравшего его пламени, зажженного сердцем, негодующим на видимое ему отступничество руководителей России от праведной веры отцов и от преданности престолу. Его не могло утешить пророчество, что «всему сему надлежит быть»; он грудью стоял против всего «сего», всем своим богатырским телом он лежал на пороге той открытой двери, через которую ломилась в Россию вся та вражья рать, которую несмысленные современники принимали за ангелов света, несших им будто бы великие идеи — свободы, равенства и братства, в действительности же — горе, смерть и разрушение.

Как было не признать тогда им, обольщенным вражьими видениями, в человеке, удостоенном величайших откровений, того «сумасшедшего», которым они его ославили.

Теперь Серафимова святость — ему защита. Но в то время ему суждено было испить чашу горечи до дна, и он

ее бестрепетно выпил, ни разу не поступившись ни верой своей, ни убеждениями.

Сердце обливается кровью, когда видишь в разрозненных бумагах его то там, то сям душу терзающие восклицания: «Христианин есмь! Слышите ли вы все?.. Аз христианин есмь!»...

Так восклицали только мученики первой зари христианства в ответ на победные и жестокие крики торжествующего язычества: «Christianos ad leonem!».

Велика же была эта мука человеческая, что бумаге одной поверялась в таких криках душевного терзания! Воздадут они за Мотовилова в страшный день судный!...

Близость к Антонию, общение с ним в духе, враждебно настроенный к исповеднику мир заставляли Мотовилова все свободное от хозяйственных забот и хлопот о быстро развивающемся Дивееве¹ время отдавать высокопреосвященному. Шестьсот верст от симбирского его имения Цыльны до Воронежа не были для него препятствием, да и вообще его душа не признавала никаких препятствий в исповедании своей любви и веры.

XXIII

Однажды в конце шестой недели Великого поста Мотовилов был в Сарове у игумена Нифонта. Приближалась ни ранняя, ни поздняя Пасха. На дворе стояло в разгаре весеннее распустье, но вода еще в реках и озерах не трогалась. Чего-то добившись для Дивеева от игумена (тогда Саров принимал еще материальное участие в его

¹ Значение Мотовилова для Дивеева достаточно выяснено в «Летописи». Приложенный к этой «Летописи» его портрет с надписью «Благодетель Дивеевского монастыря» с достаточной силой указывает, что завет отца Серафима был им исполнен до конца.

судьбах), Мотовилов на радостях с места собрался в Воронеж к Антонию встречать Пасху.

— Безумие! Куда едешь в такую непогоду? Ведь тебя зальет по дороге водой! — воскликнул ужаснувшийся игумен, добро расположенный к Николаю Александровичу.

— Меня Антоний будет ждать. А лошади-то у меня вы сами знаете какие¹, — объявил Мотовилов и тут же велел запрягать и уехал в Воронеж.

Мотовиловские кони не выдали, и в Великую субботу часам к двум или трем дня он уже был верстах в сорока или пятидесяти от Воронежа в селе Княж-Байгора. Для сокращения пути ему надо было переезжать ниже прудовой плотины. Вешняя вода уже ломала лед и напирала на плотину. Крестьяне отговаривали переезжать по этому месту, утверждая, что плотину сейчас спустят, и советовали ехать в объезд. Ехать в объезд — значило опоздать к заутрени...

— Чего раздумывать! С Богом, пошел под плотиной! — крикнул Мотовилов. — Да, пошел скорей!..

Кони рванулись и стрелой помчались к другому берегу.

Не успели сани долететь до половины опасного пути, как спустили воду, и вода отвесной стеной сажени в три вышиной налетела на Мотовилова и покрыла его, кучера и тройку, Мотовилов успел только крикнуть:

— Святитель Митрофан, спасай!

И больше уже ничего не помнил.

Очнулся он уже на другом берегу. Взмыленная тройка тяжело носила боками, с которых ручьем текла

¹ Мотовиловский конный завод был в свое время весьма известен в Симбирской губернии. Шестерик был им поднесен государю Николаю I в подарок, за что был отдарен чудным бриллиантовым перстнем из государева кабинета.

вода. Кучер весь мокрый стоял около саней и расталкивал потерявшего сознание барина. Сани были полны воды.

Опрокинули сани, отлили воду, обтерли чемодан и опять:

— Пошел скорее — к заутрени опоздаем!

Но к заутрени Мотовилов не опоздал. Обмерзлый и обледенелый, он входил в покои архиепископа как раз в тот момент, когда владыка уже шел в церковь.

Владыка его встретил словами:

— Святитель Митрофан мне возвестил чудесное спасение ваше и что вы прибудете к нашей заутрени. Переодевайтесь скорее и идем вместе воздать хвалу Господу Богу за избавление ваше от наглой смерти!

Чемодан с вещами Мотовилова оказался внутри сухим.

XXIV

Эта заутреня памятна осталась Мотовилову.

За литургией, которую служил архиепископ Антоний, он с умилением и ужасом видел его окруженным светом немерцающего сияния, и когда владыка выходил из алтаря благословлять народ и произносить молитву о Вышнем благословении насажденного Господнею Десницей Его винограда, видел из уст Антония исходящий пламень в виде огненного языка, устремляющегося на служащих и на молящихся и окутывающего каждого из них своим неизреченным светом. Но не все удостоивались прикосновения этого дивного пламени: некоторые, до которых пламень касался, светлели и начинали сиять тем же светом, что и владыка, других этот Божественный пламень обходил, и они чернели как уголь. В числе сослужащих был один протоиерей — его Мотовилов видел как бы всего опоясанным, как свивальниками, черными полосами. «Вид его, — пишет Мотовилов, — был как зебра,

и впоследствии вскоре этот протоиерей был изобличен в каких-то дурных деяниях и извергнут из сана».

«На небе был я или на земле в эту Божественную службу — того я не знаю — Бог знает», — вспоминает в великом восхищении Божий раб, Николай Александрович.

Во время богослужения архиепископ Антоний раза два проникновенно взглядывал на Мотовилова, и милостивый его взор точно вопрошал его: «Видишь ли ты явления Божественной благодати, подаваемые истинно верным?»

И взор Мотовилова отвечал: «Вижу, устрашаюсь и в велием благоговении безмерно радуюсь!»

Кто же мог верить в то время свидетельствам Мотовилова?! Надвигалось преддверие шестидесятых годов: дух материализма уже зрел в воздухе — для него подвижников не существовало, и Мотовилов для него был или лжец, или сумасшедший. Но лжеца все же надо было опровергать, а сумасшедшего стоило ли?

После этой службы на Светлое Христово Воскресение оба сотаинника — великий архиерей и мирянин Мотовилов — две ночи не спали, проведя их в духовной беседе о совершившемся и о других тайнах дивного о грешных людях Божественного смотрения.

Куда девались записки об этих полных благодати ночах, мне неизвестно. В ворохе бумаг, доставшихся мне для рассмотрения, я этих записок не нашел. А они должны были быть...

XXV

Настало наконец время исполнения пророчеств преподобного Серафима о сочетании браком Николая Александровича с предначерченной ему от Бога невестой.

В хлопотах о Дивеевском монастыре, часто его посещая, он в одну из своих поездок заболел и вынужден был около года пролежать в своем доме в сем Дивееве вблизи монастыря. За эту болезнь он узнал свою невесту. Это была, как уже мы выше говорили, племянница двух великих духом дивеевских монахинь Марии и Прасковьи Семеновых Милюковых, в то время семнадцатилетняя красавица Елена Ивановна. Она жила в монастыре, носила «черненькое», но обетов послушания и монашества не принимала.

Как произошло это сближение, мне неизвестно, да я и не допытывался узнавать, несмотря на то, что имел возможность в беседах с Еленой Ивановной расспросить ее об этом; любовь — цветок нежный, касаться его может только близкая и тоже нежная рука, тем более нежен засушенный цветок пережитой старой любви, как легко неосторожным движением осыпать его поблекшие лепестки!..

Но не трудно догадаться, на какой почве произошло это сближение: любовь к Серафиму, любовь к Дивееву — эти два чувства соединили в одну супружескую любовь сердца Николая Александровича и Елены Ивановны, и свадьба их состоялась в 1840 году при обстоятельствах, во всем согласных с предсказанием преподобного Серафима.

Желание Мотовилова исполнилось — Елена Ивановна была в полном смысле слова «как монастырка воспитана».

Эта свадьба еще более прикрепила Мотовилова к Дивееву: детство и вся родня Елены Ивановны остались в этом дивном приюте Царицы Небесной, и он стал еще милее, еще ближе сердцу Николая Александровича.

Но мир не простил ему этой свадьбы, как не прощал ему ничто в жизни: Николай Александрович с Дивеевом и нарождающейся семьей остался совершенно одинок на белом свете.

Так Серафим с отеческой любовью искоренял в нем все светское, жалостливо, но неуклонно ведя его к одному духовному.

А миру было над чем посудачить и было чем по поводу этой свадьбы оттолкнуть от себя Мотовилова. Зато в лице жены он нашел себе полноту радости жизни — это была ему «истинная и по праотцу Адаму, и по Господе Иисусе Христе сестра».

XXVI

После свадьбы молодые переселились в постоянное пребывание в Цыльну, симбирское имение Мотовилова.

Душевная болезнь, как теперь принято называть тяжкий недуг, которым страдал Николай Александрович, ни в чем не проявлялась, по крайней мере не проявлялась в той мучительной форме, которой он страдал в Воронеже. Только какая-то неотступная тоска грызла его по временам, всякий приступ которой облегчался Святыми Таинами и благочестивыми поездками в дальние и ближние монастыри в Киев, Воронеж, Задонск, Саров и Дивеев. Это были излюбленные места его усердных паломничеств. Но и другие святые места святой Руси привлекали его боголюбивую душу. Недаром преподобный Серафим его называл «ваше Боголюбие». Где только не перебивал за свою христианскую жизнь, кого только не перевидал этот горевший верой человек! Второй его благодетель, Антоний Воронежский, мирно почил о Господе. Но, сирота в миру, он не оставался сирым в мире

духовного совершенствования. В тесном общении он жил, можно сказать, со всеми истинными столпами православия того времени.

Не искал он их на высотах иерархии, но они сами как-то его находили, те безвестные миру труженики великого христианского духа, которые еще и доселе сияют, не всем только видимые, скромные насельники и насельницы православных русских монастырей.

В свободное от разъездов по делам Дивеева или по богомольям время Мотовилов отдавался воспоминаниям о Серафиме, и если в настоящее время могло быть так подробно и тщательно составлено житие Преподобного, то этим православие более всего обязано Николаю Александровичу. Служа Дивееву, он не уставал служить и Серафиму.

В таинственной глубине века между тем зарождались тяжелые для России события — приближалась Севастопольская война.

Мотовилов по-своему отнесся к народному бедствию: кто хотел и кто не хотел слушать, он всем говорил, что настало время покаяния, что «фиал гнева Господня» готов излиться на Россию за измену всем отечественным устоям и, главным образом, за измену православию. На него смотрели как на безумного и в глаза и за глаза высмеивали и как могли оскорбляли.

При первом выстреле, направленном на сева­стопольские бастионы с вражеских кораблей, он послал государю для отправки в Севастополь копию иконы Божией Матери Радости всех Радостей, перед которой всю жизнь молился и в молитвенном подвиге скончался преподобный Серафим, и в горьком предчувствии ждал гнева Божиего.

События доказали, что Мотовилов не ошибался.

В записках Мотовилова мне пришлось найти чрезвычайно интересный эпизод из эпохи Севастопольской обороны, оставшийся совершенно неизвестным. Дух времени пытался утаить его от служащего ему рабски мира.

Умер великий государь Николай Павлович.

Севастопольская война уже кончилась. Настали великие дни коронации императора Александра II. Мотовилов был в числе других дворян выбран в депутацию от нижегородского дворянства на коронационные дни в Москву. На одном из вечеров у князя Ивана Федоровича Звенигородского ему довелось встретиться с одним из героев Севастопольской обороны адмиралом Петром Ивановичем Кислинским. Мотовилов не преминул поинтересоваться, что случилось с посланной им покойному государю иконой и была ли она доставлена в Севастополь. Кислинский ему ответил:

— Икона Божией Матери была от государя прислана, но наш светлейший¹ на нее не обратил никакого внимания, и она долгое время хранилась в каком-то чулане, пока сам государь не запросил, куда она помещена. Тогда ее разыскали и поставили на Северную сторону, и только она, как вам известно, не была взята неприятелем. Да, чему вы удивляетесь? У нас еще и не такие дела дельвались... Как-то раз я был у светлейшего, и мы с ним засели играть в шахматы. Вдруг входит адъютант и докладывает, что явился гонец от архиепископа Херсонского Иннокентия и хочет видеть главнокомандующего. Не отрываясь от игры, светлейший сказал: «Спросите у него, что ему нужно?» — Гонец сказал, что ему нужно лично видеть вашу светлость! — Ну зовите!» Вошел гонец. «Что тебе нужно?» — спросил главнокомандующий. «Владыко

¹ Князь Меншиков.

прислал меня доложить вашей светлости, что он прибыл к Севастополю с чудотворной иконой Кашперовской Божией Матери и велел просить встретить ее как подобает у врат севастопольских. Владыко велел сказать: се Царица Небесная грядет спасти Севастополь. — Что, что? Как ты сказал? Повтори! — Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь! — А! Так передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную — мы и без Нее обойдемся!» Так закончил светлейший свой разговор с гонцом архиепископа.

А дальше вот что было: ответ этот был передан Иннокентию во всей тяжести его грубой и кощунственной формы. Тогда владыка решил: «Нас не принимают, так мы сами пойдем!» — и велел везти святую икону впереди себя на бастионы. Вдруг ему объявляют, что икона нейдет, что лошади стали. «Понесем тогда», — сказал владыка. Но икона не дала себя нести дальше Северной стороны. Ее нельзя было сдвинуть с места. Видя это чудо, отслужили Царице Небесной молебен на Северной стороне и владыка увез икону обратно.

Каково это было слышать пылкому сердцем Мотовилу!

XXVII

Пришли, наконец, и шестидесятые годы. Состоялось долгожданное православно верующей Россией торжество открытия святых мощей святителя Тихона Задонского.

В день открытия за литургией Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь ему не посылает того исцеления, которого по обещанию преподобного Серафима ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской он взглянул на горнее место

и увидел на нем святителя Тихона. Святитель благословил плачущего Мотовилова и стал невидим.

Мотовилов сразу почувствовал себя исцеленным.

Кто опишет радость исполнившейся веры?!

С этого момента Мотовилов уже не принадлежал себе, а отдал всего себя на служение Богу. Сменявшиеся на его глазах события внутренней русской жизни хоть и огорчали его, хоть все по-прежнему он ненавидел ото всей своей души возмущавший его дух времени, которого он никогда иначе не называл, как «духом антихриста, близ грядущего в мир», но миру уже он почти перестал досажать своими обличениями и пророчествами. Только один раз не вытерпело горячее мотовиловское сердце.

Справляли «лучшие люди» открытие новых тогда земских учреждений, конечно, справляли, как водится, пышным обедом. Мотовилов был на этом обеде. Слушал он, слушал витиеватые речи только что народившихся ораторов губернских парламентов да вдруг как вскочит с бокалом в руке:

— Высоко поднимаю я свой бокал за скорейшую гибель того учреждения, которого основание вы так торжественно празднуете. Не погибнет оно, так погубит оно Россию. Высоко поднимаю я бокал, чтобы мельче разбить его оземь, чтобы не мог никто сказать — я пил из мотовиловского бокала за гибель России!

Разбил бокал и ушел с праздничного обеда.

Так завершилась вся политическая карьера последнего из могокан старого дворянского русского духа.

XXVIII

Последние годы своей жизни Мотовилов окончательно предался странничеству.

По всему простору Руси великой видели его красную шубку. Так и звали его: «Барин в красной шубке». От Тихона к Митрофану, от Серафима к канавке Царицы Небесной в Дивеев, от Антония и Феодосия к Александру Невскому — по всем святым местам с жаждой, неутолимой жаждой святыни переходил и переезжал этот служка Божией Матери и Серафимов.

С годами то, что люди называли в нем странностями, увеличивалось все более и более. По Дивееву, который он любил до самозабвения, во всякую погоду — в мороз ли, в дождь, в солнцепек — всегда ходил он с непокрытой головой, считая священным долгом хоть раз в сутки обойти всю канавку Царицы Небесной. Когда случалась гололедица и ходить по довольно высокому валу этой канавки было невозможно, он становился на четвереньки и так на четвереньках и шел по этому святому для него месту, по которому, как говорил преподобный Серафим, прошли Стопочки Самой Царицы Небесной.

Одни над ним смеялись, и таких было много, чересчур даже много; ну а были и такие, которые умиленно плакали. Кто как понимал, конечно.

Христа ради юродивая, дивеевская блаженная, великая раба Божия Пелагея Ивановна Серебренникова его считала своим и звала его Николкой.

— Безумный ты, Николка! Такой же безумный, как и я! — говаривала ему Блаженная. И любила же она его!

В марте или в апреле 1878 года как-то утром Мотовилов рассказал Елене Ивановне свой сон:

— Видел я сегодня, матушка, во сне Царицу Небесную. Милостиво она так на меня взглянула, да и говорит мне: «Напиши-ка в Задонск к Зосиме, чтоб он выслал тебе точную копию Моей иконы, которая служит запре-

стольным там образом. Когда ты ее получишь, то я тебя поведу по таким святым местам, которых ты еще не видал, и покажу тебе таких святых угодников Божиих, о которых ты и не слыхивал». Вот, матушка, и думаю я написать наместнику и игумену Задонскому — пусть вышлет мне эту икону.

— Куда ж ты ее денешь? Ведь у нас вся образная увешана иконами! — отвечала ему Елена Ивановна.

— Куда-нибудь да денем!

Так и написал Зосиме. На это письмо Зосима, приятель Николая Александровича, отвечал так: «Знаю я, что у тебя места в образной уже нет. Образ большой и, прости, выслать тебе его не могу».

«Опечалился тут мой Мотовилов, — рассказывала мне Елена Ивановна. — Но не прошло и недели, опять письмо от Зосимы, просит прощения за отказ и пишет, что не успел он отправить письма своего с отказом, как в следующую же ночь увидал во сне Царицу Небесную, с угрозой ему выговаривающую, как он смел не исполнить мотовиловской просьбы. «Икона, — как пишет он, — тебе вышлетя, как только мы ее напишем». Получили мы икону эту в июле месяце. Место ей нашел-таки мой Мотовилов. Смотрю: начал он класть под икону эту деньги. Завернет в бумажку и положит. Так и день, и другой, и третий. Ну, думаю я, собирается, стало быть, к святым местам, денег набирает. Так прошло времени немало, а он все никуда не едет. Как-то раз вошла я в комнату, где висела эта икона, глядь — на полу валяются те деньги, что он столько времени собирал. Я и кричу ему:

— Николай Александрович, а Николай Александрович! Так будешь собирать деньги, ехать будет ко святым местам не на что!

Пришел он на мой зов, собрал деньги, пересчитал, как будто побледнел немного, не сказал ничего и спрятал деньги в стол. Прошло после этого немного времени, заболел мой Мотовилов, лег в постель и стал все хиреть и хиреть — доктора и болезни никакой определить не могли — а через девять дней и умер; не умер, а заснул тихо-тихо, как ребенок. В день кончины и Таин Святых причастился. Тут только поняла я, что это были за святые места и Божии угодники, которых обещала ему показать Царица Небесная.

За три дня до смерти застала я его утром такого веселого, такого радостного. «Видел я, — говорит, — наш двор полон — все мои святые благодетели у нас собрались. Вот радость-то!» А на третий день скончался. Похоронили мы его в Дивееве и, кажется мне, сколько собрал Мотовилов мой денег под образом, столько и стоили мне его похороны».

Такой рассказ я слышал от Елены Ивановны.

А вот что я слышал от келейницы покойной дивеевской игумении Марии, матери Елизаветы: «Николай Александрович, уезжая перед своей смертью в Симбирскую губернию в свое имение, был совершенно здоров. Прощаясь с нами, сказал: «Ну, прощайте, матери! Бог даст, хоть бочком да протащите меня к себе». Мы в этих словах усмотрели, что Николай Александрович говорит о жизни будущего века, про уготованные Богом Дивееву обители. А вышло, что он свою смерть предрекал. Привезли его хоронить к нам по его завещанию. Хотели внести в наш Рождественский храм, а гроб-то был большой и не мог войти в двери храма — они ведь у нас, знаете, узкие. И пришлось внести «бочком», так бочком и протащили».

Кончина Мотовилова случилась 14 января 1879 года. К этому времени в Дивееве ждали икону Нерукотворенного Спаса, которую должен был прислать с войны брат одной из дивеевских монахинь. Монахиня эта все бегала к блаженной Пелагее Ивановне узнавать, скоро ли привезут икону. О мотовиловской болезни в Дивееве не знали.

— Вот подожди: сперва Николку привезут, а там и икону, — отвечала Блаженная. Так и вышло. Тело Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и Серафима, привезли для погребения в Дивеев, а за ним привезли и икону.

Так окончилась многострадальная жизнь. Такова история Мотовилова.

Блаженный он был, блаженно и умер.

Кто посмеется над этой историей, а кто, может, и горько задумается.

О как бы я желал задуматься над этой историей моему читателю!

1903

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МУЖЕ НИКОЛАЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

— По выходе моем замуж за Николая Александровича, говорила Елена Ивановна, — несмотря на молодые лета, мне пришлось в очень скором времени взяться за управление хозяйством и имениями. Хотя Николай Александрович и сам не переставал заниматься всем этим, но, заметив мою способность к ведению дел имения, поспешил передать мне все эти заботы, чтобы самому более свободно заняться тем, к чему его влекло постоянно: Николай Александрович, будучи светским и семейным человеком, проводил духовную жизнь.

Долго я не понимала этого направления моего мужа, и на этой почве у нас случалось возникали недоразумения.

Николай Александрович, где бы ни был и чем бы ни занимался, имел мысль, «погруженную в Бога», он весь горел любовью к Богу, к Божией Матери и к святым угодникам Его.

Он часто уезжал по святым местам и имел большое знакомство с подвижниками того времени, которых было немало.

Случалось, что я сопутствовала ему в этих посещениях святых мест.

Мы бывали в Воронеже у архиепископа Антония (этого, по выражению преподобного Серафима, великого архиерея Божия); он имел великий дар прозорливости и большую духовную любовь к моему мужу. Однажды по приезде в Воронеж по некоторым причинам я решила отложить причащение Святых Таин тем более, что мы

должны были скоро уехать, но Николай Александрович просил меня идти с ним к преосвященному спросить его об этом. Не успели мы взойти к нему, как он, благословив нас, обращаясь ко мне, сказал на мою мысль: «Во время путешествия, матушка, никак и ни по каким причинам не оставляйте приступать к Святым Тайнам: я нахожу в случившемся с вами действие врага нашего спасения».

Часто мы бывали в Задонске, где архимандритом был духовный друг моего мужа отец Зосима. Первый раз увидела я его, по приезде в Задонск в церкви. Вижу, входит довольно молодой монах и кладет множество земных поклонов пред святыми иконами, и я подумала: «Вот какой еще молодой довольно, а уже какие имеет подвиги».

По окончании службы Николай Александрович пошел со мной на чай к отцу архимандриту, и я очень удивилась, узнав в нем монаха, которого я видела в церкви. За чаем, обращаясь ко мне, отец Зосима вдруг говорит: «Вот, матушка, иные думают, что я еще молод, да уж и большой подвижник, только это все неверно, и мне скоро пятьдесят лет».

Бывали мы у известного подвижника Парфения Киевского, знали Игнатия Брянчанинова, Феофана, епископа Тамбовского, впоследствии затворника Вышенского, и много-много кого знал и у кого бывал Николай Александрович.

Но большинство этих поездок Николай Александрович совершал один: хозяйство и семья задерживали меня дома. Случалось, что Николай Александрович задерживался очень долго, и я начинала беспокоиться его отсутствием. Раз, помню, я целый месяц не имела о нем известия из Воронежа. В великой печали поехала я в один монастырь, где была затворница именем Маргарита, чтобы

иметь от нее духовную поддержку и утешение. Вхожу к ней в келью и вдруг из-за перегородки, где она постоянно и пребывала, слышу она кричит мне: «Не скорби, не скорби! Сегодня муж твой дома будет». Действительно, вечером Николай Александрович возвратился домой.

Великие рабы Божии и великие архиереи были в то время!

В Симбирске был епископ Евгений, часто случались в городе пожары, и жители очень волновались, боясь большого пожара, так как постройки были деревянные. Епископ Евгений говорил: «Не беспокойтесь, большого пожара, пока я жив, не будет, а вот умру — великий будет пожар».

Когда он скончался, стали по обычаю ударять в колокол, а с другой стороны города начали бить в набат: произошел пожар, который опустошил сильно город.

Но вот где-где я ни была, а лучше Сарова не видала! Благословенный, богоспасаемый Саров! Подвижники его по величию своих подвигов уподобились древним отцам пустынным!

И Николай Александрович, куда бы ни ехал, где бы ни был, а все его постоянно влекло в Саров и в Дивеев.

Зимой без шапки бывая в Дивееве, он по заповеди отца Серафима ежедневно ходил вокруг канавки и громко пел: «О, Всепетая Мати!» По заповеди же отца Серафима он любил ставить множество свечей в храмах к святым иконам и не жалел на это никаких расходов.

В доме у нас часто служили всенощные, а Николай Александрович сам читал шестопсалмие, при этом из глаз его текли потоки слез, и весь он умом был «горе».

Случилось однажды зятю нашему князю N быть при этом, и по окончании службы он стал высказывать свое

удивление по поводу этого. На другой день он с Николаем Александровичем поехал осматривать имение. Николай Александрович ехал с кучером в одном экипаже, запряженном тройкой, а зять наш поехал в другом и ехал сзади. Дорога шла высоким берегом около реки. Вдруг лошади Николая Александровича чего-то испугались, бросились и прямо с обрыва с экипажем полетели в воду; в одну минуту Николай Александрович сбросил шляпу и, обращая взор свой к небу, громко начал 90 псалом «Живый в помощи Вышняго».

Долетев с обрыва до края реки, лошади погрузились в воду и, как будто удержанные какой силой, остановились и остались в стоячем положении, и ни Николай Александрович, ни кучер не получили никаких повреждений.

По возвращении зять наш говорил, что «действительно велика сила молитвы у Николая Александровича и что произошло явное чудо, так как спасения не могло быть по причине крутизны берега».

Да, Николай Александрович в вере был тверд и крепок как камень; его можно назвать исповедником веры.

Вращаясь всегда в высших духовных и светских кругах, Николай Александрович часто обличал начавшееся уже тогда настроение в желании различных реформ в нашей православной Церкви.

В этих случаях и письменно, и устно он защищал целостность, святость и ненарушимость этих правил. Однажды в многолюдном собрании был разговор по этому поводу, и Николай Александрович высказывал резкую правду; я незаметно стала дергать его, желая остановить излишнюю горячность его речи. «Что ты меня дергаешь, — воскликнул он, — я им правду говорю, притом не от себя, я не

могу молчать, ибо слышу голос, говорящий мне: «Ты, немой, что молчишь? Ты познал глаголы живота Моего вечного, и ими может спастись ближний твой, в заблуждении находящийся». Так что боюсь обличающего меня, сказавшего: «Рабе лукавый и ленивый! Почто не вдох серебра Моего делателем?» Так что, матушка, где Дух Божий посетит человека, там и говори».

К Божией Матери Николай Александрович имел особенную любовь, часто прочитывал параклисы ей, повторяя их многократно.

Один раз кто-то за одним большим обедом, зная это, позволил себе что-то сказать о Богоматери.

Тогда не стесняясь присутствовавшими на обеде, Николай Александрович начал буквально громить шутника, высказывая ему такую правду, что все бывшие на обеде встали на сторону Николая Александровича, и шутнику осталось покинуть с бесчестьем собрание.

Любовь Николая Александровича к ближнему была велика, он желал, чтобы все спаслись; часто приходили к нему по делу наши крестьяне, и, оставляя в стороне дело, он старался им растолковать предметы духовные, и, правда, наши крестьяне отличались редкой религиозностью.

Николай Александрович говорил мне, что отец Серафим сказал ему, «что все то, что носит название «декабристов», «реформаторов» и, словом, принадлежит к «бытоулучшительной партии», есть истинное антихристианство, которое, развиваясь, приведет к разрушению христианства на земле, и отчасти православия, и закончится воцарением антихриста над всеми странами мира, кроме России, которая сольется в одно целое с прочими землями славянскими и составит громадный народный океан, пред которым будут в страхе прочие племена зем-

ные. И это, говорил он, так верно, как дважды два — четыре.

— Итак, — говорила Елена Ивановна, — повторяю, по незнанию я говорила Николаю Александровичу, что ему следовало бы, если он хочет вести такой образ жизни, идти в монастырь, а не быть семейным человеком. На это он отвечал мне следующее: «Отец Серафим мне сказал, что монастыри есть место для высшего духовного совершенствования, то есть для тех людей, которые желают исполнять заповедь: «Если хочешь быть совершенным, оставь все и следуй за Мной». Но исполнение всех остальных, сказанных Господом заповедей, есть, однако, обязанность для всех христиан, так что, другими словами, прохождение духовной жизни обязательно и для монаха, и для простого семейного христианина. Разница в степени совершенствования, которое может быть и большим, может быть и малым.

И мы можем, — прибавлял отец Серафим, — проходить духовную жизнь, да сами не хотим! Духовная же жизнь есть приобретение христианином Святаго Духа Божияго, и она начинается только с того времени, когда Господь Бог Дух Святой, хотя в мале и кратко, начинает посещать человека. До этого времени христианин (будь то монах, будь мирской человек) проводит жизнь общехристианскую, но не духовную; проводящих же духовную жизнь людей мало.

Хотя в Евангелии сказано, — говорит отец Серафим, — «что нельзя Богу работать и мамоне» и «трудно имеющему богатство войти в Царство Небесное», но Господь открыл мне, что чрез грехопадение Адама человек помрачился всецело и сделался односторонним в духовном рассуждении, ибо в Евангелии также сказано:

«Что то, что невозможно для человека, возможно для Бога»; поэтому силен Бог, вразумит человека, как без погибели душевной, находясь в условиях светской жизни, может человек служить духом Богу. «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть», а его часто заграждают такими тягостями (из излишней боязни служения мамоне), что, взявши ключи духовного разума, выходит и сами не входят, и другим входить препятствуют. Итак, по своем падении от крайнего греховного ослепления человек сделался односторонним».

Многие святые, говорил отец Серафим, оставили нам свои писания, и в них все говорят об одном и том же: о приобретении Святаго Духа Божияго «через различные подвиги, чрез делание различных добродетелей, но главным образом чрез непрестанную молитву. И воистину, нет ничего на свете драгоценнее Его. Чтение же их писаний служит для познания того, чего именно достигать следует. Вот часто Господь оставляет без исполнения прошения наши и даже лиц, именуемых духовными, а все оттого, что по плоти живут, а не по Духу: «Живущие же по плоти Богу угодить не могут,— говорит святой апостол.— Водимые же Духом суть сыны Божии!» Сим последним не может отказать Господь в их прошениях.

Правда,— говорила Елена Ивановна,— Николай Александрович всегда имел молитву, возносимую к Богу в уме и сердце своем, и очень часто при этом приступал к причащению Святых Таин Божиих. Кроме того, отец Серафим ему и показал и растолковал, что такое есть присутствие Святаго Духа Божияго и как понимать Его проявления.

Достигнув старости, Николай Александрович по предсказанию отца Серафима безболезненно и чрезвычайно тихо отошел ко Господу.

Через некоторое время по его кончине я получила письма от игумена Зосимы из Задонска и от монахини Евфросинии из Киева, которые одновременно извещали меня, что в день кончины своей Николай Александрович явился им и просил их не оставлять духовною поддержкою меня, его жену.

По желанию Николая Александровича тело его было отправлено из симбирского имения для погребения в Дивееве. Предполагая, что тело Николая Александровича повезут довольно тихо, я распорядилась отправить его тремя часами ранее нашего отъезда. И удивительное дело! Когда мы поехали вслед за ним, то до самого Дивеева не могли догнать его. Приедем на станцию, говорят, что только что уехали, начинаем погонять лошадей, но догнать не можем. Так Николай Александрович и мертвый спешил в Дивеев, как при жизни своей был там всегда и постоянно.

На могиле Николая Александровича положена была большая плита; неизвестно как сквозь нее проросли в нескольких местах высокие березки. Это — свечи небесные, которые он при жизни ставил Богу.

**Н. А. МОТОВИЛОВ
ГЛАЗАМИ ЧИНОВНИКОВ**

**Генерал-адъютант гр. В. Ф. Адлерберг
Его Сиятельству гр. А. Ф. Орлову.**

Милостивый Государь
Граф Алексей Феодорович.

Симбирский помещик, титулярный советник Николай Александрович Мотовилов, явился ко мне, просил меня передать Государю Императору препровожаемую сию записку. По всеподданнейшему докладу моему оной Его Величество Высочайше повелеть мне соизволил послать как записку эту, так самого г-а Мотовилова к Вашему Сиятельству с тем, чтобы вы, Милостивый Государь, выслушав предварительно подателя записки, спросили его не согласится ли он передать Вам изустно то, что желал высказать государю Императору. О том, что из одного разговора, Его Величество будет ожидать Вашего донесения.

Пользуюсь сим случаем для возобновления Вашему Сиятельству уверений в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Адлерберг
24 января 1854

**Отношение
столоначальника Министерства народного просвеще-
ния А. Флорова гр. А. Ф. Орлову**

3 ноября 54

№ 8726

Секретно

Милостивый Государь, Граф Алексей Федорович.

Почетный смотритель Корсунского уездного училища, титулярный советник Мотовилов в феврале месяце текущаго года просил меня о дозволении ему пробыть в С.-Петербурге три месяца. Он изъяснил в прошении, что, отправившись из нижегородских деревень своих по частным надобностям на самое короткое время в Москву, по стечению неожиданных обстоятельств встретил необходимость быть немедленно в С.-Петербурге и что, взяв в Москве от находившегося там Ардатовскаго уезднаго предводителя дворянства удостоверение о личности своей, прибыл с сим видом в С.-Петербург, но здешняя полиция нашла такой вид его для проживания в столице неудовлетворительным.

Вслед затем Второй департамент С.-Петербургской управы благочиния препроводил в Департамент народного просвещения свидетельство, выданное ардатовским уездным предводителем дворянства князем Волконским помещику того уезда Мотовилову для проезда в С.-Петербург и обратно. Свидетельство это никем не удостоверено и написано не на гербовой бумаге, а потому полиция встретила сомнение в действительности оного.

С своей стороны Мотовилов представил данное ему от живущих в С.-Петербурге действительных статских советников камергера Быкова и Никифорова удостоверение в том, что он им лично известен и что он есть дейст-

вительно симбирский помещик и почетный смотритель Корсунскаго уездного училища.

Вследствие сего, разрешив по необходимости 28-дневный отпуск Мотовилону и по вторичной просьбе его отсрочив этот отпуск еще на 28 дней, я поручал департаменту сообщить подробности дела г. попечителю Казанскаго учебнаго округа с тем, чтобы он обратил особенное внимание на отлучку Мотовилова от должности своей в столицу без испрошения надлежащаго отпуска и свидетельства и поставил бы это на вид местному директору училищ.

Ныне г. попечитель донес о полученном от Мотовилова объяснении по сему предмету, что причиною отлучки его в С.-Петербург без законнаго вида и даже без ведома директора училищ слишком экстренная надобность, относящаяся к государственной тайне, которую он по долгу совести и присяги обязан был не письменно, а изустно передать чрез Ваше Сиятельство Его Императорскому Величеству, и что во время пребывания в столице он удостоился двух высочайших благоволений, изъявленных ему письменно чрез г. министра императорскаго двора.

Для удостоверения в справедливости показаний Мотовилова считаю долгом сообщить о сем Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением: действительно ли поездка Мотовилова в С.-Петербург сопряжена была с такою экстренною важностию, которая не допускала ни малейшаго замедления и может служить к извинению его в том, что он не испросил предварительно установленным порядком отпуска для сей поездки.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашаго Сиятельства благопокорнейшій слуга.

[По исполнению А. Ф. Орловым данного указания Адлербергом сделана запись:] 15 марта 1854 г. Конфиденциально. Граф ему объяснил, то есть Мотовилову, что Государь не склонен читать его записи.

Записка гр. А. Ф. Орлову.

Благодарю за обязательное доставление, дело* о Мотовилове при сем имею честь Вашему Превосходительству возвратить.

Душевнопреданный слуга

20 ноября 1854 года

А. Флоров.

Предписание жандармскому полковнику Горскому

18 декабря 1861 г.

№ 2119

Прошу доставить мне подробные сведения о качествах симбирского совестного судьи надворного советника Николая Мотовилова, сообщив вместе с тем, что вообще известно Вам об этом чиновнике.

Начальник штаба корпуса жандармов
генерал-майор Потапов**.

* «Дело Его Императорского Величества Собственной Канцелярии Отделения III (экспедиции), № 93. По всеподданнейшей просьбе титулярного советника Николая Александровича Мотовилова. Начало 15 марта 1854 года». 18 октября 1905 г. для представления ее Величеству Государыне Императрице сняты копии со страниц этого «Дела» (2—14, 24, 25).

** Александр Львович Потапов (1818—1886) — с 1874 по 1876 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

Рапорт
Исправляющему должность начальника
штаба корпуса жандармов генерал-майору
и кавалеру Потапову

15 января 1862 г.

№ 209

Секретно

Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 18 декабря за № 2119 имею честь довести до сведения, что я нахожусь в крайнем затруднении дать верный и положительный отчет о качествах и о самой личности г. Мотовилова¹ по многосторонним и загадочным его странностям как в домашней, так равно и в общественной его жизни. Жизнь его весьма трудно уяснить. Назвать его прямо юродивым Христа ради — нельзя, ибо во многих случаях в нем часто проявляются и себялюбие, и сильное честолюбие — одним словом, он, по-видимому, себе на уме; назвать его — опять смотря на частые разъезды его по монастырям и святым местам и на значительные вклады, жертвуемые им в пользу их, — назвать его вполне святошею также нельзя, потому что в нем, видимо, преобладают и лицемерие и лукавство, но что всего ближе, подходящее к настоящему положению его, как я понимаю, принимая во внимание сочетания некоторых его заблуждений по предметам чисто духовно-религиозным, что он действительно находится в тихом помешательстве. Но за всем тем, можно положительно сказать в пользу г. Мотовилова, если даже допустить, что вся видимая жизнь его есть одна только мистифика-

¹ Симбирский совестный судья, которого Ваше Сиятельство изволило видеть в Москве.

ция, то и в таком случае, он все-таки человек безвредный, с добрым направлением сердца, тихого и кроткого характера и предан престолу и Отечеству.

Полковник Горский

8 января 1862 г.

г. Симбирск

**Отношение
министра императорского двора
гр. Адлерберга**

[неразб.] июля 1866 г.

№ 3753 *

Господину главному начальнику
III Отделения Собственной Его
Императорского Величества Канцелярии

Симбирский совестный судья Мотовилов, представив при письме на мое имя стихотворение свое по случаю события 4 апреля, просил об исходатайствовании ему разрешения лично принести Его Величеству верноподданные свои чувства и затем при новом секретном письме доставил ко мне особую записку.

По высочайшему повелению имею честь стихотворение и записку г. Мотовилова препроводить к Вашему Сиятельству.

Министр императорского двора: гр. Адлерберг.

* На документе резолюция: «Рассмотреть приложения, но собрать сведения о Мотовилове от подполковника фон Брадке. 2 авг.»

Н. П.

БОГОСЛОВСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ «БЕСЕДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ»

Предлагаемая вниманию благочестивого читателя «Беседа преподобного Серафима о цели христианской жизни» есть не собственноручное писание великого Старца, а запись, сделанная по памяти единственным слушателем этой беседы, симбирским помещиком и советным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым.

...Глубокий почитатель преподобного Серафима, Николай Александрович всегда пользовался особенною любовью его, называя себя «служкой Серафимовым». Необычным доверием и любовью с своей стороны платил ему и Преподобный, отечески неусыпно руководя его духовною жизнью и по мере возрастания и преуспевания его в ней все больше и больше вводя его как своего наперсника и друга в тайны своего духовного делания не для его личного только пользования, а и для того, чтобы чрез него и для других стать в ряду отцов и учителей Церкви в собственном смысле.

Такое именно назначение и значение имела и имеет несомненно и предлагаемая «Беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни», происходившая в конце ноября 1831 года в лесу, возле ближней пустыньки, в версте от Саровской обители.

В 1909 году М. А. Новоселов называет «Беседу» эту «цельм событием, огромным по своему религиозному смыслу»... «Простота и вместе мудрость слов, — пишет он, — здесь чередуются в ней с «явлениями Духа и силы.

Дух захватывает, когда, внимая сердцем таинственной беседе великого раба Божия, мысленно представляешь эту чудную и чудесную картину сошествия Святого Духа на «убогого» Серафима и воистину треблаженного друга его на тихоснежной поляне уединенного Сарова. Как просто и вместе как необычайно; как естественно и вместе как чудесно! Рушится грань не только между мыслимым и являемым, но и между духом и плотью, ибо последняя, озаряемая и пронизываемая Духом Божиим, как бы возводится в первоначальную светлость и красоту, в достойное жилище осияваемых благодатью душ».

От того дня и навеки немеркнущая небесная слава преподобного Серафима, явленная и являемая нам Господом в нетлении святых мощей Преподобного и неисчерпаемом море чудес его, — залог и непререкаемое ручательство истинности этих свидетельств о таком духовном значении этой беседы Преподобного, как «слова святоотеческого».

Так для истинно и искренно верующих чад православной Церкви. К сожалению, не так для тех, которые хотят и любят быть не чадами православной Церкви, а судьями ее и самозванными учителями. Между таковыми нашлись даже такие, которые увидели в «Беседе преподобного Серафима» не истинное, согласное с учением Слова Божия и святых отцов Церкви учение — понимание сущности христианской жизни как жизни *духовной* — в Духе Святом, благодатною силою Его проходимой, а искажение этого учения в сектантском духе и направлении, в смысле мистицизма, или западных квиетистов, или наших мистиков старого и нового времени — Лабзина, ионнитов и др. В оправдание своего суесловия эти клеветники ссылаются на то, что «Беседа преподобного Сера-

фима о цели христианской жизни» есть не собственно-ручное писание Преподобного, а запись по памяти, сделанная светским человеком.

Горько и больно, конечно, для истинно и искренно верующих чад православной Церкви, отраду и утешение, ободрение и поучение, а то и полное духовное возрождение обретающих в этом духоносном слове преподобного Серафима, такое гнусное обвинение, исполненное самой невежественной лжи и злого лукавства, но оно, как крестный путь Господа, неизбежно для праведника в настоящем мире лжи и лукавства. В этом мире почти всегда так бывает, что, чем праведнее жизнь, тем больше страданий, чем выше и чище истина, тем яростнее нападение на нее и наглее клевета. О Самом Спасителе нашем Господе Иисусе Христе еще во дни Его земной жизни, когда одни говорили, что Он благ, *инии же глаголаху: ни, но льстит народы* (Ин. 7, 12). И это вполне понятно и естественно: *душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется* (I Кор. 2, 14).

Неразумие же этих душевных людей — их крайнее духовное невежество и отсюда неспособность понимать — видеть в истинном свете «Беседу преподобного Серафима», говорящую о стяжании Святого Духа как цели христианской жизни, сказывается во всем и, обличая лживость их речей, только еще ярче выставляет православную истинность этой «Беседы».

Они укоряют «Беседу» за то, что она записана светским человеком, забывая, что сами-то они, будучи в большинстве светскими по своему внешнему положению, берутся все-таки судить о духовных предметах. Но различие между светским и духовным человеком опреде-

ляется не внешним положением их, не одеянием и вообще не одною внешнею жизнью, а внутреннею, и ею больше, чем внешнею. По учению св. апостола Павла, духовный человек есть тот, кто живет не по плоти, а по духу. *Сущии бо по плоти плотская мудрствуют, а иже по Духу, духовная. Мудрование бо плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир; зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покарятся, ниже бо может. Сущии же во плоти Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в душе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще же кто Духа Христова не имать сей, несть Его* (Рим. 8, 5—9). Вот истинные различия между духовными и светскими людьми, и с этой точки зрения иные духовные по своему внешнему положению и одеянию могут быть названы душевными, плотскими по своей жизни, мирскими, а мирские по одеянию и внешнему положению — духовными по своей духовной жизни. А такой именно, в собственном смысле духовный, и был Николай Александрович Мотовилов, имевший постоянное общение с людьми духовными по своей жизни — подвижниками и сам любивший посещать святые обители, Божии храмы, соблюдавший церковные уставы и часто приступавший к святым таинствам Церкви, особенно к святому причащению, как наставлял его во всем этом и преподобный Серафим и как читаем мы и об этом в записанной Н. А. Мотовиловым «Беседе» его.

Нет сомнения, что и сектанты мистического направления, и старого и нового времени, и западные и наши русские постоянно говорят о Святом Духе, об общении с Ним как сущности и конечной цели христианской жизни, как говорит об этом в своей «Беседе» и преподобный

Серафим; но это общение не только не имеет ничего общего с тем стяжанием Святого Духа, о котором проповедует преподобный Серафим, а есть совершенно противоположное ему явление, как противоположны между собою ложь и истина, подлинная монета и фальшивая, или подделка ее.

Знаток святоотеческих творений и толкователь посланий святого апостола Павла, глубокий богослов и вместе великий подвижник, епископ Феофан Тамбовский в своих «Письмах о духовной жизни», написанных по поводу писем (о духовной же жизни) Сперанского, в разъяснение разнообразных путей этой жизни в ее истинно апостольском и святоотеческом понимании так между прочим говорит об общении с Богом как сущности христианской жизни, как оно понимается и достигается в православной Церкви в отличие от так называемого мистического сектанства, в котором обвиняли Сперанского: «Наглядное оправдание его (Сперанского) от нареканий в квиетизме и мистицизме представляют его молитвенное обращение к Божией Матери, к ангелу хранителю, его говение, исповедь и причащение, чтение слова Божия и простое его понимание, а тем паче чтение житий святых. Все это такие занятия и действия, на которые ни за что не согласится самый плохой мистик и квиетист... Его (Сперанского) собственный язык, конечно, был язык православный, церковный, язык святых отцов и «Добротолюбия». Они (мистики-сектанты) искали живого общения с Богом, но не тем путем искали, а главное, надеялись своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, что надлежало ожидать от милости Божией и что надлежало принять как дар этой милости. В напряжениях этой самонадеянной самодеятельности разгоралось вооб-

ражение и порождало мечтательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро показались и сочтены исполненными и цель трудов достигнутою. Все это раскрывалось самыми привлекательными красками и представлялось в образах прелестных, в мечтательных, заоблачных созерцаниях. Писания их завлекают, ибо говорят о дорогих сердцу предметах, но они только манят, но ничего не дают. Это отличительная черта всех их. И истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная (мистическая). Апостол Павел называет ее *животом, сокровенным со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Но в явлении своем она очень проста. Неведомо, как приходит Дух и возбуждает к покаянию. Совершив потом этот внутренний переворот, Он потом вооружает верующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководит в ней и помогает. Эта борьба есть у всякого, более или менее долгая и болезненная; она приводит к чистоте сердечной, ради которой верующий труженик удостоивается и яснейшего постижения истин Божиих, и сладчайшего ощущения того и другого в таких чертах, какие определены в Евангелии и писаниях апостольских. Это последнее является уже в конце долгих трудов и многих испытаний как венец наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства прямо и преимущественно и хватаются и ее-то и живописуют, как она рисуется в мечтах их воображения, всегда в ложных красках».

Эту не короткую выписку о сущности и характере духовной жизни как общения с Богом, как она понимается православной Церковью и сектантами, мы нарочито сделали из такого авторитетного духовного писателя-богослова, каков есть епископ Феофан, для того, чтобы для читателей «Беседы» преподобного Серафима яснее

и несомненное стала не только невежественная ложь не разумеющих истинного христианства клеветников Преподобного, а и подлинно православная, святоотеческая истинность учения его о стяжании Святого Духа как цели христианской жизни. Знающие житие Преподобного, его «жестокое жительство» в пустыньке и многотрудные подвиги поста, покаяния и непрестанной молитвы не нуждаются, конечно, ни в каком разъяснении, как и насколько в этом житии сказалось истинно православное учение о сущности христианской жизни в его отличии от сектантского и ложно-мистического, а нуждающиеся в таком разъяснении найдут его в прекрасной книге Лодыженского «Свет незримый», где «сладостнейшие ощущения» Богообщения Преподобного как «венец наградный» раскрыты в их подлинном свете и в полной противоположности тому, что известно о мечтательных переживаниях, например, Франциска Ассизского, так восхваляемого Джеймсом в его «Многообразии религиозного опыта». А чтобы видеть, что это же именно истинное православное святоотеческое учение о сущности христианской жизни как стяжании Святого Духа Божьего, а не сектантское какое мудрование излагается и в «Беседе», выпишем из нее хотя самое существенное для обличения сказанных обвинителей.

Правда, преподобный Серафим говорит здесь, «что молитва, бдения, пост и всякие добрые дела, сколько сами по себе ни хороши, однако не в делании их заключается цель христианской жизни; они служат лишь средствами, способами, чрез которые приобретается эта конечная цель, и цель эта есть приобретение человеком Святого Духа Божия». Показав на деле Н. А. Мотовилову, что такое есть присутствие Духа Святого, и показав это

в наибольшей для естества человеческого мере, преподобный Серафим, однако, сказал, что «он, Мотовилов, никогда более в своей жизни подобной великой силы присутствия Божия испытывать не будет, ибо и святые угодники Божии, употребившие подвижнические труды целой жизни, не всегда подобную силу Духа иметь удостоивались; но что если он, Мотовилов, когда-нибудь будет чувствовать что-либо подобное, хотя в малой степени, то знал бы, что это и есть присутствие с человеком Господа Духа Святого. Ну а теперь, — прибавлял преподобный Серафим, — за нами дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся и на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии крепость, окрило-теют, яко орли, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений, ибо Царствие Божие, Дух Святой, приобретает подвижническим трудом, и так трудящиеся Его приобретают».

Подобно святым отцам, преподобный Серафим говорил, что больше всего Дух Святой приобретается чрез непрестанную молитву, в которой необходимо пребывать в великой неотступности и духовной борьбе. «Как бы вы ни начали молиться, однако молитесь не переставая до тех пор, пока не почувствуете присутствия Духа Святого. И всегда рассуждайте, в Духе Божиим находитесь вы или нет? И если нет, то рассудите, по какой причине Господь Бог Дух Святой вас оставил, и вновь ищите Его, покайтесь, и не отставайте до тех пор, пока Он снова не будет с Вами Своею благодатью. На отгоняющих Его от нас, врагов наших, надо так нападать, покуда прах их возметется. И чем больше борьбы, и хотя даже поражений,

а потом побед чрез то, что не отчаялись во всепрощающем милосердии Божиим, а также чрез покаяние и причащение Пречистых Таин Христовых,— тем больших венцов еще в здешней жизни получить удостоимся».

Далее преподобный Серафим объясняет, что отступление от человека Духа Святого бывает или по причине соделания человеком греха, или как испытание степени веры человека, и что прохождение истинно христианской духовной жизни, приобретение Святого Духа Божия возможно не одними монахами, но и людьми, находящимися в условиях мирской жизни, притом обязательно православного вероисповедания, т. е. имеющими правую, лишённую всяких заблуждений веру, сохраняющими заповеди Господа Иисуса Христа и предания и постановления соборной апостольской Церкви; вне этого никогда, нигде и ни в ком истинного проявления Духа Божия не было и быть не может».

Сам Господь наш Иисус Христос, говоря ученикам о царствии Божиим, сказал: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не умрут, прежде чем увидят Царствие Божие, пришедшее в силе», и вскоре после того, взяв с Собой трех учеников, на горе Фавор преобразившись пред ними, показал им, что такое есть Царствие Божие; в день же Пятидесятницы, в Сошествие Святого Духа, все апостолы возымели о том ясное понятие. Древние христиане получали это понимание чрез святых апостолов; так, апостол Павел, придя в Ефес (Деян. 19), нашел некоторых крестившихся, но не слыжавших о том, что есть Дух Святой; когда же апостол возложил на них руки и Дух Святой сошел на них, то и они получили ясное познание о Духе Божиим. После апостолов это познание передавалось последующим христианам чрез поставленных апо-

столами епископов. «Но,— говорит преподобный Серафим, согласно с преподобным Григорием Синаитом,— понимание это постепенно исчезало, вместо веры действительной приобрели веру невежественную, мертвую по Духу, и под предлогом просвещения зашли в такую тьму духовную, что не стали не только понимать этого, но и верить этому, и редко можно встретить человека, в котором находится истинное проявление духовной жизни».

То обстоятельство, что Н. А. Мотовилов получил это познание чрез отца Серафима, подтверждает мысль, выраженную всеми святыми отцами, что точное познание о духовной жизни, о Духе Божием приобретается не иначе, как чрез *научение*, и «всякий, кто начинает это искание сам собой, без совета и указания людей истинного духовного опыта,— легко впадает в прелесть, прельщается, мечтая и воображая различно, что все испытываемое и ощущаемое им и есть действие Святого Духа; между тем как на самом деле это или измышления ума человека, область фантазии, или же действия духа тьмы». Крайне редко кто, подобно Максиму Кавсокаливту, получил это понимание прямо от Господа или Богоматери, а потому необходимо просить Господа указать и искать наставника, украшенного не внешними иноческими подвигами, и не сединой преклонных лет, и не мудростью или ученостью сего мира, но человека, имеющего истинные дарования и дары Духа Святого.

Нет, думается, нужды подробно разъяснять и доказывать, что учение преподобного Серафима о стяжании Святого Духа как цели христианской жизни есть учение апостольское, изложенное в их богодухновенных писаниях, особенно же в Евангелии от Иоанна и Послании святого апостола Павла к римлянам. Кто внимательно читал

это Евангелие, тот не мог не заметить, что чрез все это Евангелие красною нитью, связующею и объединяющею собою разнообразные обетования Спасителя о блаженстве, к которому должны приводить человека заповедуемые Им пути жизни, с заповедью о любви во главе их, как и слово о цели пришествия Спасителя и существе принесенного Им спасения, проходит мысль о единении верующих в Него, как Единородного Сына Божия, с Ним, а чрез Него Единосущного Отцу, и с Богом Отцом, не только Духом Святым, а и в Духе Святом, или, что то же, о стяжании Духа Святого как цели христианской жизни (см. например, Ин. 1, 16, 17¹; 3, 3—8; 4, 3—8; 4, 10—26; 6, 62—63; 7, 37—39; 14, 16—20, 26; 15, 26; 16, 7—15 и др.²) И мы знаем, что пока не пришел этот посланный от Отца вознесшимся к Нему Господом Иисусом в пятидесятый день по Его воскресении Утешитель Дух Святой и не сошел на возлюбленных учеников Христовых, которых до того времени Сам Он научал тайнам

¹ Достоинно внимания, что первому митрополиту из русских, святому Илариону Киевскому, жившему на заре христианства в России (в XII в.) и великому подвигами поста и молитвы в пещере, ставшей родоначальницей Киево-Печерской лавры, принадлежит знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором он разъясняет учение о сущности принесенного Христом спасения на основании и в смысле слов святого Иоанна Богослова: закон Моисеем дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть (Ин. 1, 17); в полном соответствии с этим словом первого, так сказать, русского богослова стоит и то, что говорит в последнем по времени труде своем первейший современный богослов Н. Н. Глубоковский «Православие по его существу»: «Для православия христианство является не учением, а жизнью таинственного общения с Богом во Христе и благодатного обновления от Духа Святого в целокупном братстве верующих».

² Указание и разъяснение всех этих именно и др. мест и разъяснение их в данном смысле см. в статье священника И. Соловьева «Поклонение Богу в Духе и Истине» («Вера и Церковь». 1899, кн. IV—V.)

Царствия Божия и которые на словах и тогда за него готовы были в темницу и на смерть, на самом-то деле не только отрекшись убежали от Него при взятии Его воинами и осуждении Его (Мф. 26, 33, 56, 69—74), а и не всегда способны были даже усвоить Его учение о спасении и поверить Ему (см., например, Ин. 14, 5, 8, 22; 16, 12, 17, 18; Мф. 20, 21; Мк. 6, 52; Лк. 24, 11, 21; Деян. 1, 6 и др.). Когда же Дух Святой сошел на них в виде огненных языков (Деян. 3, 3—6), они не только в тот же час вспомнили и усвоили, чему учил их Иисус Христос, а и тогда же смело шли за Него на суд и в темницу и потом пронесли это учение по всему миру, преподав его в оставленных ими писаниях в необъятной для мудрецов мира сего глубине и высоте, и, возрожденные и обновленные духовно, с радостью шли на страдания и смерть, иногда самую по суду мира позорную и по немощи плоти мучительную, как на желанную, ибо смерти уже нет и видимая смерть есть лишь дверь ко Христу и вечной жизни. Особенно драгоценно в этом отношении для нас то, что мы знаем о более всех потрудившемся в апостольстве и, может быть, более всех страдавшем внешне святом апостоле Павле, который из гонителя христиан, дышавшего на них гневом, стал апостолом и, трудясь непомерными трудами, говорил: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе* (Флп. 4, 13), *ибо уже не я живу, живет во мне Христос* (Гал. 2, 20); *для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение* (Флп. 1, 21). В своем Послании к римлянам, не напрасно именуемом некоторыми пятым Евангелием, выясняя сущность принесенного Иисусом Христом спасения, которого не имели язычники и не давал закон и которое должно обнять собою не только род человеческий, а обновить и возродить и весь видимый

мир, он говорит именно о посланном Христом в мир Духе Святом, который упраздняет немощное закона, споспешествует нам в самих молитвах наших, оживления которым чае вся тварь, повинувшаяся тлению за повинувшего ее, и к стяжанию которого Он и зовет всех как к цели христианской жизни. В этом отношении преимущественное значение в самом Послании к римлянам имеют 5, 7, 8 и следующие главы, кончая 11. *О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его* (Рим. 11, 33), — заключает свою богодухновенную философию не по стихиям мира, а по Христе святой апостол Павел.

Верные слову апостольскому, истинные ученики Христа Спасителя, наследники Божии и сонаследники Христу (Рим. 8, 7), уже вошедшие в славу Его, преподобные отцы и учителя наши, кроме жизни своей святой и Богоугодной, оставили нам и писания свои, в которых в наше наставление и поучение и изображали, как каждый из них способами, различными по видимости, но совершенно одинаковыми по внутреннему содержанию, шел по пути заповедей Христовых и тем восстановлял в себе Образ Божий, истлевший в нас страстьми... Остановив свое внимание на заповеди Господа о любви к Богу и ближнему, к которой сходятся все, как бы они ни были разнообразны, все угодники Божии начинали исполнение ее с утверждения в любви к Богу, ибо опытно познавали, что без нее не может быть и истинной любви к ближнему, а с преуспеянием в ней и стяжанием чрез нее Духа Святого, содействием этого Духа легко достигается и истинная любовь к ближнему. Поэтому в писаниях их, хотя много говорится о посте, бдениях, молитве, о самопринуждении к смирению, о борьбе с помыслами и т. п., однако основа-

нием всему всеми св. отцами *предлагается непрестанное памятование о Боге*, как верный, испытанный способ для исполнения первой заповеди; проходя его долго и неуклонно, преуспевали они в любви Божией и приобретали чрез это-то высокое духовное совершенство, которое заключается в явном соединении человека с Богом, и при посредстве этого единения получали ту удивительную заповеданную Христом любовь к ближнему, которая, как дар Духа Святого, всегда исполнена бывает дел милосердия, неосуждения, незлобия, кротости, не имеет гордости, тщеславия, зависти и т. д. (1 Кор. 18, 4—8).

Различно исполнялось святыми отцами это основное правило их духовной жизни — непрестанное памятование о Боге: одни из них точно и неуклонно исполняли для этого молитвенное правило, состоявшее в псалмопении, коленопреклонениях и других подвигах; другие, оставив внешние видимые подвиги, занимались непрерывно внутренней молитвой Иисусовой, даже тогда, когда заняты были теми или иными житейскими делами, как бы освящая их этою молитвою.

Различно именовали они и то явное соединение человека с Богом, которого достигали путем этого непрестанного памятования о Боге: одни называют его «умосердечной молитвой», другие — «чистой молитвой», третьи — «духовным художеством», иные — «благодатью, или созерцанием вещей духовных»; а многие выражались с большею ясностью и, подобно, например, Макарию Великому, называют его «стяжанием человеком Господа Бога Духа Святого».

Знающие житие преподобного Серафима ведают, конечно, повторим сказанное выше, как в полной, чрезвычайной и в древние славные времена христианского

подвижничества мере и силе проходил он этот боголепный путь жизни во Христе — Христовою любовью обнимая всех труждающихся и обремененных, скорбящих и озлобленных, милости и помощи Божией требующих и всех Духом Святым преизобильно почивавших на нем, всячески утешая. В предлагаемой «Беседе» увидят они истинно святоотеческое разъяснение значения этого испытанного им пути в смысле стяжания чрез него Духа Святого Божиего как цели христианской жизни и с трепетом душевным прочтут, конечно, о том видимом озарении его Духом Святым, которое так напоминает собою то, что говорит Господь о блаженстве праведников в Царствии Небесном, когда просветятся они, как солнце (Мф. 13, 43).

Справедливость настоящего заключения будет совершенно очевидною, если мы наперед «Беседы» предложим несколько соответствующих ей святоотеческих творений.

«Дух Утешитель, приемлемый в крещении, дает нам, — свидетельствует по собственному изобильнейшему духовному опыту знаменитый основатель пустынножительства православия против арианства святой Антоний Великий (живший с половины III до половины IV века), — дает нам силу действовать свято, чтобы опять возвести нас в первое славное состояние и сделать достойными получить вечнопребывающее наследие. *Ведайте, что, которые во Христа крестятся, во Христа облакаются* (Гал. 3, 27, 28), получая благодать Святого Духа. И Святой Дух в то же время как становится для них залогом наследия вечного Царства Небесного, научает их тому, как должно поклоняться Отцу в духе и истине (Ин. 4, 23). «Я молился о вас, — обнадёживает и наставляет своих возлюб-

ленных чад духовный великий учитель, — да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я... Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей — и будет у вас небесная радость день и ночь, и будете в этом теле, как те, кои уже находятся в Царствии Небесном». (Добротолюбие. 4-е изд. Т. 1. С. 34, 35).

Преподобный Иоанн Лествичник, великий христианский подвижник VI в., оставивший нам в хорошо всем ревнителям благочестия известной «Лествице» изображение пути духовной жизни, говорит в ней: «Бесстрастие есть сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки... Оно есть воскресение души прежде воскресения тела... Истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое соделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню... И сие совершенное совершенных несовершенное совершенство (по слову вкусившего оное) так освящает ум и исхищает его от вещественного, что часто от жизни в теле восхищением на небо возносит к видениям... Кто сподобился быть в сем устройении, тот еще во плоти имеет живущего в себе Самого Бога, Который руководит его во всех словах, делах и помышлениях. Посему таковой через внутреннее просвещение познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас и будучи выше всякого человеческого учения, говорит: *Когда приду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3).

«Бог на то создал нас, чтобы мы соделывались общниками Божеского естества (2 Петр. I, 4) и причастниками Его присносущности и подобными Ему являлись (1 Ин. 3, 2) по благодатному обожению, ради

коего все сущее устроено и пребывает, и не сущее еще приводится в бытие и порождается», — так определяет цель человеческой жизни преподобный Максим Исповедник, великий христианский мудрец половины VII в. (см. «Умозрительное и деятельное» § 99). А указывая путь к этой блаженной цели, он начертывает его в таких словах: «Надлежит разумом вместо неведения к Богу возноситься» чрез познание Его взысканием, вожделением очистив его от страсти самолюбия, только к Богу устремляться всем желанием; энергиею, отрешив ее от ненависти, усиливаться улучшить единого Бога и создать в себе Божественную и блаженную любовь, с Богом соединяющую и Богом являющую Боголюбца, — любовь, которая из них, т. е. из Боговедения и Богожелания, и ради которой они (§ 93). Любовь — вот «дверь», коею входящий вступает во святая святых и сподобляется быть достойным зрителем неприступной красоты Святой и царственной Троицы» (§ 97).

Преподобный Исаак Сирин — великий подвижник и писатель конца VII и начала VIII века, изображая последовательные ступени, которые проходит человек во внутреннем своем отношении к вопросам духовной жизни, говорит: «Человек, пока в нерадении (т. е. не идет путем живой веры и не стремится к Богу Живому), боится часа смертного, а когда приблизится к Богу, боится сретения Суда; когда же всецело подвинется впрдъ (т. е. войдет в область чистой любви к Богу), тогда любовью поглощается тот и другой страх». Любовь эта сладостней жизни и, торжествующая над смертью, рождается, по словам святого Исаака, от истинного познания Бога, а истинное познание есть «ощущение бессмертной жизни, которая сама есть ощущение Бога». «Исполни, Господи, сердце

мое жизни вечной», — молится преподобный, показывая этой молитвой, что жизнь вечная доступна человеку и в этой грешной земле, что она не только предмет чаяния в будущем, но и ощущения в настоящем. Говоря в другом месте о сладости ночного молитвенного бдения, сирский философ свидетельствует, что «в эти часы душа ощущает оную бессмертную жизнь и ощущением ее совлекается одеяния тьмы и приемлет в себя Духа Святого» (гл. 42).

«Кто, как должно, верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа», — говорит святой Симеон Новый Богослов (живший в XI в.). «Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Святого Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные (грехом) души наши и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого — бессмертного и нетленного живущим в нас. Постараемся же, — говорит святой подвижник, — сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Самого Христа — этот Божественный Свет, и да стяжем Его еще здесь, в настоящей жизни, да животворит Он души наши благодатию Всесвятого Духа и да питает их сладостью чаемых благ Царствия Своего».

«Целью, — говорит он в другом месте, — всех живущих по Богу должно быть благоугождение Господу Иисусу Христу и примирение с Богом Отцом чрез приобретение Духа Святого и чрез это получить спасение, ибо лишь в этом заключается спасение всякой души. И если у нас нет этого искания Духа Святого, то напрасен всякий труд и суетно всякое делание наше; бесполезен путь, не ведущий к сему. Кто же обогатился сим небесным сокровищем, разумею, пришествием и вселением

в него Христа, который сказал: *Аз и Отец Мой придем и обитель у него сотворим* — тот по опыту знает, какую получил радость, какое сокровище имеет в сердце своем; беседуя с Богом, как друг с другом, дерзновенно стоит он пред лицом Того, Кто обитает в нем в свете непреступном. Кто верит тому, что я говорю, тот блажен; кто трудится, чтобы действительно приобрести это, — тот треблажен; кто же достиг и как сын дошел до Самого Бога, тот, чтобы не сказать мне нечто большее, — ангел. Кто же думает, что имеет в себе Духа Святого, на самом же деле не имея, тот, когда слышит, что, однако, действия Святого Духа явно и ощутительно бывают в тех, которые действительно Его имеют, — никак тому не верит, ибо всякий по собственному духовному состоянию судит и о других. Но кто не сподобился приобрести сие благо, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что дело это невозможное. Будучи обличаем и удостоверяем Святым Писанием, да знает таковой, что дело сие возможно, но по причине нарушения и неисполнения заповедей Божиих каждый сам себя лишает сего блага».

Святой Григорий Палама, архиепископ Солунский XIV в., прославившийся борьбой с варлаамитами в учении о несозданном свете Фаворском, говорит: «Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с Богоначальной Троицескою Единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению и становится выше плоти, мира и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся изнутри духовное радование... Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность сво-

их мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь» (Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. С. 300—301). «Настоящая смерть, — говорит он же, — есть то, когда душа чрез содеяние греха разъединяется с Духом Божиим; имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Обратное тому — жизнь души есть соединение с Духом Божиим. И не ревнующие стяжать Духа Святого еще здесь, на земле, да не обольщают себя пустыми надеждами получить это там или как-нибудь сподобиться в то время человеколюбия Божьего, ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования, время гнева и суда Божия. Итак, надлежит постоянною молитвою стяжать Духа Святого, и не только стяжать, но и сохранить, ибо есть такие, которые, получив о Нем понятие, опять Его потеряли, так как постоянное терпение в стяжании Его не все имеют».

Все эти собственными опытами духовной жизни добытые и православною Церковью чтимые святоотеческие свидетельства об ней невольно припоминаются при чтении «Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни» как с этой беседой единомысленные и согласные, и, припоминаясь, как бы сливаются с нею в один голос единой, святой, соборной и апостольской Церкви православной.

Но мы не сказали бы самого главного в обоснование своей мысли об истинно церковном, святоотеческом характере и значении «Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни», если бы не привели свидетельства о сущности этой жизни как стяжания Святого Духа из Творений одного из знаменитейших преподобных мужей IV века Макария Египетского в его «Беседах»

и «Словах о Святом Духе». Мы нарочито отложили выписку этих свидетельств к концу, потому что «Беседа преподобного Серафима» представляет собой полное отражение не только мыслей, а и слов и выражений именно этого святого отца, в Творениях которого это учение, изложенное пространно и проникновенно, более, чем у других, есть главное их содержание.

В своей книге «О совершенстве», которому обязаны все христиане (50 бесед и 7 слов), святой Макарий Великий говорит, что духовное совершенство есть не иное что, как явное соединение с человеком Господа Духа Святого, и во всех беседах подробно указывает на то, что это есть то самое, чего каждый христианин должен достигать в большей или меньшей мере. «Как ни прекрасны, — говорит он же, — пост, молитва и различные способы и подвиги, однако неразумно останавливать на них свое внимание, но, исполняя их, необходимо все свои прошения обратить на приобретение Святого Духа Божия, ибо Его только пришествие может начать уничтожать постепенно греховные страсти, живущие в человеке и вести человека к совершенству».

Это о главной мысли и «Беседы преподобного Серафима», а вот и всего вообще содержания «Беседы» касающиеся выдержки из Творений святого отца.

«Адам, — так читаем мы в *Беседе 12*, — преступив заповедь, утратил Образ Божий, в котором состояло все его небесное наследие. Если золотую монету, имеющую царское изображение, обрежут, то пропадет золото, и изображение не придаст ей цены — так, подобно сему, произошло и с Адамом: лишился он Духа Святого. Не говорим, что человек утратился, нет, но он умер для Бога, живет же собственным греховным естеством, Господь не входит с ним в общение».

(Беседа 2). «Посему невозможно различить душу с грехом, если Сам Бог не прекратит лукавый, греховный ветер, пребывающий в душе и теле. Но будем умолять Бога, чтобы дал нам «крылы голубины» Святого Духа, да отлучится от нас лукавый ветер — самый грех, живущий в нас, ибо Ему Одному возможно сделать это».

(Беседа 3). «Да будет предметом искания одно: *иметь Господа в уме*; работает ли кто, читает, молится ли — да имеет оное не престающее стяжание Святого Духа, ибо не дано и невозможно человеку искоренить грех собственною силою; бороться с ним, противиться — в твоих силах, а искоренить может один Господь. А если не так, то какая нужда была бы в Господнем пришествии? Если же говоришь, что противная сила крепче и порок вполне царит над человеком и сроднился с ним, то обвиняешь в несправедливости Бога, который осуждает человека за то, что послушался сатаны. Посему утверждаем, что ум есть борец и борец равносильный».

(Беседа 4). «Вот мудрые пять дев поспешили взять елей в сосуды сердца своего, т. е. подаваемую свыше благодать Святого Духа и могли войти с Женихом в небесный чертог; юродивые же не постарались, пока были еще во плоти, взять сего елея радости и за сие не допущены были в Царство. Так души, взыскавшие ныне необычайного для естества человеческого Святого Духа, прияли елей небесной благодати и могут непреткновенно угодить Богу; души же, не приобретшие Духа Святого, пресмыкаются мыслями на земле; сами по себе думают, что принадлежат Богу, но не прияв елея радости, не возродились Духом свыше, потому что не совлеклись духа мира. Вследствие преслушания первого человека приняли мы в себя греховные страсти и долговременным усвоени-

ем обратили их как бы в природу, и теперь опять необычным даром Духа Святого надлежит нам изгнать из себя сии страсти и восстановить первоначальную чистоту. Да потщится человек благоугодить Господу и на самом опыте ощутительно узреть небесные блага, невыразимое наслаждение в подлинном смысле, «их же око не виде, ухо не слыша и на сердце человека не взыдоша», — узрит человек Духа Господня, соделавшегося радованием и наслаждением достойных душ. Ибо все, что ни захочет, удобно для Духа Святого и, преобразуясь, делается видимым для любящих Его. Когда хочет — бывает неизреченным упокоением; когда хочет — бывает огнем, пожирающим всякую нечистоту греха; когда хочет — бывает радованием и миром, чтобы души на самом опыте насладились благостью и сладостью Его. И душа, которая сподобится принять сию силу свыше, т. е. Святого Духа, отрешается от всякой мирской любви и освобождается от порока. Итак, посвятим себя исканию сего единственного блага. А если это покажется невозможным и неисполнимым (а такая мысль есть внушение злобы и препятствует нашему спасению), то приведем себе на память, как Господь давал прозрение слепым, целил всякую болезнь и воскрешал мертвых; кольми же паче душу, которая у Него просит милости, приведет к чистоте, даст Духа Святого просящим у Него; сим убеждая нас к тому, чтобы непрестанно, неотступно, неутомимо просили мы у Него сего блага».

(Беседа 5). «Апостол Павел, рассуждая о сем небесном сокровище, т. е. о Духе Божиим, и описывая чрезмерность скорбей, показывает, чего каждый должен искать и что обязан приобрести, говоря: «Вемы бо, яко, аще земная наша храмина разорится, создание от Бога

имамы — храмину нерукотворну на небесах». Посему каждый должен стараться приобрести оную храмину и верить, что приобретается она еще здесь, на земле. И те, которые суть в действительности христиане, радуются, исходя из тела, ибо имеют оную храмину нерукотворну; храмина же сия есть обитающий в них Святой Дух. И в какой мере приобретет каждый Святого Духа, в такой мере будет в день всеобщего Воскресения и прославлено тело его. Поэтому должно верить и ожидать с великим терпением и надеждой, что ныне еще можем сподобиться принять в себя силу и славу Святого Духа, и будем просить Господа, чтобы еще ныне нам сделаться причастниками оной славы и возыметь общение со Святым Духом. И ты, как скоро слышишь это, обрати внимание: подлинно ли это приобретено твоей душой? Ибо это не слова, произносимые мной просто, но дело истинно, в душе совершаемое явно. Горе душе, если, остановившись на своей природе, не имеет она общения с Духом Божиим, потому что умрет, не сподобившись вечной жизни. И это, повторяю, не просто произносимые слова, но дело духовной жизни, совершаемое в душе, достойной и верной».

(Беседа 8). «Благодать Духа Святого действует в человеке различно, иногда возгорается и воспламеняется сильнее, а иногда слабее и тише; сверх того иным являлось светоносное одеяние, которого нет на земле, ибо, как Господь с апостолами, вошедши на гору, преобразил ризы Свои и сделал их молниевидными, так бывало с оным одеянием, и человек удивлялся и изумевал. В иное время свет сей отверзал внутренний, глубочайший свет, и человек, поглощенный сладостью сего созерцания, не владел собой, но был как бы вне себя по причине произо-

билующей любви и радости. И человек, которому показано сие и который изведаль сие опытом, если бы это все продолжалось с ним постоянно, не мог бы принять на себя никакого домогательства слова, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться о себе, но только бы стал сидеть в восхищении и упоении. Почему находиться постоянно в такой совершенной мере не дано человеку».

(Беседа 9). «Однако действительность благодати Святого Духа совершается в душе великим долготерпением, когда человек подвизается в продолжение времени и целых лет, когда после многих испытаний окажется благогоудным Святому Духу. Душа приемлет дарование Святого Духа после долговременного борения, после опытов великого терпения, после искушений и испытаний всякими скорбями, когда ни в чем не оскорбит Духа Божия — и сего причастными делаются только одни истинные христиане. Для сего необходимо, чтобы весь ум всецело принял на себя попечение об искании сего и с терпением пребывал в ожидании наития Святого Духа».

(Беседа 10). «Души боголюбивые если за веру свою и сподобятся быть причастниками сего небесного веселия, то не полагаются на себя, почитая чем-либо, но в какой мере приобретают Духа Божия, в такой мере по ненасытимости небесного ощущения с большим напряжением взыскуют оных. Они достойны вечной жизни, избавляются от страстей и в полноте приемлют озарение и причастие и общение со Святым Духом. Души же расслабленные и немужественные, потому что находятся во плоти, не стараются *не отчасти, но совершенно с полным ощущением и несомненностью* быть в общении с Утешителем — Духом Божиим, посему самому не приемлют избавления страстей. Приять же полную силу Ду-

ха возможно не вдруг; напротив того — многими трудами и подвигами после испытаний и искушений приемлют сие духовное возрастание и достигают даже до совершенной меры бесстрастия».

(Беседа 11). «Тот небесный Огнь Божественного Духа, который христиане здесь еще приемлют внутрь себя, когда разрушится тело, начнет действовать вовне и снова сопряжет члены, совершит Воскресение. Так ныне верные души приемлют в себя сей Божественный и небесный Огнь, и сей-то Огнь производит в человеке *Небесный Образ*».

(Беседа 14). «Всякое видимое в мире дело делается в надежде получить пользу от труда, иначе напрасны и труды — так и человек, проводя время в молитвах, и прошениях, и подвигах, должен ожидать Господа, когда придет и явит ему Себя, и не должен человек надеяться на свои труды, пока не придет Господь и не будет обитать в человеке *со всяким ощущением и действием Святого Духа*».

(Беседа 15). Христиане должны переносить скорби и внешние и внутренние брани, чтобы все побеждать терпением. Таков путь христиан: где Дух Святой, там, как тень, следует гонение и брань! Вы все, соделавшиеся причастниками Святого Духа, ни в чем — ни в малом, ни в великом — не поступайте с пренебрежением и не оскорбляйте Духа Божия, чтобы не лишиться Его, ибо те, которые стали причастниками Его, если не будут осторожны, угасают».

(Беседа 17). Те, которые приобрели небесный елей радования, приемлют печать нетленного Царства — Самого Духа Святого Утешителя; сии могут взойти в меру совершенства и не дивятся тому, что будут царствовать со

Христом в будущем веке, ибо, будучи еще во плоти, приобрели в себе сие ощущение сладости и действие Духа Святого. Вкушение Святого Духа производит неутолимую, почти духовную, жажду, которая по справедливости уподобляется жажде человека. И это, говорю, не одни слова, но действие Святого Духа».

(Беседа 18). «Поэтому кто приобрел и имеет в себе сие небесное сокровище Святого Духа, тот чисто может совершать всякую правду по заповедям. Через приобретение Духа Святого душа производит плоды Духа и без всякого труда исполняет все заповеди Господни, чего ранее без него исполнить была не в силах».

(Беседа 19). «Сподобившиеся принять Духа Святого бывают многообразно и различно путеводимы Им. Иногда они бывают обвеселены и радуются радостью и веселием неизглаголанным; иногда бывают упокояемы божественным покоем; иногда, как бесплотные ангелы, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность, находясь еще в теле; иногда бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые Духом; иногда плачут и молятся за все человечество, воспаменяемые к нему духовной любовью; иногда имеют такую духовную радость и любовь, что готовы вместить в сердце своем всякого человека, не различая злого и доброго. Иногда, получив истинное смирение, исходящее от Духа, готовы унижать себя перед всяким человеком и почитать себя последними и меньшими из всех; иногда делаются подобными сильному воину, выходящему на брань на врагов, чтобы победить их; иногда упокоиваются в великом мире и тишине, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Так разнообразно действует в человеке Святой Дух. Но сии перечисленные нами действия Духа

Божия проявляются в такой большой мере в людях, близких к совершенству, и совершаются непрерывно, так что одно действие Духа следует за другим. Так люди сии, водимые Духом Святым, уподобляются Христу».

(Беседа 20). «Если кто не имеет у себя божественной и небесной ризы, т. е. силы Духа Святого, как сказано: *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*, то да плачет и умоляет Господа, чтобы приять ему сию подаваемую с неба ризу, потому что покрыт великим стыдом страстей и бесчестия, кто не облечен в сию ризу Духа. Господь отвращается от душ, которые не облечены с полным удостоверением в ризу Духа. Только силою Божественного Духа, сим одним врачеством может человек получить исцеление — по очищении сердца Духом Святым, и Господь обещал дать Духа Святого просящим у Него! И не ложен Обещавший!»

(Беседа 26). «Человек может отречься от мира, удалиться, пребывать в молитвах и бдении, может любить Бога и братьев — и это есть его собственное дело, но если ограничится он сими деланиями, и не будет надеяться принять нечто иное, и не повеет на душу ветер Святого Духа, то человек не принесет достойных плодов Господу».

(Беседа 27). «Христианство не есть что-либо мало-важное: оно есть великая тайна, и тайна сия необычна для мира сего, ибо, говорит апостол: «Вера наша не в препрельных человеческие премудрости словесех, но в явлении Духа и силы».

(Беседа 29). «Иные как скоро преступят с верой, то без их трудов, без потов и подвигов предваряют дарования и дары Духа Святого. И сие дается Господом не без причины и не как случится, а по непостижимой некоей

премудрости Его, а иным, хотя и удалились из мира, отреклись по Евангелию от всего и проводят время в посте и молитвах,— Господь не скоро дает сие благо, но медлит и удерживает сей дар. И сие не без причины и не как случится, но опять-таки по неизреченной премудрости для испытания веры их. Однако нужно верить, что, пребывая еще во плоти, сподобятся и они сей небесной благодати и сподобятся вечной жизни. Посему кто старается уверовать, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять Духа Святого ему, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще возвратить человеку утраченное им — Духа Святого, сотворить в душе человека Себе обитель. И кто не искал и не принял сего здесь, то по исшествии из тела отлучается уже в страну тьмы».

(Беседа 32). «Когда душа твоя будет в общении с Духом Святым и сия небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге и наследник и сын».

(Беседа 37). «Но если бы нашелся кто и возразил, что одни апостолы могли так явно приять Духа Святого, а нам сие невозможно, то апостол Павел говорит: *«Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Его»*».

(Беседа 38). «Вопрос: если некоторые продают имения, отпускают на свободу рабов, стараются исполнить заповеди Божии, но не стараются в мире сем приять Святого Духа, то неужели не войдут они в Царство Небесное? Ответ: это предмет тонкий для рассуждения, ибо некоторые утверждают, что Небесное Царство одно и геенна одна; мы же говорим, что много степеней, различий и мер и в Царствии Небесном и в геенне».

(Беседа 41). «Благодать Святого Духа может в одно мгновение очистить человека и сделать его совершенным,

однако начинает посещать душу постепенно для испытания человеческого произволения. И в продолжение времени и многих лет если душа ничем не огорчит Духа Святого, то благодать Его пускает корни до глубочайших составов и помышлений души, пока вся она не будет объята всей благодатью Небесного Духа».

(Беседа 42). «Души, украшенные лишь мирскими знаниями, разумением и самым острым умом, подобны большим городам, не имеющим крепких стен от врагов, и потому мудрые века сего — Аристотель, Платон, Сократ — при всех знаниях своих уподобились сему, ибо опустошены были духовными врагами, потому что не было в них Духа Божия».

(Беседа 43). «Христиане обязаны иметь всегда памятование о Боге, ибо написано: *«Возлюби Господа Бога от всего сердца»*, т. е. не только когда ходишь в церковь, люби Господа, но, и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу, имей памятование к Богу, любовь и приверженность к Нему».

(Беседа 44). «Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить душу, низложенную вследствие преступления греховными страстями, создать ее вновь собственным Своим Божественным Духом, влить в нее «вино новое», т. е. Духа Святого».

(Беседа 49). «Если кто ради Бога оставил все, отрекся от мира, распял себя самого, сделался странником, нищим, но вместо всего сего оставленного не обретет в себе Божественное упокоение, не облечется в ризу Духа Святого, не познает в душе с несомненностью общение с Небесным Духом, не приобретет внутрь себя радость Духа — то стал он «солию обуявшей»; он жалок паче всех людей: и здешнего лишил себя, и Божественным не

насладился, не познал по действию Духа Божественных тайн. Посему если удалишься от всего житейского и прилежно будешь пребывать в молитве, то познаешь, что сей труд принесет тебе величайшую радость: Сам Бог вселится в тело человека, и Господь имеет у Себя прекрасную обитель — человека! Как небо и землю сотворил Он для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселиться и упокоеваться в теле его, как в доме Своем».

(Слово 3, гл. I). Царствие Божие внутрь вас есть — сими словами означает, что небесное веселие Духа Святого в душах достойных выражается явственно, ибо души сии через действительное общение с Духом Божиим здесь еще приемлют начатки того веселия, той радости, того наслаждения, которого святые в Царствии Христовом приобщаться будут в вечном свете».

(Слово 3, гл. XI). «Утверждающим, что невозможно достигнуть совершенства и полного освобождения от страстей и сподобиться явного общения со Святым Духом, необходимо представить из Божественных Писаний и доказать, что говорят они ложно и худо знают дело, ибо Господь говорит: *Будите убо совершенни и вы, яко же Отец ваш Небесный совершен есть*, означая сим совершенную чистоту».

(Слово 4, гл. XIII). «Необходимо также позаботиться и испросить у Господа приобретение великой рассудительности, чтобы уметь входить в исследование многообразных козней лукавого, который обольщает человека благовидным представлением. Поэтому не поддавайся скоро внушениям духовных сил, хотя бы это были и сами небесные ангелы, но будь медлителен, ибо действия Святого Духа не неявны и грех не может произвести

оних, хотя бы и принял на себя личину добра; так если сатана и представит светлые видения, но не может при этом произвести доброго действия, и это служит точным его признаком: не может он произвести любви к Богу или ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости духовной, ни мира, ни духовного упокоения, ни успокоения мысли, ни усмирения какой-либо страсти, так как все бывает явным образом произведением Духа Божия; скорее всего сатана способен и силен внушить кичиние и высокоумие. Но как уксус и вино на вид похожи, а вкус различает свойство того и другого, так и душа по духовному в ней ощущению и действительности может различить присутствие Духа Божия от мечтаний лукавого».

(Слово 6, гл. XXX). «Прекрасное дело — пост; прекрасное дело — бдение, а равно прекрасны подвижничество и странническая жизнь, и все это есть начало жития Боголюбивого, но совершенно неразумно полагаться на одни подобные сим дела.

(Слово 7, гл. XI и XII). «Господь говорит: «Аз и Отец Мой придем и обитель у Него сотворим». И не тайно, не действительно, но в силе и истине совершается сие в сподобившихся. И ныне во тьме пребывает душа, которая не сподобилась еще, чтобы обитал в ней Господь и чтобы сила Благого Духа приосеняла ее *действительно*».

ПРИМЕЧАНИЯ

РАЗДЕЛ I.

Сочинения и письма Н. А. Мотовилова

Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима.

Печатается по: Литературная учеба, 1990, № 5.

В 1901—1902 гт., во время своего первого паломничества в Дивеево, С. А. Нилус знакомится со вдовой Мотовилова Еленой Ивановной († 26 декабря 1910 г.), которая передает ему короб с неразобранными рукописями своего покойного мужа. Среди второстепенных хозяйственных бумаг он находит перебеленный текст жития отца Серафима. С. Нилус передает его отцу Павлу Флоренскому. Этот беловик, исполненный писарским почерком, палеографические признаки (ручная выделка бумаги, филигранный, а также особенности почерка) позволяют датировать 1830 гт.

Ко дню кончины прп. Серафима (2 января 1833 г.) в Сарове были три бытописателя монастыря: иеромонах Сергей, гостинник Гурий (в иночестве Георгий) и послушник Иоанн Тихонов (в монашестве Иоасаф, в схиме Серафим), оставившие письменные свидетельства молитвенных подвигов отца Серафима. Из мирян литературным дарованием отличался Н. А. Мотовилов. По словам священника Л. М. Чичагова, «Николай Александрович доверился Ивану Тихонову, потому что в Сарове ему не опровергали рассказов этого лжеученика и он сам видел, как Иван Тихонов часто посещал Старца... В 1840 г. Н. А. Мотовилов женился на Е. И. Мелюковой и переселился в симбирское имение. В это время Иван Тихо-

нов ничего еще не разрушил в обители отца Серафима, Николай Александрович продолжал быть с ним в приятельских отношениях. Когда же в 1842 г. произошло соединение общин, Н. А. Мотовилов сразу прозрел насчет Ивана Тихонова, сильно огорчился и даже уверял, что если бы он не женился, то Иван Тихонов не мог добиться такого нарушения заветов батюшки Серафима» (Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. 2-е изд. СПб., 1903. С. 560—561).

Таким образом, текст жития мог быть написан вскоре после кончины Старца, о которой автор пишет как о событии недавнего времени, и уж во всяком случае не позже 1842 г., когда произошло соединение Дивеевских общин. Только в этот период Н. А. Мотовилов мог так доверительно относиться к рассказам послушника Иоанна. Эти рассказы-свидетельства известны и по другим источникам, прежде всего по записям дивеевских монахинь, воспоминаниям отца Василия Садовского, по «Сказанию» самого отца Иоасафа.

Публикуемый текст принадлежит к самым ранним изводам жития Саровского чудотворца. Свежесть восприятия и красота подробностей, присущие письму Н. Мотовилова, раскрылись уже в этом раннем его произведении. Таким даром из пишущей братии в Сарове тогда никто не обладал.

Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни.

18 июля 1903 года, в самый разгар саровских торжеств «Московские ведомости» начали публиковать разысканную С. Нилусом рукопись воспоминаний Н. А. Мотовилова «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саров-

ском», известную теперь как «Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни». Рукопись печатали в трех выпусках газеты.

«Беседа» была собственноручно записана Н. А. Мотовиловым по памяти и не в одном экземпляре, поэтому в бумагах, доставшихся его вдове Елене Ивановне, сохранилось две редакции, по полноте содержания и по некоторым отдельным выражениям несколько различающиеся, хотя по существу совершенно между собой согласные. С. А. Нилус подготовил сводный текст, объединяющий обе редакции («Московские ведомости». 1903, № 195—197; Великое в малом. М., 1903. С. 108—133). Этот текст, особенно после 2-го издания в 1905 г., приобрел наибольшую известность и отличается композиционной ясностью. Сокращенный вариант был издан Л. И. Денисовым (Житие, подвиги, чудеса, духовные наставления и открытие святых мощей преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. М., 1904. С. 319—335) и М. А. Новоселовым (О цели и смысле жизни. Вышний Волочок, 1909. Вып. XXI. Ч. 2. С. 39—72). Впоследствии появились и обе первоначальные редакции (О цели христианской жизни. Беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. По собственноручным записям последнего с предисловием Н. П. Сергиев Посад, 1914.) Перед революцией 1917 г. Сергей Нилус заново обследовал рукопись Мотовилова и подготовил к изданию окончательный вариант «Беседы». Эта версия отличается от предыдущих наличием подзаголовков и эпиграфами из Священного Писания. Воспроизводим ее по первой публикации: Русский Паломник, 1990. № 2. С. 73—92.

Антихрист и Россия

Публикуемый текст представляет запись Н. А. Мотовилова пророчества старца Серафима Саровского, который в своих беседах многократно обращал внимание слушателей на будущие судьбы России. Рукопись его записок, датируемая нач. XX в., принадлежала священнику отцу Павлу Флоренскому и хранится в архиве его семьи. После 1917 г. эти пророчества распространялись устно и письменно в разных вариантах (см. «Антихрист родится в России»). Основная часть текста, начиная со слов «Неизменный счет войны...», вероятно отрывок из записи беседы Н. А. Мотовилова с архиепископом Воронежским Антонием, сделанная тогда же. По мнению игумена Андроника (Трубачева), это пророчество отца Серафима постепенно будет входить в церковное сознание, «поэтому пока не исполнилась полнота времен, не будем дерзать выносить суд над словами святого».

Печатается по изд.: Угодник Божий Серафим. М., 1993. Т. 1. С. 180, 353—354.

Антихрист родится в России

Этот вариант был распространен перед революцией 1917 года и входил в воспоминания Елены Ивановны Мотовиловой, составленные по запискам ее мужа. Публикуемый текст принадлежал иеромонаху Серафиму (Орлову, † 1975), настоятелю храма Покрова Богородицы в подмосковном сельце Акулове, держателю личного архива архиепископа Арсения (Жадановского, 1875—1937). По некоторым сведениям, этот текст находился в архиве владыки, который принимал непосредственное участие в прославлении мощей преподобного Серафима Саровского в 1903 г. Тогда же владыка Арсений имел довери-

тельные встречи Е. И. Мотовиловой и, возможно, лично получил от нее фрагменты записей.

Отметим, что существует и третий, сокращенный, вариант текста «Антихрист и Россия», (см. Филарет, иерей. Летопись от создания мира и архивы. СПб., 1988. С. 170—171).

Печатается по: Путь, 1994, № 2/32.

Великая Дивеевская тайна

Печатается по изд.: Угодник Божий Серафим. М., 1993. Т. 1. С. 193—195. Машинопись текста нач. XX в. хранится в архиве Флоренских.

Письма и докладные записки

Публикуемые письма, прошения и докладные записки Николая Александровича Мотовилова императорам Николаю I и Александру II долгое время оставались недоступны исследователям. Погребенные в недрах архива III Отделения, они как бы дожидались своего часа, когда пророческий голос старца Серафима, собеседника Мотовилова, может быть услышан и сокровенный смысл его речей будет понят без тени смущения. Невыразительное название дела «По всеподданнейшей просьбе титулярного советника Николая Александровича Мотовилова» (ГАРФ, ф. 109, оп. 1 жи 1854, дело 93) более ста лет не привлекало внимания архивистов, занятых преимущественно работой внецерковной, богословам же доступ к государственным фондам всячески преграждали. Между тем «служба Серафимов» Николай Мотовилов еще при жизни хотел дать ход этим письмам, чтобы поучительные мысли Саровского подвижника помогли людям заглянуть за горизонт повседневья и хотя бы в общих чертах представить грядущие судьбы России.

Но на просьбу о встрече с императором Николаем I министр двора В. Ф. Адлерберг ответил отказом, а само прошение передал в III Отделение. Тогда Мотовилов лично обратился к царю с обширным письмом, в котором рассказал о себе и о цели столь желанного визита. Николай I, прочитав это письмо, наложил резолюцию, после которой Мотовилову пришлось письменно изложить тайные пророческие слова старца Серафима. Много лет спустя, уже в царствование Николая II, именно это письмо привлекло внимание государыни Александры Федоровны, и по ее просьбе архивисты выписали наиболее яркие места пророчеств преподобного Серафима (в тексте подчеркнуты). Если соединить выделенные фрагменты, получится письмо старца Серафима последнему царю, о котором так много было толков и текст которого все не удавалось найти.

С кончиной императора Николая I Мотовилов не успокоился, он посылает письма новому царю Александру II, набросав их наскоро и не соблюдая внешнего этикета. Такие письма, конечно, не попадали на стол к царю, а как и прежде отправлялись министром двора в III Отделение, где на Мотовилова уже было заведено «Дело». Надо отметить, что покушения на Александра II заставили жандармов попристальнее взглянуть на личность «служки Серафимова», и об этом в «Деле» есть не один документ. Сохранилась в архиве также докладная стихира Н. Мотовилова, написанная им в связи с чудесным избавлением императора Александра II от смерти 4 апреля 1866 г.

Первые публикации писем А. Н. Мотовилова из фондов III Отделения появились в «Русском вестнике» (1995, № 37–39; № 51–52) и «Державе» (1996, № 1(4)).

РАЗДЕЛ II
Материалы к биографии
Н. А. Мотовилова

С. Нилус. Служка Божией Матери и Серафимов
Печатается по: *Нилус С.* Великое в малом. Царское Село, 1905. С. 58—87.

Е. И. Мотовилова. Из воспоминаний о муже Николае Александровиче
Печатается по: Душеполезное чтение, 1912, № 7—8

Н. А. Мотовилов глазами чиновников
К корпусу писем Мотовилова, адресованных императорам (см. С. 88—124 наст. изд.), примыкает ряд донесений чиновников с мест. В их формальном измерении «служка Серафимов» всего лишь заурядный фанатик с признаками помешательства, впрочем, безвредный и преданный царю и Отечеству.

Полный свод документов «дела» вместе с письмами дается впервые. Это позволит лучше представить образ и характер Н. А. Мотовилова, собеседника великого саровского Старца.

Н. П. Богословское рассмотрение «Беседы преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни».

Печатается по: *Н. П.* О цели христианской жизни. Беседа преподобного Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым. Сергиев Посад, 1914 (с сокращениями во вступительной части).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя.....	3
Раздел I. Сочинения и письма Н. А. Мотовилова	
Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни неромонаха и пустынножителя отца Серафима.....	7
Беседа преподобного Серафима Саровского о це- ли христианской жизни	
Предисловие С. Нилуса.....	30
Приглашение	32
Изволение Господа.....	35
Цель жизни христианской.....	37
Стяжание благодати	46
Богоматерь — язва бесов.....	49
Благодать есть свет.....	58
Мир и теплота благодати.....	60
Послесловие С. Нилуса (к изданию 1903 г.)	71
Послесловие С. Нилуса (к изданию 1911 г.)	73
Антихрист и Россия.....	77
Антихрист рождается в России	81
Великая Дивеевская тайна.....	86
Письма и докладные записки	
Прошение гр. В. Ф. Адлербергу от 7 февраля 1854 г.	88
Императору Николаю I от 7 марта 1854 г.	89
Императору Николаю I от 9 марта 1854 г.	100

Секретная записка кн. В. А. Долгорукову от 14 декабря 1861 г.	106
Докладная стихира императору Александру II от 19 июля 1866 г.	107
Гр. В. Ф. Адлербергу от 28 июля 1866 г.	110
Докладная записка императору Александру II от 28 июля 1866 г.	112

Раздел II. Материалы к биографии Н. А. Мотовилова

С. Нилус. Служка Божией Матери и Серафимов	127
Е. И. Мотовилова. Из воспоминаний о муже Николае Александровиче.....	201
Н. А. Мотовилов глазами чиновников	209
Н. П. Богословское рассмотрение «Беседы преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни»	215
Примечания	247

СЕРАФИМОВО ПОСЛУШАНИЕ (Жизнь и труды Н. А. Мотовилова)

Составитель Александр Николаевич Стрижев

Художник А. А. Волошин
Редактор Л. В. Барбашова
Корректор Н. П. Бржевская
Набор и верстка О. Л. Мысливцева

Сдано в набор 25.03.96. Подписано в печать 25.04.96.
Формат 70x100 ¹/₃₂. Гарнитура Академия С
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,1
Заказ № 67251

Издательство Спасо-Преображенского
Валаамского Ставропигиального монастыря
125047, Москва, ул. 2-ая Тверская-Ямская, д. 52
Лицензия ЛР № 030442 от 14.12.1992

Отпечатано с оригинал-макета в типографии АО «Молодая гвардия»
103030, Москва, Суцьевская ул., д. 21

